This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

А. Л. ПОГОДИНЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО

АРХЕОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ.

ИЗДАНІЕ

СЛУШАТЕЛЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Шт.-кап. М. О. Иванова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Бережливость». Калашников. набережная. д. № 32.
1902.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Распространеніе культуры въ доисторическія времена . . .	1
II.	Примитивный индивидуальный строй	20
III.	Примитивныя формы общественнаго быта.	31
IV.	Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индо-германцевъ . .	49
V.	Жреческая организація индо-германцевъ	66
VI.	Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ	87
VII.	О сношеніяхъ Босфорскаго царства съ варварскими народами	100
VIII.	Къ вопросу о фракійцахъ.	130
IX.	Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени	155
X.	Эпиграфическіе слѣды славянства.	163

I.

Распространеніе культуры въ доисторическія времена.

Wenn alle Schicksale mit den Geschlechtern, von denen sie erlebt wurden, in die Erde gesunken sind, bleiben nur die Wanderspuren übrig, welche alle Urgeschichte zur Wandergeschichte machen und langsam die Geschichte in Anthropogeographie übergehen lassen. Fr. Ratzel, Anthropogeographie, II, 578.

Въ 1790 году небольшая группа матросовъ, возмутившихся противъ капитана Блига, пристала къ Таити, откуда потомъ переселилась на маленькій австралійскій островокъ Питкернъ (130° зап. долг. отъ Гринвича). Здѣсь они основали вмѣстѣ съ 12 таитянками маленькое государство, населеніе котораго въ 1825 году достигло числа 66 человѣкъ. За все время своего существованія колонія не обогатилась ни однимъ изобрѣтеніемъ; она обходилась издѣліями, представлявшими весьма несовершенныя, сдѣланныя на память подражанія европейскимъ вещамъ; къ тому же кое-что изъ европейскаго обихода была совершенно забыто и утрачено; экспедиція Блига предназначалась для перевозки хлѣбнаго дерева на Таити; колонія забыла даже это дерево. Извѣстно, что изъ множества дѣйствительныхъ и вымышленныхъ Робинзоновъ ни одинъ не выдумалъ ничего новаго. Даже пресловутый Ружмонъ, который выдалъ свой романъ за дѣйствительное происшествіе, ограничился приспособленіемъ европейской культуры къ новымъ условіямъ,—и только. Эти два случая указываютъ на то, какъ туго на изобрѣтенія человѣчество. Сколько же времени должно было пройти прежде, чѣмъ человѣкъ научился добывать огонь, отбивать камень для простѣйшихъ орудій, приготовлять глиняные горшки и т. п. Большое заблужденіе думать, будто дикій умъ наблюдателенъ и любознателенъ: косность и лѣнь его характерныя черты, которыя заставляютъ мысль дикаря итти по разъ проторенному пути, а его самаго дѣлаютъ чрезвычайно склоннымъ къ подражанію, основанному на нравственной заразительности, которой современные антропологи приписываютъ такъ много значенія въ жизни дикарей. По мнѣнію Фиркандта [1]), обычай кровавой мести развился путемъ подражанія изъ первоначальной индивидуальной мести, которая служила моментальнымъ и личнымъ отвѣтомъ на внѣшнее раздраженіе. Такимъ же подражательнымъ образомъ долженъ былъ

[1]) „Naturvölker und Kulturvölker". Leipz. 1896, стр. 268.

возникнуть и языкъ, который первоначально сводился къ ряду рефлективныхъ восклицаній, служившихъ отвѣтомъ на пріятныя и непріятныя ощущенія. Когда мы говоримъ о происхожденіи языка, мы можемъ быть увѣрены, что намъ не для чего прибѣгать къ гипотезѣ распространенія первоначальнаго языка изъ одного центра, и тѣмъ болѣе неправъ Пеше [1]), увѣряющій насъ, будто „языкъ могъ возникнуть только при существованіи, достойномъ человѣка, а началу такому существованію положило употребленіе огня“ (стр. 80). Дѣло въ томъ, что въ недавнее время американскій психологъ Балдуинъ [2]) доказалъ, что ребенокъ, мѣсяцевъ 7—8, тянется за яркимъ предметомъ, находящимся отъ него на сравнительно большомъ разстояніи, то-есть, на 10—15 дюймовъ, правой рукой, центръ дѣятельности которой находится въ лѣвомъ полушаріи мозга. Тамъ же лежатъ центры языковой и музыкальной дѣятельности; вслѣдствіе этого рѣчь тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жестомъ и подобно тому, какъ намъ не для чего учиться владѣть правой рукой, мы безсознательно произносимъ звуки, восклицанія, изъ сочетанія которыхъ слагался, вѣроятно, первоначальный языкъ, основанный на подражаніи младшихъ старшимъ и подчиненныхъ—вождямъ. Другое дѣло языкъ символическій, гдѣ слова простые символы предметовъ, и гдѣ взаимное пониманіе основывается лишь на изученіи этихъ символовъ. Такой языкъ можетъ передаваться путемъ культурнаго обмѣна, и дѣйствительно въ исторіи человѣчества не разъ случалось, что цѣлый народъ принималъ языкъ другого народа.

Итакъ, обычай кровавой мести, первоначальная форма языка и т. п. могли возникнуть самостоятельно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заразъ. То же можно сказать о нѣкоторыхъ обычаяхъ, связанныхъ съ бракомъ, напримѣръ, объ обычаѣ отдаривать жениха на ту сумму, въ какую можно оцѣнить его подарки невѣстѣ, потому что такое отдариваніе лежитъ въ самой сущности измѣненій экономическихъ условій, при которыхъ былъ необходимъ бракъ куплей. Вообще, въ области умственной жизни народовъ мы не разъ встрѣчаемся со взглядами и обычаями, которымъ можемъ, хотя и не обязаны, приписать самостоятельное зарожденіе; это своего рода generatio aequivoca. Однако, и здѣсь очень опасно преувеличивать это значеніе. Логическія способности дикарей, какъ извѣстно, настолько неразвиты, что очень многія дикія племена еще не пришли даже къ выводу, что всѣ люди смертны, и въ случаѣ естественной смерти человѣка ищутъ среди сосѣдей его врага, который могъ причинить смерть съ помощью оккультныхъ средствъ [3]). Еще менѣе допустимо существованіе такого generatio aequivoca въ области матеріальной культуры. Если мы

---

[1]) Die Arier. Jena 1878.

[2]) „Die Entwickelung des Geistes beim Kinde und in der Rasse“, 1898.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. у М. Бартельса, „Die Medicin der Naturvölker“.

представимъ себѣ человѣческое общество, никогда не видавшее искусственнаго огня, то мы должны признать однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества того человѣка, которому впервые пришло въ голову добыть огонь путемъ тренія двухъ кусковъ дерева. Всѣ открытія Эдисона, подготовленныя успѣхами физики, блѣднѣютъ передъ изобрѣтеніемъ простѣйшаго глинянаго сосуда. Тотъ, кто догадался обложить глиной черепъ, въ которомъ варилъ себѣ пищу (если только правда, что керамика возникла этимъ путемъ), исходилъ изъ совершенно новыхъ опытовъ, нуждавшихся въ острой наблюдательности. Поэтому, уже a priori вызываетъ большое сомнѣніе утверженіе д-ра Л. Нидерле [1]), что „человѣкъ легко могъ дойти до этого искусства самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ". Мнѣ кажется, что гораздо болѣе правъ гр. Уваровъ [2]), который ищетъ единый центръ распространенія глиняныхъ издѣлій и находитъ его въ Азіи. Правда, изъ его наблюденія, что на „азіатскомъ материкѣ начало гончарнаго искусства совпадаетъ съ концомъ мамонтоваго періода", еще не слѣдуетъ, что „начало гончарства въ Азіи встрѣчается задолго до первыхъ слѣдовъ его на европейскомъ материкѣ", не слѣдуетъ потому, что мамонтъ могъ оставаться въ Азіи еще долго спустя послѣ того, какъ вывелся въ Европѣ,—однако, въ принципѣ мнѣніе гр. Уварова представляется мнѣ чрезвычайно вѣскимъ. Переходя къ простѣйшимъ каменнымъ издѣліямъ, я и здѣсь долженъ противопоставить тому взгляду, по которому первичныя формы могли вездѣ возникать самостоятельно при одинаковыхъ или родственныхъ условіяхъ [3]), старое мнѣніе миссъ Бекендъ, высказанное ею въ очень интересной статьѣ „О слѣдахъ торговли въ доисторическія времена" [4]). Она допускаетъ въ сравнительно сложныхъ предметахъ уже каменнаго вѣка вліяніе международныхъ сношеній, которыя еще усилились въ бронзовую эпоху. Я поставилъ бы тезисъ миссъ Бекендъ въ болѣе рѣзкой формѣ, сказавъ, что всѣ каменныя орудія, столь подобныя въ разныхъ частяхъ свѣта, должны въ концѣ концовъ восходить къ одному центру распространенія. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ тотъ замѣчательный фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ простѣйшихъ отбивныхъ орудій не найдено, а въ восточныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, какъ думаютъ теперь, палеолитической эпохи не было вовсе. Центръ распространенія простѣйшихъ каменныхъ орудій англійскіе ученые склонны находить въ странѣ Сомали въ Африкѣ [5]).

---

[1]) „Человѣчество въ доисторическія времена". Спб. 1898, стр. 72.

[2]) „Археологія Россіи", стр. 254.

[3]) A. Götze, Ueber neolithischen Handel. Bastian-Festgruss. 1896, стр. 339—340.

[4]) The Journal of anthropological Institute. Vol. XIV. London. 1885, стр. 6.

[5]) The Journal of the anthropolog. Institute, v. XXVI, London. 1896.

Безъ культурнаго обмѣна не можетъ быть культурной общности, не можетъ существовать одинаковаго употребленія предмета. У насъ есть не мало фактовъ, которые краснорѣчиво говорятъ о томъ, до какой степени безпомощенъ дикарь, если его предоставить самому себѣ. Утверждаютъ, что сто лѣтъ тому назадъ полинезійцы, которые уже были хорошо знакомы съ употребленіемъ огня, не знали еще дѣйствія огня на воду [1]). Уоллесъ, посѣтивъ островъ Целебесъ и замѣтивъ, что большинство хижинъ туземцевъ покосилось набокъ отъ вѣтра, узналъ, что они еще не открыли употребленія шестовъ для подпорки зданій. Подобнымъ образомъ, жители Калифорніи, употреблявшія массу труда и копавшіе цѣлыя мины для добычи мыльнаго камня, не обращали ни малѣйшаго вниманія на золото, лежавшее въ большихъ массахъ почти на поверхности земли; до 1817 года, когда его открыли европейцы, туземцы просто не знали о золотѣ, покрывавшемъ ихъ территорію. Ратцель [2]) указываетъ еще на одно интересное явленіе, состоящее въ томъ, что европейское вліяніе вовсе не наталкиваетъ туземцевъ на самостоятельное развитіе новаго въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ, а только приводитъ къ плохимъ подражаніямъ. Духъ творчества не поощряется, а напротивъ ослабляется имъ.

Сказанное о дикаряхъ въ значительной степени примѣнимо и къ намъ. Мы такъ чванимся своей культурой, что совсѣмъ забываемъ, чѣмъ мы обязаны нашимъ отдаленнымъ предкамъ, которые обогатили доисторическую жизнь человѣчества длиннымъ рядомъ важнѣйшихъ открытій, восходящихъ къ эпохѣ младшаго каменнаго вѣка. Послѣ него не приручено ни одного домашняго животнаго, культивировано очень мало новыхъ полезныхъ растеній. Въ доисторическія же времена распространилось среди человѣчества то, что Ратцель называетъ „общимъ обладаніемъ“ его, и перечисленіе чего представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ его замѣчательной книги. „Въ продолженіе тысячелѣтій“, говоритъ онъ, „въ оборотѣ находился одинъ и тотъ же капиталъ культурныхъ пріобрѣтеній; его незначительная сумма росла очень медленно, и въ основѣ нашей культуры лежитъ многое, что роднитъ ее съ культурой каменнаго вѣка“ (стр. 692). Говоря о послѣдней, какъ объ одномъ цѣломъ, мы имѣемъ въ виду ея замѣчательную близость въ разныхъ мѣстахъ Европы, за предѣлы которой мы выходить не будемъ. Чѣмъ достигалась эта близость: торговлей или передвиженіями племенъ? Если мы разсмотримъ сумму культурныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣчествомъ отъ его появленія въ Европѣ до знакомства съ металлами, то мы увидимъ, что время, потребное для этого, должно было быть очень велико, или же придется допустить внезапную смѣну палеолитическаго населенія

---

[1]) I. Lippert, Die Kulturgeschichte in einzelnen Hauptstücken. 1885, I, стр. 78.
[2]) Anthropogeographie, II, стр. 711.

неолитическимъ, и тогда ту же исторію открытій нужно будетъ перенести въ Азію. Во всякомъ случаѣ, за предѣлами исторіи лежитъ очень глубокая древность. „Герои были до Атридовъ, но время скрыло ихъ отъ насъ!“ можно повторить при взглядѣ на тѣ культурныя завоеванія, для изученія послѣдовательности которыхъ у насъ зачастую нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ продолженіе тысячелѣтій и десятковъ тысячелѣтій культура могла оставаться совершенно одинаковой; племя, переходя съ мѣста на мѣсто, вездѣ оставляло свои слѣды въ видѣ остатковъ пищи и орудій; изслѣдователь, находя ихъ, предполагаетъ, что въ древности страна была довольно густо заселена, и ея населеніе стояло почти на одной ступени развитія [1]). Забывая этотъ способъ распространенія культуры, остается сдѣлать одинъ шагъ до утвержденія, что болѣе сложныя издѣлія распространялись всегда путемъ торговаго обмѣна. Я, со своей стороны, не сомнѣваюсь, что для всѣхъ такихъ издѣлій слѣдуетъ предположить одинъ первоначальный центръ распространенія, но я вижу разные способы распространенія и думаю, что иногда они могли разноситься одной ордой въ разныя мѣста.

Однако можно ли говорить о кочеваніи цѣлой орды въ палеолитическую эпоху? Здѣсь мнѣ невольно приходится затронуть вопросъ объ этнографическомъ составѣ ея населенія. Было ли оно предками эскимосовъ или нѣтъ (а за это говоритъ многое: сходство ядеитовыхъ и нефритовыхъ издѣлій, сходство орнаментовъ и мн. др.), во всякомъ случаѣ, въ охотѣ за сѣвернымъ оленемъ, за мамонтомъ и дикой лошадью оно должно было держаться сообща. Что касается эпохи неолитической, то въ это время человѣчество уже научилось земледѣлію и скотоводству и селилось деревнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, представлявшихъ, какъ думаютъ, стоянки палеолитическаго человѣка, каменныя издѣлія найдены въ такомъ множествѣ, что возникаетъ мысль, не были ли эти стоянки мастерскими, снабжавшими своими отбивными орудіями окрестное населеніе? Въ одной пещерѣ [2]) найдено болѣе 120 килограммовъ кремневыхъ издѣлій въ перемежку съ костями мамонта и носорога, въ другой [3]) оказались двѣ тысячи наконечниковъ стрѣлъ, въ знаменитой Тайнгенской пещерѣ кремневыхъ издѣлій до 12.000; въ окрестностяхъ Grez въ Бельгіи маркизъ Вавренъ нашелъ около 60.000 отбивныхъ орудій; Мортилье добылъ въ С. Ашелѣ до 25.000 кремневыхъ издѣлій. Таково же богатство другихъ мастерскихъ, раскинутыхъ по всей Европѣ. „Кухонныя кучи“, которыя тянутся въ Даніи на протяженіи до 300 метровъ и достигаютъ высоты 3 метровъ, еще очень близки по найденнымъ въ нихъ предметамъ къ культурѣ древнѣйшаго каменнаго вѣка, а между

---

[1]) M. de Nadaillac, Moeurs et monuments des peuples préhistoriques. Paris 1888, стр. 190.

[2]) Cottes на берегу Gartampe.

[3]) Petit Morin.

тѣмъ и онѣ указываютъ на племенной характеръ быта палеолитическаго человѣка. Переходя къ новѣйшему каменному вѣку, мы уже не встрѣчаемъ среди ученыхъ сомнѣнія въ томъ, что часть его мастерскихъ удовлетворяла прямо потребностямъ сбыта. Такова, напр. мастерская въ Mesvin въ Бельгіи. „Тамъ, чтобы добраться до кремня, приходилось копать колодцы сквозь послѣтретичные и третичные пласты до залежей мѣла, а затѣмъ дѣлать въ этихъ залежахъ довольно обширные подземные ходы. Подобная громадная мастерская, на пространствѣ около 25 десятинъ была найдена въ Spienres въ Бельгіи; въ окрестностяхъ ея E. de Munk нашелъ еще цѣлый рядъ меньшихъ стоянокъ“ [1]).

Если существовалъ обмѣнъ въ области кремневой культуры, то онъ долженъ былъ касаться и другихъ предметовъ. И дѣйствительно, въ палео-и неолитическихъ стоянкахъ найдено немало предметовъ иноземнаго происхожденія. Часть ихъ могла явиться на новыя мѣста съ передвиженіемъ ихъ владѣльцевъ, другая часть обязана своимъ появленіемъ здѣсь, несомнѣнно, торговымъ сношеніямъ людей,—говорю несомнѣнно потому, что предметами обмѣна служили украшенія, имѣющія такую обаятельную силу въ глазахъ всѣхъ дикарей. Я не буду давать полнаго перечня этихъ предметовъ [2]). Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: первая характеризуется матеріаломъ, вторая заключающейся въ предметѣ идеей. Поэтому къ первой относятся издѣлія изъ кремня въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его нѣтъ [3]), или издѣлія изъ халцедона въ Бельгіи, изъ обсидіана въ Италіи, изъ особаго вида кремня въ Hennegau и т. д.; наконецъ, сюда надо отнести всѣ орудія изъ нефрита, ядеита и хлоромеланита, которыя приходили изъ Азіи, попадали и въ Америку; однако въ виду спорности вопроса о географическомъ распространеніи этихъ минераловъ ихъ не слѣдуетъ пока брать въ расчетъ при разсужденіи о доисторической торговлѣ [4]). Къ другой группѣ предметовъ я отношу раковины дальнихъ отъ мѣста нахожденія морей. Раковины заключаютъ въ себѣ особый этнографическій интересъ: съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до нашихъ

---

[1]) Л. Нидерле, стр. 77.

[2]) См. M. Hoernes, Die Urgeschichte des Menschen. 1891, стр. 152; Ad. Müller, Vorgeschichtliche Kulturbilder aus der Höhlen-und älteren Pfahlbautenzeit. Bühl. 1892, стр. 126; Schrader, Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Waarenkunde. Jena 1886, стр. 65—66; M. de Nadaillac, loc. cit., стр. 199—201.

[3]) Напр. на островѣ Эльбѣ, въ бельгійскихъ пещерахъ, въ Бретани и на островѣ Мэнѣ.

[4]) Ср. напр. слова A. Arcelin'a въ Compte-rendu du troisième Congrès scientifique internatoinal des catholiques. 8 section. Bruxelles 1895, стр. 68. On a acquis la certitude que des outils en nephrite et en jadéite ont été fabriqués sur place dans les stations de la Suisse et ailleurs. Les explorateurs ont en effet retrouvé, sur plus d'un point, les déchets de fabrication. De plus, on a découvert des gisements de néphrite en Silésie et on a reconnu que la composition des jadéites n'est pas la même en Europe qu'en Asie.

дней онѣ служатъ излюбленными украшеніями у дикихъ племенъ и въ качествѣ таковыхъ играютъ роль монеты. Раковина каури [1]) занимаетъ по своему значенію первое мѣсто среди раковинъ [2]). Она распространена на берегахъ Африки, въ Остъ-Индіи, Сіамѣ; уже очень рано она попала въ Ниневію, въ развалинахъ которой ее нашелъ Лаяръ (Layard), а въ Китаѣ она служила монетой не только въ глубокой древности, но и еще во времена Марко Поло. И вотъ оказывается, что на берегахъ Балтійскаго моря найдены урны съ этими раковинами; въ неолитической пещерѣ Оверни ожерелье изъ каури украшало останки человѣка. Съ другой стороны, въ пещерахъ южной Франціи были найдены раковины изъ арктическихъ морей. Я уже не упоминаю о множествѣ раковинъ изъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, которыя оказались въ пещерахъ Средней Европы, отдаленныхъ отъ морского берега. Они могли попасть сюда путемъ непосредственнаго передвиженія племени. Остается сказать нѣсколько словъ о янтарѣ, о которомъ еще будетъ рѣчь ниже. Весь янтарь, который дошелъ до насъ отъ доисторическихъ временъ, ведетъ свое происхожденіе, повидимому, съ береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Въ эпоху неолитическую торговля имъ была уже значительно развита, но указать пути, которыми янтарь проникъ къ Боденскому озеру и въ Швейцарію, невозможно за отсутствіемъ промежуточныхъ станцій [3]). Теперь для насъ важно то, что начало торговли янтаремъ, можетъ быть, восходитъ къ палеолитической эпохѣ: Надэльакъ отмѣчаетъ, что пять кусковъ его найдены въ пещерѣ d'Aurensan, близъ Bagnères-de-Bigorre, населеніе которой восходитъ къ эпохѣ древнѣйшаго каменнаго вѣка. Кромѣ торговли предметы могли распространяться въ доисторическія времена особеннымъ путемъ, на который указываетъ г. Зиберъ въ своихъ „Очеркахъ первобытной экономической культуры“ (стр. 258), говоря объ австралійцахъ. „Когда извѣстные предметы пищи, матеріалы для оружія и т. д. добываются только въ спеціальной мѣстности, то по временамъ назначаются общіе пропуски, дающіе право всѣмъ племенамъ придти въ ту мѣстность, безъ нанесенія обиды племени, обитающему въ ней, или тѣмъ племенамъ, черезъ страну которыхъ необходимо проходить для достиженія ея. Въ видѣ иллюстраціи Лангъ [4]), приводитъ сборъ „бунна-бунна“,—сосновыхъ шишекъ въ Куинсландѣ. Сосна „бунна-бунна“ производитъ весьма крупныя шишки, ради которыхъ черезъ каждые три, четыре года всѣ племена сбѣгаются сюда съ большаго раз-

[1]) Cypraea moneta.

[2]) См. W. Ridgeway, The origin of metallic currency and weight standards. Cambrigde. 1892.

[3]) Götze, loc. cit., стр. 353.

[4]) The aborigenes of Australia. 1865.

стоянія. Сверхъ того, къ той же категоріи предметовъ относится родъ земляники—„курнъ“, который растетъ въ большомъ количествѣ на песчаныхъ холмахъ и по теченію рѣки Гланели. Всѣ сосѣднія племена имѣютъ право приходить сюда и дѣйствительно являются въ большомъ числѣ, когда ягода созрѣетъ. Холмъ внутри округа Сиднея, на которомъ добывается особенный родъ весьма твердаго камня, пригоднаго для изготовленія каменныхъ томогавковъ, служилъ предметомъ подобнаго же права; такова же была одна каменоломня песчаника у С. Кильда, близъ Мельбёрна, которая была въ особенности пригодна своимъ матеріаломъ для полировки и изготовленія каменныхъ томогавковъ“.

Можетъ ли быть вопросъ о торговлѣ у народа, во всякомъ случаѣ, первобытнаго, дикаго? Мнѣ кажется, что вопросъ надо бы измѣнить, поставивъ такимъ образомъ: существуютъ ли племена безъ торговли, подразумѣвая подъ этой послѣдней обмѣнъ необходимыми или привлекательными предметами. Такая торговля можетъ практиковаться и при существованіи, недостойномъ, по выраженію Пеше, человѣка, т. е. у народа, не знающаго употребленія огня: таковы были жители острова Фануа-Лоа, когда онъ былъ открытъ европейцами въ 1814 году. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи описываетъ туземцевъ высокими и стройными людьми, прекрасно строившими свои жилища и лодки, владѣвшими изящными и отлично украшенными рыболовными снастями и домашней утварью. Они съ увлеченіемъ занимались мѣновой торговлей; между тѣмъ они еще не дошли до употребленія каменныхъ орудій, такъ какъ камня на ихъ коралловомъ островѣ не было, а ихъ незнакомство съ огнемъ было такъ велико, что искра отъ удара кремня и дымъ сигары пугали ихъ не менѣе громового удара.

Ш. Летурно въ своей занимательной, но очень поверхностной книгѣ: „L'évolution du commerce dans les diverses races humaines“ [1]) утверждаетъ, что существуютъ племена, не имѣющія ни малѣйшаго понятія объ обмѣнѣ, и въ доказательство своей мысли приводитъ нѣсколько примѣровъ. У обитателей Огненной земли, фиджійцевъ, онъ хочетъ видѣть въ такомъ обмѣнѣ добровольную мѣну подарками; но разъ мѣна происходитъ каждый разъ, когда другая сторона предлагаетъ достаточно цѣнный подарокъ, то здѣсь уже нужно видѣть нѣчто закономѣрное, нѣчто установленное обычаемъ. Въ 1765 году капитанъ Байронъ столкнулся съ фиджійцами, которые выѣхали въ своихъ жалкихъ ладьяхъ изъ коры навстрѣчу его кораблю: европейцы дали имъ кое-какіе блестящіе пустяки, въ обмѣнъ за что туземцы предложили свои луки и стрѣлы. Дарвинъ, путе-

[1]) Paris 1897.

шествовавшій въ этихъ мѣстахъ лѣтъ семьдесятъ спустя, разсказываетъ слѣдующее: „я далъ одному человѣку большой гвоздь, подарокъ по этимъ мѣстамъ весьма крупный; въ обмѣнъ я не просилъ у него ничего, но тотъ сейчасъ же выбралъ пару рыбъ, которую протянулъ мнѣ на концѣ своего копья“. Уже эта самая формальность указываетъ еще ярче на закономѣрный характеръ обмѣна. Вообще, въ обмѣнѣ подарками между хозяиномъ и гостемъ, практиковавшемся у древнихъ народовъ, Шрадеръ [1]) очень остроумно находитъ остатокъ такой же мѣновой торговли [2]).

Еще болѣе Летурно увѣренъ въ отсутствіи торговли у австралійцевъ; въ этомъ съ нимъ сходится такой серьезный ученый, какъ Риджевей. Поэтому доводы Летурно нужно разсмотрѣть по-подробнѣе. Прежде всего слѣдуетъ напомнить ту аксіому, что при тожествѣ инвентаря двухъ хозяевъ мѣняться имъ нечѣмъ; поэтому мѣна можетъ состояться лишь тамъ, гдѣ обѣ стороны находятъ одна у другой такія вещи, какихъ у нихъ нѣтъ, но какія имъ хотѣлось бы имѣть.

Можно ли удивляться словамъ Летурно, что и теперь еще у племенъ, не подвершихся сильному европейскому вліянію, „обмѣны очень рѣдки, какъ между членами одного племени, такъ и между различными племенами“; вѣдь самъ же онъ прибавляетъ, что иногда „въ обмѣнъ за табакъ или тамагавки туземцы отдаютъ свое оружіе и даже женъ“. „Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ европейскими городами дѣло скоро принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ“. Такимъ образомъ у Летурно остается одно доказательство въ пользу своей теоріи, разсказъ Кука о той неудачѣ, которая постигла его попытку завязать мѣновыя сношенія съ туземцами. Австралійцамъ, забравшимся на его корабль, были предложены разныя бездѣлушки, гвозди, стеклышки, бумага, матерія и т. д.; все это они взяли безъ всякихъ признаковъ удовольствія, а потомъ одинъ изъ спутниковъ Кука нашелъ ихъ на берегу сваленными въ кучу. Очевидно, эти вещи были не нужны и не понятны туземцамъ.

[1]) loc. cit., стр. 10.

[2]) J. Kohler, Rechtsvergleichende Skizzen. (Zeitschr. f. vergleichende Rechstwissenschaft VIII B. 1888, стр. 86). Das Laungild bei den Tlinkit-Indianern. Schon an anderer Stelle habe ich hervorgehoben: der ursprüngliche Gedanke der Völker war der, dass eine Gabe nur durch Gegengabe gefestigt werden kann; die Idee, dass auch eiue einseitige Schenkung gültig ist, hat sich viel später entwickelt, als die Idee der Gültigkeit des gegenseitigen Geschäfts. Zum Beweise habe ich mich auf die Feuerländer und auf deren Beobachter, Darwin, bezogen. Eine andere eklatante Bestätigung gewähren die Tlinkit-Insulanern. (Krause, s. 168, 312): Wer Geschenke gibt, erwartet stets eine Gegengabe; daher ist Jeder misstrauisch, der eine Gabe empfangen soll. Aehnlich ist es bei den Haidas auf den Charlotteninseln. О томъ, какъ долго можетъ существовать мѣновая форма торговли, говоритъ существованіе мѣновой торговли (глиняными горшками) у литовцевъ въ Пружанахъ. См. замѣтку г. Зелинскаго въ журналѣ „Wisła“, т. XIII, стр. 562. Мѣновой торгъ очень обыченъ у бразильскихъ индѣйцевъ.

„Наконецъ, разсказываетъ Кукъ, одинъ изъ нашихъ людей предложилъ имъ маленькую рыбку; по поводу этого подарка они выразили большую радость и, показывая намъ знаками, что они отправляются за своими товарищами, отплыли къ берегу". Другой разъ ихъ привели въ восхищеніе жареныя черепахи, которыя они сначала просили у матросовъ, а потомъ старались отнять, не предлагая ничего въ обмѣнъ. Не слишкомъ ли скоро заключать изъ этой дѣтской вспышки дикаря объ его неумѣніи мѣняться? Это могла быть просто недогадливость. Самъ же Летурно приводитъ въ высшей степени интересное сообщеніе. „Иногда между племенами практиковались рѣдкіе случаи обмѣна. Такъ у одной орды, которая сохранила большую часть древнихъ обычаевъ, лишь одно лицо имѣетъ право вести для всѣхъ своихъ мѣновой торгъ съ той или другой сосѣдней ордой. На эту общественную должность его посвящали съ младенчества, сохраняя его пуповину въ пучкѣ перьевъ. Этотъ предметъ назывался Kalduke, и отецъ представлялъ его (разумѣется, съ другой стороны исполнялось то же) отцу другого ребенка, принадлежавшаго ордѣ, съ которой хотѣли вступить въ торговыя сношенія. Эти дѣти, будущіе торговые агенты, носили особенное названіе (ня-нямна). Достигнувъ зрѣлаго возраста, они становились торговыми посредниками своихъ ордъ или племенъ". При такой сложной организаціи торговыхъ сношеній, конечно, нельзя и думать, что австралійцы познакомились съ обмѣномъ только недавно. Съ другой стороны, вышеприведенный разсказъ замѣчательнымъ образомъ подтверждаетъ старое предположеніе А. Кона, что первоначально торговля велась не отдѣльными лицами по ихъ произволу, но цеховымъ образомъ (zunftgemäss). А. Конъ не былъ теоретическимъ археологомъ; съ телѣгой и лошадью онъ объѣздилъ чуть не всю Сибирь, торгуя въ самыхъ глухихъ закоулкахъ; поэтому его предисловіе къ книгѣ Садовскаго: „Die Handelsstrassen der Griechen und Römer" [1]) заключаетъ много очень вѣрныхъ и любопытныхъ наблюденій о торговомъ бытѣ некультурныхъ народовъ.

Чтобы покончить съ обзоромъ торговли у дикарей, прибавлю, что у цейлонскихъ веддаховъ и эскимосовъ существуетъ правильный мѣновой торгъ, а эскимосы даже изготовляютъ нѣкоторые предметы съ единственной цѣлью сбыта ихъ краснокожимъ. Въ заключеніе я приведу еще одну цитату изъ уже названной книги Ратцеля (стр. 598): „если время, измѣрить которое мы не въ состояніи за отсутствіемъ письменныхъ документовъ, мы замѣнимъ пространствомъ, то уже распространеніе извѣстнымъ

[1]) Jena 1877.

образомъ улучшеннаго лука отъ Китая до Гренландіи показываетъ непрерывность распространенія даже мелкаго варіанта, маленькаго прироста, если можно такъ выразиться, къ разошедшейся по всему міру идеѣ лука". Благодаря торговымъ сношеніямъ, которыя производятся цеховымъ образомъ, и въ глубокой древности, и у дикарей нѣкоторыя ремесла (особенно, металлическій отдѣлъ) являются спеціальностью опредѣленныхъ сословій. Ратцель [1]) видитъ яркій примѣръ такого заноса у фиджійцевъ, гдѣ горшечное ремесло находится всецѣло въ рукахъ женъ рыбаковъ, которыя въ отсутствіи мужей научились этому дѣлу у заѣзжихъ торговцевъ.

Итакъ, по аналогіи отъ дикарей къ обладателямъ каменной культуры въ Европѣ мы можемъ говорить о торговлѣ уже въ эту эпоху. Вполнѣ возможное опредѣленіе торговыхъ путей этого времени имѣетъ слишкомъ спеціальное значеніе и завело бы насъ слишкомъ далеко. Поэтому ограничимся обзоромъ тѣхъ культурныхъ завоеваній, которыя распространились среди человѣчества до его ознакомленія съ металлами, распространились при помощи торговыхъ сношеній племенъ или вмѣстѣ съ ихъ передвиженіями.

Прежде всего передъ нами огонь, котораго человѣкъ древнѣйшей каменной эпохи, вѣроятно, еще не зналъ. Есть и теперь племена, незнакомыя съ его употребленіемъ; но это незнакомство связано, можетъ быть, съ тѣмъ фактомъ, что переселенцы позабыли способъ его разведенія или затушили неугасимый огонь, который они носили съ собой. Этотъ неугасимый огонь, играющій такую видную роль въ религіозныхъ обрядахъ старыхъ и новыхъ народовъ, восходитъ въ своемъ первоисточникѣ къ обычаю дикарей переносить огонь съ собой. Такъ, австралійцы разсказываютъ, что огонь къ нимъ занесли когда-то въ стеблѣ растенія Xanthorrhoea (изъ породы лилій) съ востока (съ одного изъ вулканическихъ острововъ, по предположенію Гернеса). Но переносъ огня не единственный способъ его распространенія; большинство дикарей умѣетъ добывать его при помощи весьма простого прибора, состоящаго изъ сверла, дощечки и пучка сухихъ травъ, который вспыхиваетъ, когда на него попадетъ искра. Какъ ни простъ этотъ приборъ, онъ не могъ, по справедливому замѣчанію Л. Гейгера [2]), появиться самостоятельно въ нѣсколькихъ мѣстахъ за-разъ. „Заразительная сила идей больше и въ доисторическія времена изоляція народовъ менѣе велика, чѣмъ думаютъ часто", прибавляетъ этотъ ученый. И дѣйствительно, сверло распространено отъ Индіи и Австраліи до Южной Америки и Старой Мексики. Легенды связываютъ начало употребленія огня всегда съ отдѣльнымъ лицомъ. Миѳъ о Прометеѣ показываетъ все значеніе этого открытія. Очевидно, что первый человѣкъ, который,

---

[1]) loc. cit., стр. 636.

[2]) „Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit", 1878, стр. 94.

не испугавшись, какъ дикій звѣрь, огня, понялъ, на что онъ можетъ быть годенъ, обладалъ тѣмъ даромъ творчества, благодаря которому личность пріобрѣтаетъ такое значеніе въ исторіи.

Я не буду говорить о лукѣ и стрѣлахъ, наконечники которыхъ—постоянная находка археологовъ въ палеолитическихъ отложеніяхъ, о рыболовныхъ снастяхъ и принадлежностяхъ ткацкаго станка, которыя мы унаслѣдовали отъ временъ неолитическихъ; я перейду къ культурнымъ растеніямъ и домашнимъ животнымъ. Послѣдніе годы обогатили науку рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о доисторической флорѣ и фаунѣ, и мы можемъ теперь дать связный обзоръ тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыя человѣчество сдѣлало въ этихъ областяхъ до ознакомленія съ металлами. Руководящей нитью въ этомъ обзорѣ намъ послужитъ книга Бушана: „Vorgeschichtliche Botanik der Cultur und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grunde prähistorischer Funde“ [1]) и Эдуарда Гана: „Die Hausthiere“ [2]).

Собака—первый другъ человѣка, древнѣйшій помощникъ его въ борьбѣ съ суровыми условіями жизни. Ея приручение предшествовало приручению всѣхъ другихъ животныхъ, но имѣло ли оно характеръ принудительный, очень сомнительно.

Гану принадлежитъ честь примѣненія къ исторіи культуры стараго наблюденія зоологовъ, что животныя, находясь въ плѣну, становятся безплодными, и стало быть размноженіе дикихъ звѣрей, пойманныхъ охотникомъ, само по себѣ невозможное, не могло привести къ ихъ приручению. Такимъ образомъ, старая схема культурной исторіи, со своими тремя стадіями бытовой эволюціи (охотники, номады-скотоводы и земледѣльцы), рушится передъ неопровержимыми фактами зоологіи. Собака, потомокъ волка, въ неолитическую эпоху была извѣстна въ двухъ породахъ, которыя являются уже въ кухонныхъ кучахъ Даніи. Ганъ думаетъ, что она приручилась сама, происходя отъ волчатъ, которые, пойманные охотникомъ, кормились у груди его жены и выростали на свободѣ наравнѣ съ его дѣтьми; впослѣдствіи, собаки становилась его добровольнымъ товарищемъ, компаньономъ въ общемъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что въ связи съ этой исконной ролью собаки стоитъ масса легендъ, прославляющихъ собаку или приписывающихъ ей особое, мистическое значеніе. Сѣверо-американскіе индѣйцы приписываютъ себѣ происхожденіе отъ собаки, которая умѣла превращаться въ прекраснаго молодого человѣка [3]); алеуты думаютъ, что не только ихъ, но и весь міръ сотворила собака [4]). Такое же происхожденіе приписывали себѣ даже нѣкоторые европейскіе народы, не говоря уже о разсказахъ китайцевъ о царствѣ собакъ и т. п. легендахъ [5]). Въ статьяхъ Либрехта и Лонгкавеля, къ которымъ я и отсылаю читателя,

---

[1]) Breslau 1895.

[2]) Leipzig 1896.

[3]) A. Lang, Mythes, cultes et religion. Paris 1896, стр. 112.

[4]) loc. cit., стр. 177.

[5]) См. F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Heilbronn 1879, стр. 19—23.

собрано много данныхъ о религіозномъ значеніи собаки у индо-европейцевъ. „Собака охраняетъ дорогу на тотъ свѣтъ; это общее всѣмъ арійскимъ народомъ вѣрованіе, слѣды котораго встрѣчаются у индусовъ, грековъ и германцевъ; взглядъ собаки пугаетъ злого духа". Въ Новой Зеландіи и въ Америкѣ собака также служитъ стражемъ въ подземномъ царствѣ. Наконецъ, изреченіе Авесты: „міромъ управляетъ умъ собаки" показываетъ, какъ высоко и въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ, особенно скотоводъ, ставитъ собаку [1]).

Когда человѣкъ съ помощью своего вѣрнаго товарища, собаки, завелъ постоянное жилище и перешелъ отъ охоты къ земледѣлію, взрывая свое поле вѣткой дерева или каменнымъ топоромъ, тогда наступила пора прирученію и другихъ животныхъ. Среди нихъ первое мѣсто въ отношеніи древности да и пользы занимаетъ рогатый скотъ. Ганъ отмѣчаетъ, что вездѣ, куда ни проникъ рогатый скотъ, отъ него ищутъ почти одного и того же. При этомъ рогатый скотъ настолько служитъ основаніемъ всей нашей земледѣльческой культуры, что остальныя полезныя домашнія животныя являются только его спутниками. Остальныхъ домашнихъ животныхъ научились приручать, содержать и цѣнить только послѣ того, какъ рогатый скотъ далъ образецъ и мѣру экономической цѣнности домашнихъ животныхъ.

При вопросѣ о распространеніи его приходится особенно напирать на существованіе одного центра, такъ какъ идея эксплоатаціи его, опредѣленіе его цѣнности оказываются тожественными отъ Ирландіи до Явы и отъ Китая до Южной Африки. Конечно, встрѣчаются и отступленія: то тамъ, то сямъ часть представленій, связывавшихся въ исходной области съ культурой коровы, утерялась, но это и указываетъ на единый центръ распространенія, гдѣ съ началомъ приручения скота былъ связанъ опредѣленный кругъ идей. Корову запрягаютъ въ плугъ, ея мясо ѣдятъ и молоко пьютъ, ея навозомъ удобряютъ землю. Какъ могъ додуматься человѣкъ до употребленія въ пищу коровьяго молока? Ганъ не сомнѣвается, что въ основѣ этой культуры лежитъ употребленіе коровы съ религіозной цѣлью. Въ Месопотаміи, гдѣ былъ развитъ культъ луны, этого двурогаго странника ночи, въ особыхъ отгороженныхъ лѣсахъ водились и размножались посвященныя ей животныя, двурогія коровы; ихъ разводили для того, чтобы имѣть всегда подъ руками жертвенное животное, а коровы мало-по-малу привыкали къ человѣку. Онѣ везли во время процессій богини повозку съ ея изображеніемъ, ихъ молоко играло роль на богослуженіяхъ. Потомъ это животное стали употреблять и для профанныхъ цѣлей: для пахотьбы и для собственнаго пропитанія.

---

[1]) См. статью д-ра Б. Лонгкавеля „Hunde und Naturvölker" въ 8 томѣ журнала „Internationales Archiv für Ethnographie" (1895 г.).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ построеніяхъ Гана много искусственнаго, на что и указалъ въ своей статьѣ Фиркандтъ [1]). Этотъ же ученый приводитъ чрезвычайно любопытный фактъ въ подтвержденіе своей мысли, что въ основѣ культуры рогатаго скота лежатъ все-таки побужденія религіозныя, хоть и другого рода, чѣмъ думаетъ Ганъ. Именно, въ западной части Африки, въ городѣ Дагоме возвышается храмъ змѣй, въ которомъ содержится огромное множество змѣй въ полуручномъ состояніи. Въ этомъ случаѣ мотивомъ прирученія является желаніе присвоить себѣ сверхъестественную силу, которую дикарь влагаетъ въ змѣю; но я очень сомнѣваюсь, чтобы этимъ же мотивомъ руководилось человѣчество, приручая животное, вовсе не такое губительное и отвратительно-мистическое, какъ змѣя. Мнѣ думается, что такое прирученіе могло совершиться очень мирно, исподволь и не носить никакой религіозной окраски. Я знаю, что даже у номадовъ корову ѣдятъ только въ рѣдкихъ случаяхъ (питаются ея молокомъ), и придаю весьма большое значеніе тому явленію, на которое и Ганъ, и Фиркандтъ обратили слишкомъ мало вниманія, и которое оцѣнено, какъ слѣдуетъ, только англійскимъ ученымъ Риджевеемъ,—именно, употребленію коровы въ смыслѣ единицы цѣнности. Таковой она была у древнихъ семитовъ, у грековъ въ гомеровскія времена, у иранцевъ, индусовъ и еще очень многихъ народовъ. „Слѣдуетъ напомнить читателю“, говоритъ Риджевей (стр. 52): „что область, занятая скотоводческими племенами, тянулась безъ перерыва. Между Индіей и Персіей, Персіей и Мидіей, Мидіей и Месопотаміей, или же между Персіей и Арменіей, Арменіей и Скиѳіей, обитатели которой разъѣзжали по равнинамъ Южной Россіи въ повозкахъ, запряженныхъ быками: между всѣми этими странами нѣтъ ни одной непроходимой преграды. Скиѳы приходили въ соприкосновеніе съ племенами Балканскаго полуострова, которыя въ свою очередь находились въ сношеніяхъ съ греками и обитателями Дунайской долины, а тѣ подавали руку народамъ Италіи, Гельвеціи и Галліи. Вслѣдствіе этого цѣнность рогатаго скота могла быть болѣе или менѣе постоянной отъ одного конца этой области до другого“. Здѣсь же проходила древнѣйшая торговая дорога, углублявшаяся въ центръ Азіи, къ Хотану и источникамъ Тарима. Сюда, какъ полагаетъ Томашекъ, проникъ за много лѣтъ до Геродота греческій путешественникъ, Аристей изъ Проконнесса. Этимъ же путемъ въ Европу проникли, повидимому, и древнѣйшія культурныя растенія, просо и пшеница, и домашнія животныя, прирученныя послѣ коровы; пришло въ Европу только искусство скотоводства, между тѣмъ какъ животныя

---

[1]) Zeitschrift für Socialwissenschaft 1899. Heft II, стр. 81—97.

подвергшіяся прирученію, водились здѣсь въ дикомъ состояніи уже въ эпоху палеолитическую.

Одной изъ первыхъ спутницъ коровы была коза, родина которой находилась въ Персіи и въ Малой Азіи; изъ Азіи же явилась коза и въ Африку, къ неграмъ, у которыхъ она зачастую оказывается единственнымъ полезнымъ животнымъ. Въ основѣ шерстяной промышленности лежитъ обработка козьяго мѣха, въ Египтѣ овца позже козы (въ Америку обѣ онѣ попали только съ европейцами); данныя миѳологіи также подтверждаютъ права козы на старшинство передъ овцой, родина которой, по мнѣнію Гана, находится въ Малой Азіи и Персіи. Здѣсь до сихъ поръ водится въ дикомъ состояніи порода Ovis orientalis, та порода, которая въ соединеніи съ другими видами дала нашу домашнюю овцу. Главная приманка для прирученія овцы заключалась въ ея жирномъ курдюкѣ, о которомъ Ганъ находитъ упоминаніе уже въ 3 книгѣ Царствъ [1]). Свинья была приручена въ очень древнее время; Ганъ предполагаетъ на основаніи общаго семитамъ запрещенія ѣсть свиное мясо, что мѣстомъ ея прирученія была Месопотамія; у папуасовъ Новой Гвинеи и у никобаровъ ея культура отличается нѣкоторыми особенностями (самцовъ холостятъ, а самокъ спариваютъ съ дикими кабанами), въ Китаѣ же она, можетъ быть, въ значительной степени развилась самостоятельно.

Остается сказать нѣсколько словъ о лошади. Уже въ отложеніяхъ палеолитической эпохи найдены остатки осла [2]), и поэтому возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ культура лошади къ культурѣ осла. Послѣдній представляетъ большую загадку: его названіе въ греческомъ и латинскомъ языкахъ происхожденія, вѣроятно семитскаго, и въ Европу онъ проникъ, должно быть, инымъ торговымъ путемъ. По своему культурному значенію оселъ предшествуетъ лошади, которая, попавъ въ хозяйство человѣка, переняла на себя обязанности осла, то-есть стала носить и возить тяжести. Въ началѣ эпохи классической древности лошадь только возила; верхомъ на ней не ѣздили. Въ Вавилоніи и Ассиріи, во всей Передней Азіи и въ Египтѣ мы знаемъ только о бояхъ на колесницахъ, а не верхомъ. Отъ Англіи до Индіи было распространено употребленіе боевыхъ колесницъ. Кто же впервые сѣлъ на лошадь, чтобы проскакать на ней по вольной степи? Ганъ утверждаетъ, что эта честь принадлежитъ какому-нибудь туранскому народу Центральной Азіи.

Переходимъ къ птицамъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ каменнаго вѣка былъ гораздо бѣднѣе насъ: правда, онъ зналъ и гуся, и утку; въ его озерахъ и рѣкахъ водился во множествѣ лебедь, въ лѣсахъ токовалъ тетеревъ, а въ лугахъ пѣла перепелка; но гусь еще не былъ домашней птицей и тогда, когда арійцы поселились на берегахъ Инда; голубь же и пѣтухъ пришли въ Европу всего лѣтъ за

---

[1]) Гл. III, ст. 9.

[2]) Arcelin. loc. cit. стр. 63.

500 до Р. Хр. Впрочемъ, въ прирученіи этихъ птицъ не было и надобности; дичь водилась въ изобиліи, и потому только иранскія религіозныя вліянія занесли къ германскимъ, славянскимъ и литовскимъ племенамъ птицу смерти, голубя, и представителя солнца, пѣтуха.

И такъ, отсутствіе домашней птицы не дѣлало столъ нашего предка бѣднѣе теперешняго. Чего ему, дѣйствительно, не хватало, такъ это нѣкоторыхъ культурныхъ растеній: рожь и овесъ пришли на западъ Европы довольно поздно, но въ теперешней Южной Россіи, поближе къ Каспійскому морю, они были извѣстны съ древнѣйшихъ временъ. Рожь такъ и не вышла изъ предѣловъ Россіи; зато овесъ проникъ на западъ уже въ эпоху бронзовой культуры и сдѣлался однимъ изъ главныхъ питательныхъ продуктовъ у кельтскихъ и германскихъ народовъ. Ни въ Индіи, ни въ Китаѣ не знаютъ ни ржи, ни овса. Совсѣмъ другое дѣло пшеница и просо. Первая легла въ основаніе всей земледѣльческой культуры въ Египтѣ и Палестинѣ, гдѣ для бо́льшаго плодородія ее сажали въ грядки, какъ это дѣлали въ Вавилоніи и еще теперь дѣлаютъ въ Южной Аравіи; въ Китаѣ пшеница была введена, по лѣтописямъ, за 2800 лѣтъ до Р. Хр. Въ Европу она проникла, по мнѣнію Бушана, съ началомъ неолитической эпохи. Подъ конецъ ея пшеница далеко раскинула свои владѣнія по всей Средней Европѣ, встрѣчаясь и въ Австріи, и въ Швейцаріи, и во Франціи; можетъ быть, лишь случай, что въ Швеціи пшеница попалась впервые въ бронзовомъ сосудѣ. Кромѣ пшеницы, въ неолитическихъ свайныхъ постройкахъ найдены ячмень и просо. Послѣднее распространилось, вѣроятно, изъ Центральной Азіи и принадлежитъ къ древнѣйшимъ злакамъ міра; культура проса восходитъ къ первымъ временамъ исторіи Китая, какъ и воздѣлываніе пшеницы; ячмень, какъ думаютъ, вышелъ изъ Передней Азіи. Такимъ образомъ, всѣ эти растенія проникли въ Европу тѣмъ же путемъ, какимъ распространялось знакомство съ рогатымъ скотомъ. Это была уже сравнительно поздняя эпоха человѣчества, когда оно уже давно оставило за собой первые попытки разводить огонь, приготовлять глиняные горшки безъ гончарнаго круга и отбивать камень для простѣйшихъ орудій. Массивныя, прекрасно отполированныя издѣлія изъ камня, аккуратно выдѣланные горшки, украшенные хитрымъ орнаментомъ, одежды изъ льна и шерсти, стада скота и полныя житницы хлѣба давали человѣку возможность жить гораздо болѣе комфортабельно, чѣмъ прежде, а „гдѣ досугъ, тамъ и знаніе“, по выраженію Бокля. Человѣкъ освоился съ земледѣліемъ и началъ относиться къ нему такъ сознательно, что сталъ уже подумывать объ усовершенствованіи хлѣбныхъ растеній. „Въ младшую каменную эпоху Средней и Южной Европы“, говоритъ Бушанъ (стр. 32): „являются сразу почти всѣ культурныя растенія, и притомъ въ сравнительно развитой формѣ“. Въ ту же пору человѣкъ познакомился въ Европѣ съ чечевицей и бобомъ (былъ извѣстенъ и горохъ,

но распространенъ онъ былъ мало), и вотъ Бушанъ отмѣчаетъ (стр. 215), что размѣры чечевичныхъ и бобовыхъ зеренъ въ археологическихъ находкахъ постепенно увеличиваются, что указываетъ на непрерывность ихъ культуръ въ такъ называемый каменный, бронзовый и желѣзный вѣка. Ленъ и шерсть давали нашимъ предкамъ матеріалъ для одежды; черешня и орѣхъ, плодами которыхъ наслаждались уже обитатели палеолитической Европы, яблоня, груша, терновникъ и слива, хотя еще не были культивированы въ каменный вѣкъ, вѣроятно, угождали неприхотливому вкусу нашихъ предковъ не меньше, чѣмъ ягоды рябины, земляники, черники и малины, зерна которыхъ найдены въ свайныхъ постройкахъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ доисторической культуры я коснулся всего слегка, потому что ставилъ своей цѣлью не нарисовать первобытную культуру, а только отмѣтить ея общность во всей Европѣ и даже Азіи въ доисторическую эпоху. Можно ли послѣ этого изучать древности какого-либо народа независимо отъ древностей другого или внѣ связи съ общимъ изученіемъ эволюціи человѣческой культуры? Въ эту ошибку ученые впадали много разъ, когда строили свои зданія на матеріалѣ языка. Мы видимъ, что цѣлая наука, такъ называемая лингвистическая археологія, исходитъ изъ сопоставленія общихъ словъ въ родственныхъ языкахъ и отъ этого сопоставленія приходитъ къ выводу, что древнѣйшій народъ, потомками котораго являются родственныя народности, зналъ это слово, а стало быть и предметъ, названіемъ котораго слово служило. Этотъ методъ, въ извѣстныхъ случаяхъ законный и правильный, иногда приводитъ къ большой путаницѣ. Уже въ началѣ 19-го вѣка митрополитъ Евгеній, ученый чрезвычайно трезвый, выразился слѣдующимъ образомъ, осуждая этимологическія выходки Шишкова: „во всѣхъ языкахъ есть сходство; есть ли въ смежностяхъ языки въ чемъ-нибудь сходны, то это *по коммерціи*, а не по породѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что именно коммерціи мы обязаны громаднымъ множествомъ сходныхъ словъ. Въ новыхъ языкахъ мы можемъ выдѣлить такъ называемыя заимствованныя слова, которыя составляютъ очень большой процентъ всякаго словаря; перенесемъ то же состояніе на древнюю эпоху языка, когда мы не можемъ разобраться въ заимствованіяхъ, и мы получимъ приблизительно вѣрное представленіе о значеніи торговыхъ и культурныхъ связей, соединявшихъ человѣчество со временъ каменнаго вѣка. Языкъ обличаетъ культурныя сношенія народовъ. Въ такомъ краткомъ очеркѣ не мѣсто вдаваться въ лингвистическія подробности, но два три факта будутъ нелишними и здѣсь. Слово соль въ этой формѣ (sol) встрѣчается не только у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ (кромѣ персовъ и индусовъ), но и у финновъ; это прямое указаніе на то, что всѣ эти племена добывали соль изъ одного источника, можетъ быть, недалеко отъ моря, названіе котораго является точно также общимъ у финскихъ и индо-европейскихъ народовъ. Подобно этому, много говорятъ названія металловъ:

финны взяли у германцевъ имя золота (kulta изъ гот. gulth), литовцы получили его отъ римлянъ (auksas изъ ausum, древней формы, предшествовавшей aurum), и этотъ фактъ находится, несомнѣнно, въ связи съ торговлей янтаремъ. Римляне достигали по теченію Эльбы, Нѣмана и Одера береговъ моря и покупали у жителей страны, литовскихъ соплеменниковъ, пруссовъ (у нихъ золото ausis), янтарь за золото [1]); золота въ до-римскую эпоху здѣсь не найдено. Съ торговлей янтаремъ связано и другое важное слово. Тацитъ называетъ янтарь glaesum, словомъ, чисто германскимъ (въ англо-саксонскомъ языкѣ glaere — смола), откуда заимствовано и наше слово глазъ въ значеніи янтарнаго, стекляннаго или каменнаго кружка.

Наконецъ, иногда языкознаніе раскрываетъ передъ нами такіе широкіе горизонты на древнѣйшія передвиженія племенъ, какіе намъ можетъ дать еще развѣ только изученіе распространенія предметовъ культуры. Впрочемъ, здѣсь необходима величайшая осторожность, и всегда слѣдуетъ помнить, что созвучіе можетъ быть случайнымъ. Только группы одинаковыхъ словъ ручаются за достовѣрность сопоставленія. Недавно графъ де-Шаренси, ученый изслѣдователь этнографическихъ отношеній стараго и новаго міровъ, указалъ на рядъ сѣверно-азіатскихъ словъ, названій разныхъ животныхъ, которыя заводятъ насъ очень далеко. Изъ этихъ словъ [2]) я приведу остяцкое названіе лисицы: вакшар, съ которымъ поразительнымъ образомъ совпадаетъ коптское названіе шакала башар. Гезихій сообщаетъ, что ливійцы Βασσάρια τὰ ἀλωπέκια οἱ Λίβες λέγουσιν; въ различныхъ діалектахъ коптскаго языка шакалъ называется вакари. Въ разныхъ нарѣчіяхъ остяцкаго языка loka значитъ лисица; это слово тожественно съ венгерскимъ rokas (лисица) и очень близко къ цѣлой группѣ индоевропейскихъ словъ.

Не было ли въ древнѣйшія времена одного центра, изъ котораго распространилась высшая культура, какъ теперь такимъ центромъ служитъ западная Европа? Если такой центръ былъ, онъ долженъ былъ, непремѣнно, находиться въ Азіи, и именно или въ Средней Азіи, гдѣ лежитъ родина большинства культурныхъ растеній, гдѣ уже въ древности былъ главный очагъ культа коровы, или въ Месопотаміи, гдѣ между Тигромъ и Евфратомъ развилась древнѣйшая, до-семитская цивилизація аккадійцевъ. Можетъ ли имѣть самостоятельное происхожденіе китайская цивилизація? Но въ архитектурѣ и ирригаціонномъ искусствѣ Китая находятъ непосредственное воспоминаніе о подобныхъ же сооруженіяхъ Персіи и Ассиріи; китайское слово „умирать“ значитъ буквально: „возвращаться на западъ“ и, какъ утверждаютъ, у китайцевъ существуетъ преданіе о приходѣ ихъ въ бассейнъ Желтой рѣки съ запада [3]). Метриче-

[1]) Ohlshausen. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropol., Ethnologie und Urgeschichte. 1890, стр. 284.

[2]) Revue de linguistique. Paris. 1899, стр. 261—263.

[3]) См. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1899, іюнь, стр. 345.

скія системы Китая и Вавилоніи имѣютъ много общаго; употребленіе цикла въ 60 лѣтъ, опредѣленіе идеальной длины человѣческой жизни въ 120 лѣтъ, названія нѣкоторыхъ созвѣздій, гаданіе по палкамъ и множество подобныхъ чертъ сближаютъ эти двѣ цивилизаціи. „Двѣнадцать пастырей", о которыхъ упоминаетъ древнѣйшая легендарная исторія Китая, представляются воспоминаніемъ о легендахъ Вавилоніи. Китайцамъ приписывается знакомство съ клинообразными надписями, въ ихъ преданіяхъ и миѳахъ находятъ очень много общаго вавилонянамъ. Однимъ словомъ, съ начала 80-хъ годовъ образовалась (вѣрнѣе, возобновилась) цѣлая группа ученыхъ, которые отрицаютъ самостоятельное происхожденіе китайской цивилизаціи, и одни [1]) утверждаютъ [2]), что китайская цивилизація происходитъ изъ Вавилоніи чрезъ посредство Сузіаны, откуда вышли вожди племени Bak, предки китайцевъ; другіе же идутъ еще дальше и выводятъ всѣ древнія цивилизаціи (аккадійскую, египетскую и китайскую) изъ одного центра, откуда вышли „черноголовые" (въ отличіе отъ бѣлокурыхъ семитовъ, арійцевъ и автохтоновъ Китая, дисцевъ) предки этихъ народовъ. Опредѣлить сущность этихъ культуръ и доказать ихъ сродство: такова задача фундаментальнаго труда E. I. Simcox'a: „Primitive Civilizations or outlines of the history ownership in archaic communities" [3]). Эта книга, съ которой было бы очень полезно познакомить въ переводѣ или извлеченіи русское общество, подчеркиваетъ сильнѣйшимъ образомъ невозможность самостоятельнаго возникновенія трехъ сходныхъ цивилизацій: тогда пришлось бы говорить о сходствѣ послѣдствій, которыя связаны независимыми цѣпями событій съ тремя отдѣльными причинами. „Хотанъ и Персидскій заливъ—два пункта, между которыми возникла первобытная цивилизація: вопросъ только въ томъ, предположить ли одно происхожденіе ея или три", спрашиваетъ Симкоксъ. Мнѣ кажется, что мы не обязаны ставить вопросъ именно такъ. Древнѣйшая исторія—исторія культурныхъ сношеній, нивеллировавшихъ человѣчество и создавшихъ одинаковую почву для одинаковыхъ растеній. Среди матеріала, собраннаго Терьеномъ де-ла-Купери, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ. Одинъ изъ преемниковъ китайскаго царя, котораго этотъ ученый отожествляетъ съ вавилонскимъ Саргономъ I, „завоевалъ народъ Шоша (Суза?), который отказался платить дань солью, добываемою имъ путемъ кипяченія морской воды, и даже перебилъ его посольство". О значеніи торговли солью я уже говорилъ, и это извѣстіе китайской лѣтописи очень похоже на историческую правду. Впрочемъ, дѣло только въ томъ, правильно ли прочтено имя Шоша.

---

[1]) Therien de la Couperie въ журналѣ Academy.

[2]) Academy. 1886, авг. 6-го.

[3]) London 1897.

II.

Примитивный индивидуальный строй [1]).

Врядъ ли найдется въ настоящее время этнологъ, вѣрующій въ старую схему экономической эволюціи человѣчества, схему, придуманную нѣмецкимъ политикоэкономомъ начала XIX вѣка, Фридрихомъ Листомъ, и принявшую въ устахъ знаменитаго автора матеріалистическаго евангелія „Kraft und Stoff", Бюхнера, слѣдующее выраженіе: „Дикій и первобытный человѣкъ существуетъ лишь продуктами, предоставляемыми ему свободною природой и добычей охоты; изъ этого состоянія онъ путемъ скотоводства совершаетъ переходъ къ ступени земледѣлія". Эта схема, долгое время служившая своего рода догматомъ для этнографовъ, встрѣчается съ непреодолимыми затрудненіями: прежде всего, какъ уже указано въ предшествующей статьѣ, звѣроловъ не могъ сдѣлаться скотоводомъ, потому что онъ не былъ въ состояніи приручить ни одно животное, за исключеніемъ развѣ собаки; далѣе, по словамъ г. Панкова, которому принадлежатъ очень интересныя замѣчанія объ экономическомъ бытѣ дикихъ народовъ, „и вообще, ходъ человѣческой исторіи не настолько простъ и схематиченъ, чтобы можно было примѣнять одинъ и тотъ же типическій законъ къ развитію всякаго народа. То, что случилось въ одномъ мѣстѣ, вовсе не обязано повториться въ другомъ. Если въ степяхъ Внутренней Азіи охотниковъ всегда смѣняли пастухи-номады, то въ Австраліи и Америкѣ этого вовсе не было". При этомъ слѣдуетъ согласиться съ Гроссе, что найдется не мало случаевъ, когда охотники и рыбаки стоятъ гораздо выше въ культурномъ отношеніи, нежели странствующіе скотоводы. Индѣйскія племена, живущія въ сѣверо-западной части Сѣверной Америки, напримѣръ, тлинкиты, строятъ себѣ благоустроенные дома; раздѣленіе труда

---

[1]) Изъ новѣйшей литературы приведемъ E. Grosse, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. 1896. R. Hildebrandt, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. I Teil. 1896. *К. Бюхеръ*, Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства (рус. пер.) 1898. H. Pancow, Betrachtungen über das Wirtschaftleben der Naturvölker (въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Band XXXI. 1896). P. Bos, Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Culturstufen (въ Internationales Archiv für Ethnographie. Band X. 1897). Другая литература указана, по мѣрѣ надобности, ниже. Очень интересна, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣла книга *Н. И. Зибера*, Очерки первобытной экономической культуры (изд. 2. С.-Пб. 1899).

извѣстно здѣсь не только въ своей низшей формѣ, подраздѣленіи спеціальныхъ занятій между мужемъ и женой, но и въ высшей формѣ, въ видѣ образованія опредѣленныхъ профессій (кузнеца, серебряныхъ дѣлъ мастера и т. д.); они ведутъ правильную торговлю, и среди нихъ ходитъ опредѣленная монета. Однимъ словомъ, это далеко не дикари; „каждый тлинкитъ не только владѣетъ собственными одеждами, оружіемъ и утварью", говоритъ Krause [1]), „у него есть свои мѣста для охоты, свои отдѣльные торговые пути, которыми никто не смѣетъ пользоваться безъ его разрѣшенія или безъ риску оскорбить его". Можно ли думать, что тлинкиты еще не достигли ступени скотоводовъ?

Наконецъ, эта схема страдаетъ еще большой неопредѣленностью. Какое значеніе имѣютъ ея градаціи: экономическое или психологическое. Если первое, то по справедливому замѣчанію проф. Э. Петри [2]), подобная преемственность немыслима, какъ законъ, уже въ силу географическихъ условій; если же второе, то, какъ я указалъ на примѣрѣ тлинкитовъ и какъ можно подтвердить еще множествомъ примѣровъ, скотоводческій блуждающій бытъ вовсе не требуетъ бо̀льшаго умственнаго развитія, нежели осѣдлый охотничій. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что даже наиболѣе первобытныя охотничьи племена знакомы съ земледѣліемъ, и примитивное ковыряніе земли киркой или палкой, въ родѣ той, что изображена въ извѣстномъ сочиненіи братьевъ Sarasin: „Ergebnisse naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon" [3]), требуетъ не болѣе наблюдательности и выдержки, чѣмъ преслѣдованіе дикаго звѣря. Съ другой же стороны, можно сослаться на общеизвѣстный фактъ, что ни одно скотоводческое племя не живетъ исключительно тѣмъ, что ему даютъ его стада; оно постоянно нуждается въ растительной пищѣ, которую добываетъ само— какъ это дѣлали монголы, или же получаетъ отъ сосѣдей, какъ это дѣлаютъ восточно-азіатскіе кочевники, добывающіе просо изъ Китая, гдѣ это растеніе сѣется преимущественно для цѣлей экспорта [4]).

На основаніи всего сказаннаго [5]), ужъ если можно говорить о схемѣ экономическаго развитія народовъ, то въ ея ступеняхъ слѣ-

---

[1]) Die Tlinkit; цитир. по Гроссе.

[2]) Антропологія, т. I, стр. 269.

[3]) 1893, т. 3, стр. 405.

[4]) Ed. Hahn, Die Hausthiere, стр. 138.

[5]) Наконецъ, нѣкоторые охотничьи народы прекрасно замѣняютъ домашнихъ животныхъ дикими. Такъ, напримѣръ, алеуты на Уналашкѣ находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ лова тюленя. Изъ кожи его они дѣлаютъ себѣ платье, ковры, ремни, обувь и другія вещи; даже лодки, на которыхъ они ежедневно выѣзжаютъ, состоятъ изъ деревяннаго остова, обтянутаго кожами этого животнаго. Мясо употребляется въ пищу, жиръ частью для отопленія, частью для освѣщенія. Горло передѣлывается въ непромокаемые сапоги и панталоны, а изъ пузыреобразнаго желудка изготовляются пріемники для всевозможныхъ жидкостей. Изъ внутренностей дѣлается платье для дождливой погоды, и въ то же время онѣ служатъ вмѣсто оконныхъ стеколъ, чтобы впускать въ хижину дневной

дуетъ видѣть лишь психическія стадіи ихъ умственнаго развитія. Можно, согласно съ Фиркандтомъ [1]), на низшей ступенькѣ этой эволюціи поставить такъ называемыхъ *собирателей* (ягодъ, плодовъ, кореньевъ) и примитивныхъ охотниковъ, но слѣдуетъ помнить, что ни одно изъ извѣстныхъ дикихъ племенъ не является первобытнымъ въ смыслѣ полнаго отсутствія культуры [2]). У каждаго изъ нихъ за плечами многовѣковая исторія, полная превратностей, и при всей духовной косности дикаря каждое изъ племенъ уже испытало на себѣ въ большей или меньшей степени вліяніе высшихъ культуръ: не даромъ среди всѣхъ некультурныхъ племенъ міра такъ велика общность издѣлій и культурныхъ предметовъ. Но если это такъ, то можно ли вообще говорить о первобытной культурѣ, можно ли установлять тѣ общія психологическія основы, съ которыхъ начиналась исторія всего человѣчества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть утвердительный. Можно, можно потому, что даже въ физическомъ отношеніи, при всемъ сходствѣ человѣческихъ расъ, доказывающемъ единство человѣческаго рода [3]), антропологи находятъ необходимымъ выдѣлить два человѣческіе типа, которые отличаются одинъ отъ другого въ строеніи костей такъ же, какъ домашнія и дикія животныя одного вида. По словамъ Густава Фрича, одного изъ лучшихъ знатоковъ южно-африканскихъ народностей, „скелетъ кафра ясно обнаруживаетъ свою некультурность (культурность заключается въ тонкихъ, малообъемистыхъ, но зато эластичныхъ и твердыхъ костяхъ); выступы и края рѣзко отмѣчены и сильно выдаются“ [4]). Подобно этому Ранке утверждаетъ, что въ человѣчествѣ можно различить кругъ культурныхъ формъ и кругъ формъ естественныхъ (Kultur-и Naturformen). „Первыя, говоря вообще, а особенно въ примѣненіи къ ихъ крайнимъ образованіямъ, стоятъ ближе въ отношеніи пропорцій къ юному состоянію индивида, тогда какъ послѣднія, и опять-таки особенно ясно въ случаяхъ крайняго развитія, наиболѣе удаляютъ отъ этого состоянія“.

свѣтъ; даже щетина бороды тюленя употребляется, какъ украшеніе и головной уборъ, на подобіе страусовыхъ перьевъ въ Европѣ, такъ что трудно указать хоть одну часть этого животнаго, изъ которой не было бы извлекаемо какой-нибудь пользы. Такъ же существенно необходимъ для коряка олень. Шляпы и одежды всякаго рода изготовляются имъ изъ оленьихъ шкуръ; желудокъ оленя служитъ для сохраненія различныхъ жидкостей, а мясо—повседневной пищей. Зиберъ, loc. cit. 22.

[1]) Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1899. Heft 2, стр. 84.

[2]) Надо отмѣтить, что европейцы иногда не только задерживали умственное развитіе дикарей, но и прямо ухудшали ихъ положеніе, отбирая у нихъ всю собственность и вводя губительную систему принудительнаго труда. Такова политика голландцевъ на островѣ Целебесѣ и по отношенію къ африканскимъ бушменамъ.

[3]) *І. Ранке*, Человѣкъ (рус. пер. С.-Пб. 1899), т. II, стр. 290—295.

[4]) Цит. у Панкова.

Но не въ одномъ физическомъ отношеніи дикарь представляется существомъ, какъ бы недоразвитымъ, неусовершенствованнымъ культурой. „Бушменъ несчастное дитя минуты“, говоритъ Фричъ, и эта характеристика примѣнима ко всѣмъ низшимъ племенамъ, цейлонскимъ веддахамъ (или, вѣрнѣе, ведда), бразильскимъ бороро, батуа въ бассейнѣ Конго, минкопіэ на Андаманскихъ и негритосамъ на Филиппинскихъ островахъ; наконецъ, къ туземцамъ австралійскаго материка, вымершимъ тасманійцамъ и обитателямъ Огненной земли. Крайняя, но быстро преходящая возбудимость и раздражительность, въ порывѣ которой дикарь не задумается убить собственное дитя; ничѣмъ непреодолимое отвращеніе къ правильному труду, исходящее изъ отсутствія выдержки и умѣнія выжидать успѣха; совершенный недостатокъ вдумчивости по отношенію къ себѣ и другимъ, а отсюда величайшій эгоизмъ, ненаблюдательность и равнодушіе даже къ самымъ удивительнымъ и величественнымъ явленіямъ природы и предметамъ: таковы основныя черты психологіи дикаря. Одинъ доброжелатель и знатокъ негровъ утверждаетъ, что эти послѣдніе всегда охотно трудятся, когда вполнѣ увѣрены въ близкой наградѣ, но что у нихъ нѣтъ терпѣнія дожидаться дальнѣйшихъ результатовъ [1]), а Фиркандтъ отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что въ дикихъ странахъ дороги всегда идутъ извивами, такъ какъ соединяютъ не конечные, а только самые близкіе пункты; при этомъ дикарь никогда не потрудится устранить препятствіе (въ видѣ дерева, обвала камня и т. д.), которое неожиданно появится на его пути; онъ предпочтетъ сдѣлать иногда большой крюкъ, чтобы миновать препятствіе, и этотъ крюкъ такъ и останется на пути, когда отъ былого препятствія давно уже не будетъ и слѣда [2]). При этомъ дикарь вовсе не различаетъ предметовъ одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ, а себя не только не противопоставляетъ остальному міру, но даже не отличаетъ отъ него. Самая фраза: „человѣкъ и другія животныя“ или выраженіе, которое мы такъ часто употребляемъ: „и человѣкъ, и животныя“, указываютъ на то чувство превосходства, съ которымъ мы, цари природы, взираемъ на окружающій насъ міръ животныхъ. По словамъ Имъ-Турна, путешествовавшаго по Гвіанѣ, „индѣйцы не знаютъ этого дѣленія всего существующаго на два класса. И дѣйствительно, важно отмѣтить, какъ мало разницы между дикаремъ и звѣремъ; эта разница такъ незначительна, что должна была неминуемо ускользнуть отъ вниманія перваго“ [3]). Изъ множества примѣровъ

---

[1]) Ratzel, Völkerkunde, т. I, стр. 87 (перваго изданія).

[2]) Vierkandt, Naturvölker und Kulturvölker. Подобно этому, у дикаря не хватаетъ терпѣнія на земледѣліе. На Арруанскихъ островахъ никто не сажаетъ кокосовыхъ орѣховъ, потому что результаты посадки явятся всего черезъ 12 лѣтъ, а туземецъ не можетъ удержаться, чтобы не съѣсть вкусный орѣхъ сразу. Зиберъ, стр. 189.

[3]) Цит. у A. Lang, Mythes, cultes et religions. Paris. 1896, стр. 51.

этого рода, собранныхъ Леббокомъ, Ленгомъ и др., я приведу всего одинъ, который особенно поразилъ меня. Замѣтя у путешественника музыкальный ящикъ и ручной органъ, эскимосы тотчасъ же установили между этими предметами опредѣленныя родственныя отношенія и органъ признали отцомъ музыкальнаго ящика [1]).

Вся жизнь первобытнаго человѣка уходитъ на собираніе пищи и на ея поглощеніе. Такъ, напримѣръ, по сообщенію одного испанскаго священника, филиппинскіе „негритосы живутъ замкнутыми группами: они не имѣютъ постояннаго мѣста жительства и не строятъ хижинъ. Отецъ, мать и дѣти вооружены каждый своими стрѣлами и вмѣстѣ ходятъ на охоту. Когда они убьютъ оленя или свинью, они остаются на томъ мѣстѣ, гдѣ упало животное (намъ извѣстно, что вообще дикари, не умѣя убить наповалъ свою дичь, ранятъ ее и преслѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока она не упадетъ обезсиленная), вырываютъ яму въ землѣ и кладутъ въ нее свою добычу, затѣмъ они разводятъ огонь. Каждый беретъ себѣ любой кусокъ животнаго и жаритъ его на огнѣ; ѣдятъ они до тѣхъ поръ, пока не набьютъ себѣ желудокъ, и наѣвшись они засыпаютъ на землѣ, выброшенной при рытьѣ ямы. Проснувшись, они снова принимаются за ѣду, и это повторяется до тѣхъ поръ, покуда не будетъ съѣдено все мясо; тогда они опять отправляются на охоту“ [2]). Такой примитивный охотничій бытъ не допускаетъ никакой недвижимости, не развиваетъ въ характерѣ племени постоянства и трудолюбія. Когда мы слышимъ, будто „первобытный человѣкъ былъ членомъ группы, переживаніе которой стояло въ зависимости отъ промышленной дѣятельности ея членовъ и умѣнія ихъ пользоваться матеріальными средствами, бывшими у нихъ подъ руками“ [3]), то мы наталкиваемся на голословное утвержденіе въ духѣ стараго времени. Одной изъ такихъ теорій было и ученіе о смѣшанномъ общеніи половъ, ученіе, пользовавшееся такъ долго кредитомъ у этнологовъ, поколебленное Штарке и Вестермаркомъ и названное Гроссе, можетъ быть, слишкомъ смѣло „грѣхомъ молодости соціологіи“. Поскольку отъ быта современныхъ племенъ можно заключать къ тому образу жизни, который велъ человѣкъ на первичныхъ стадіяхъ своего развитія, когда у него не было ни одного болѣе культурнаго сосѣда, — постольку можно полагать, что человѣкъ при своемъ появленіи въ

---

[1]) *Леббокъ*, Начало цивилизаціи. 1876, стр. 28.

[2]) Цит. у *К. Бюхера*, Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Спб. 1898 (русскій переводъ), стр. 74—75.

[3]) Слова Thorstein Verlen'a въ статьѣ: „The instinct of workmanship and the irksomeness of labor“ (The American Journal of Sociology, т. 4, 1898, стр. 194).

природѣ жилъ парами или очень небольшими группами, состоявшими изъ него самого, его жены и дѣтей. Конечно, эта связь семьи могла продолжаться очень недолго, пока дѣти не подростали настолько, чтобы быть въ состояніи самостоятельно прокормиться собираніемъ корней или ловлей птицъ, то-есть, лѣтъ до 7—8, какъ и теперь еще бушменъ посвящаетъ своего сына съ самаго ранняго дѣтства въ тайны стрѣлянья изъ лука, разыскиванія слѣдовъ дичи и дикаго меда, а у австралійцевъ мальчикъ лѣтъ 14—15 уже считается воиномъ. По словамъ Бюхера [1]), у первобытныхъ народовъ матери въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ приходится кормить ребенка грудью или изо-рта, но затѣмъ его вскорѣ посылаютъ самого искать себѣ пищу, и часто уже на 8 или 10 году онъ отдѣляется отъ своей группы.

Понятное дѣло, что при легкомыслiи и непостоянствѣ дикаря разводъ совершается съ чрезвычайной легкостью и, если у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ (напримѣръ, ведда, нѣкоторыхъ папуасовъ и андаманцевъ) мы находимъ убѣжденіе, что только смерть можетъ разлучить мужа и жену, то эту черту сравнительно высокаго нравственнаго развитія мы не имѣемъ права переносить на первобытнаго человѣка; она могла возникнуть, какъ мнѣ думается, вслѣдствіе крайней рѣдкости населенія. Несравненно чаще супруги разрываютъ свою связь, едва надоѣдятъ другъ другу или поссорятся. У нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ существуетъ даже особенный институтъ, такъ называемый пробный бракъ, который длится всего нѣсколько дней и можетъ кончиться разводомъ. У криковъ бракъ считается временнымъ учрежденіемъ, которое связываетъ обѣ стороны не болѣе, чѣмъ на годъ; плодомъ этого порядка вещей является то, что большинство стариковъ или даже пожилыхъ мужчинъ перемѣнило уже множество женъ и не знаетъ своихъ дѣтей, разбросанныхъ по всему племени. Среди ботокудовъ бракъ заключается безъ всякой церемоніи, разрывается по малѣйшему поводу, просто ради разнообразія. До чего доходитъ эта жажда новизны, видно изъ примѣра одного племени индійскаго архипелага, гдѣ нѣкоторые мужчины женятся и разводятся съ одной и той же женщиной раза по три—по четыре за свою жизнь [2]). Разумѣется, при такой непрочности семейныхъ узъ и любовь къ дѣтямъ среди дикарей большая рѣдкость [3]). Летурно въ своей „Соціологіи, основанной на данныхъ этнографіи“ разсказываетъ про одинъ случай, когда родители вмѣстѣ съ сосѣдями разводили огонь и наливали воду въ котелъ, съ нетерпѣніемъ поджидая, когда умретъ ихъ ребенокъ, котораго они хотѣли съѣсть. Весьма извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ европейцы, увозя съ собой

---

[1]) Loc. cit. стр. 76.

[2]) Эти и многіе другіе примѣры у *Вестермарка*, Geschichte der menschlichen Ehe (Jena 1893), стр. 518 слл.

[3]) Этотъ вопросъ недавно подробно разсмотрѣнъ Штейнметцомъ въ его „Ethnologische Studien zur Entwickelung der Strafe“. Объ этой книгѣ будетъ идти рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

мальчика изъ племени, жившаго на Огненной Землѣ, удивлялись тому равнодушію, съ какимъ онъ разставался со своими родителями; въ то же время послѣдніе были радешеньки, получивъ за своего сына нѣсколько ожерелій и немного бисквита. Въ Калифорніи родители продавали своихъ дочерей замужъ, руководясь единственно своей выгодой и относясь съ полнымъ равнодушіемъ къ симпатіямъ дочерей. Выгода—единственный мотивъ, который способенъ подвинуть дикаря на энергичный поступокъ; андаманскіе минкопіэ стараются помѣшать своимъ сыновьямъ отдѣляться отъ нихъ, потому что юноши, привыкнувъ къ охотѣ и рыбной ловлѣ, могутъ быть полезны своимъ родителямъ: къ дѣвушкамъ они относятся съ полнымъ индифферентизмомъ, потому что ихъ бракъ, при отсутствіи обычая купли женъ, не даетъ имъ ничего; конечно, совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ этотъ обычай существуетъ; тутъ дочь служитъ выгоднымъ предметомъ обмѣна, и ее слѣдуетъ хранить. Та же выгода и жадность къ своей собственности лежитъ въ основаніи ревности дикаря, которая иногда доходитъ до того (напримѣръ, у австралійцевъ), что женщинѣ запрещается вести разговоръ съ кѣмъ бы то ни было изъ мужчинъ; исключенія не дѣлаются даже для брата мужа. Для того, чтобы удалить причину ревности, иные дикари (напримѣръ, сѣверо-американскіе индѣйцы) безобразятъ своихъ женъ, отрѣзывая имъ иногда волосы, иногда даже носъ; ботокуды, которые позволяютъ себѣ самимъ такъ часто мѣнять женъ, относятся къ нимъ со свирѣпой ревностью. Понятное дѣло, что о дружелюбіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Тотъ же дикарь, который такъ бдительно охраняетъ честь своей жены, не постѣснится за деньги передать ее любому желающему.

До сихъ поръ мы говорили о непостоянствѣ первобытнаго человѣка въ его отношеніяхъ къ семьѣ; это непостоянство, проявленіе совершеннаго отсутствія сознательности и выдержки, приводитъ дикаря и къ бродяжничеству, которое не всегда связано съ дѣйствительной нуждой и зачастую, какъ и многое другое, къ чему питаетъ влеченіе душа дикаря, приводится въ отношеніе къ религіи. Негритосы на островѣ Люцонѣ не знаютъ ни земледѣлія, ни прочныхъ жилищъ, ни какой-либо общественной организаціи, кромѣ семьи. Они бродятъ по горамъ, заходя туда, гдѣ могутъ укрыться отъ непогоды (дождя дикари боятся, какъ самаго ужаснаго въ жизни); они скитаются по берегамъ моря или рѣки, питаясь корнями и плодами тропическаго лѣса, медомъ дикихъ пчелъ, змѣями, лягушками и рыбой [1]). На такое же вѣчное бродяжничество осуждены и луговыя племена Бразиліи, о которыхъ писалъ Мартіусъ. Питаясь рыбной ловлей и охотой, они бродятъ семьями съ одного мѣста на другое, тогда какъ „лѣсныя племена занимаются въ своихъ долинахъ и земледѣліемъ и живутъ болѣе обширными группами“. Бушменъ рѣдко проводитъ двѣ ночи подрядъ на одномъ мѣстѣ, а

[1]) Цит. у R. Hildebrand, loc. cit., стр. 2—4.

такъ какъ одному и прокормиться легче, чѣмъ многимъ, то орды бушменовъ состоятъ въ большинствѣ случаевъ изъ членовъ одной семьи; мужчина, по словамъ Ливингстона, питается добычей охоты, а женщина собираетъ коренья, бобы и ягоды. По сообщенію Ратцеля, африканскіе негры лучшіе изъ первобытныхъ земледѣльцевъ. Казалось бы, что имъ не для чего покидать свою страну; на дѣлѣ мы видимъ совершенно обратное: страсть къ кочевой жизни такъ сильна и у нихъ, что рѣдкая деревня простоитъ на одномъ мѣстѣ въ продолженіе одного поколѣнія, а про индѣйскихъ гарро разсказываютъ, что за это время они успѣваютъ основать отъ восьми до десяти временныхъ земледѣльческихъ поселковъ [1]). Впрочемъ, примитивное земледѣліе, состоящее въ царапаніи земли киркой ради добычи кое-какихъ корней и въ срѣзываніи всякой травы безъ разбора, конечно, не позволяетъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, а на пути усовершенствованія земледѣлія стоитъ очень часто суевѣріе. Такъ напримѣръ, по мнѣнію африканскихъ вакамба, землю можно взрывать только деревянной лопатой, такъ какъ желѣзо отпугиваетъ дождь, въ унаваживаніи земли они видятъ загрязненіе ея лица. Туземцы нижняго Замбези живутъ изъ года въ годъ плодами дерева манго; но никто изъ нихъ не сажаетъ новыхъ деревьевъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, по господствующему повѣрію, онъ непремѣнно умретъ.

Наконецъ, дикаря осуждаетъ на бродяжничество суевѣрный ужасъ къ покойнику, который и послѣ смерти ведетъ какое-то существованіе и можетъ на страхъ живымъ возвращаться въ свое прежнее жилище. И вотъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ его непрошеннаго визита, стараются уничтожить всѣ мотивы возвращенія: вся собственность покойнаго отдается ему въ могилу, а жилище его сожигаютъ или покидаютъ навсегда. „Вмѣстѣ съ индѣйцемъ племени Вантунъ“, говоритъ одинъ наблюдатель (въ Калифорніи), „часто попадаютъ въ могилу очень странные предметы: ножи, вилки, кружки отъ уксуса, пустыя бутылки отъ водки, жестянки отъ консервовъ, лукъ, стрѣлы и пр.; а если хоронятъ трудолюбивую хозяйку, то прибавляютъ еще нѣсколько корзинъ желудей“ [2]). Якуты и готтентоты покидаютъ хижину со всѣмъ добромъ въ полное распоряженіе покойника; въ другихъ мѣстахъ ее разрушаютъ. Въ Никарагуа прежде погребали вмѣстѣ съ покойникомъ все его личное достояніе; у сомалійцевъ вдова ломаетъ на могилѣ мужа всѣ свои сокровища и ежедневно приноситъ ему въ жертву овецъ и козъ. У негровъ въ землѣ Того друзья и родные засыпаютъ покойника раковинами каури, имѣющими значеніе монеты, до такой степени, что онъ оказывается совершенно закрытымъ ими [3]). Въ западной Австраліи съ покойникомъ хоронятъ его оружіе и здѣсь же разводятъ костеръ,

[1]) Эти и нѣкоторые и дальнѣйшіе факты у Панкова, loc. cit., 167 и сл.

[2]) Бюхеръ, loc. cit., стр. 88.

[3]) Панковъ, стр. 173.

чтобы его душа могла погрѣться [1]). Эти примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, показываютъ, какое высокое значеніе собственности придаетъ первобытный человѣкъ. Уступчивость по отношенію къ самому близкому человѣку ему мало извѣстна.

Не слѣдуетъ думать, что охотничьи племена, проводящія всю жизнь въ бродяжничествѣ, кочуютъ въ области, неограниченной никакими искусственными предѣлами. Въ Австраліи, какъ и у бразильскихъ индѣйцевъ, у всякаго племени опредѣленная, рѣзко очерченная территорія, которая въ свою очередь подраздѣляется на рядъ участковъ по числу ордъ съ ненарушимыми границами. На западѣ материка это дѣленіе еще болѣе усложняется тѣмъ, что каждый участокъ дѣлится по числу мужчинъ на части, которыя переходятъ по наслѣдству къ его сыновьямъ. По словамъ братьевъ Сарасинъ, вся веддаская область подраздѣляется на мелкіе охотничьи участки, которые находятся во владѣніи отдѣльныхъ семей [2]). То же самое разсказываютъ про сѣверо-американскія племена индѣйцевъ, которыя имѣли право преслѣдовать стада буйволовъ только на опредѣленныхъ участкахъ. Лѣса по берегамъ Лабрадора и залива св. Лаврентія были опять таки раздѣлены на участки, гдѣ имѣла право охотиться лишь одна семья [3]). Понятно, что при такомъ развитіи чувства собственности у дикихъ племенъ не можетъ существовать понятія о начальствѣ и подчиненіи, ибо всякій подчиненный немедленно занялъ бы положеніе безправнаго раба, а начальникъ сдѣлался бы его собственникомъ, какимъ онъ является по отношенію къ женѣ и дѣтямъ по праву сильнаго. Обладаніе рабами требуетъ уже извѣстной высоты культуры, когда господинъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ рабъ, а этого у первобытныхъ охотниковъ быть не можетъ. Индивидуализація собственности достигаетъ здѣсь своего высшаго пункта: каждый съѣдаетъ то, что добылъ; „каждый ѣстъ отдѣльно, отвернувшись отъ остальныхъ, и считается неприличнымъ принимать пищу въ присутствіи другихъ“ [4]). Штейненъ разсказываетъ о забавномъ ужасѣ дикарей, въ присутствіи которыхъ онъ ѣлъ; по его словамъ, онъ совершалъ, очевидно, величайшую непристойность. Такъ было у бразильскихъ дикарей, а у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, уже достигшихъ извѣстнаго развитія семейнаго быта, каждая вещь въ домѣ имѣетъ своего собственника, и „гнѣздо котятъ или цыплятъ часто имѣетъ столько же отдѣльныхъ собственниковъ, сколько въ немъ находится животныхъ. Чтобы купить насѣдку съ ея цыплятами, часто приходится торговаться съ нѣсколькими дѣтьми“ [5]).

---

[1]) Grosse, стр. 40.
[2]) Grosse, loc. cit. 35—36.
[3]) Hildebrand, стр. 4—5.
[4]) Бюхеръ, стр. 98.
[5]) Тамъ же.

Въ статьѣ Бюхера собрано много фактовъ изъ области раздѣленія стола. Я воспользуюсь нѣкоторыми изъ нихъ для того, чтобы подчеркнуть, какое громадное значеніе для исторіи человѣческой цивилизаціи имѣла сравнительно жалкая участь первобытной женщины, участь, при которой прямо странно слышать о какомъ-то первичномъ матріархатѣ, этомъ сокровищѣ старыхъ этнологовъ. Такъ, въ Африкѣ у негровъ Конго „рядомъ съ хозяйствомъ мужчины существуетъ отдѣльное хозяйство и его жены". На островахъ Фиджи мужчины приготовляютъ кушанья, которыя приходится жарить внѣ дома на раскаленныхъ камняхъ. Въ настоящее время они ограничиваются лишь жареньемъ свиней, между тѣмъ какъ прежде на долю мужчинъ приходилось также приготовленіе человѣческаго мяса. У большинства океанійскихъ племенъ женщины и мужчины не должны быть вмѣстѣ во время ѣды, и первыя не смѣютъ ѣсть то, что приготовляется послѣдними. Повидимому, у нихъ также старательно избѣгаютъ ѣсть изъ одного сосуда съ кѣмъ-нибудь другимъ. Что оставалось дѣлать женщинѣ, если она не могла принимать участія въ мужниной охотѣ? Если она не желала голодать, ей приходилось добывать пищу у себя подъ ногами, собирать коренья и ягоды.

Не трудно подобрать рядъ примѣровъ, чтобы показать, что именно на женщинѣ лежитъ обязанность доставлять къ столу растительную пищу. У австралійцевъ рытье кореньевъ, по словамъ Грея, прямая обязанность женщины; буквально то же говорится объ индѣйцахъ Верхней Калифорніи, о ведда и т. под. Если вообще всѣ тяжелыя работы лежатъ на плечахъ женщины, то все же въ земледѣльческихъ занятіяхъ ея нельзя видѣть со стороны мужчины примѣненіе права сильнаго; женщина ищетъ корни и ракушки потому, что мужъ не даетъ ей мяса, а не потому, что ей хочется овощей. Только впослѣдствіи растительный элементъ входитъ постояннымъ образомъ въ составъ кухни, и мужчина осваивается съ нимъ. Фонъ-денъ-Штейненъ, глубоко изучившій бытъ бразильскихъ племенъ, выражается очень мѣтко, что женщина изобрѣла земледѣліе въ то время, какъ мужчина занимался охотой. Но, кажется, она изобрѣла не одно земледѣліе, а еще гончарное искусство [1]). Дѣло въ томъ, что мужчина, ознакомившись съ жаренымъ мясомъ животныхъ, изжарившихся во время лѣсныхъ пожаровъ, сдѣлалъ своей спеціальностью этотъ родъ приготовленія мясной пищи. Женщина со своей стороны научилась варить. Коренья постоянно варятъ и изъ нихъ приготовляютъ похлебку. Одно изъ низшихъ племенъ человѣчества, африканскіе карлики Батуа [2]), варятъ похлебку изъ корней какого-то дерева, хотя ихъ страсть къ мясу заставляетъ наблюдателей сравнивать ихъ скорѣе съ хищными звѣрьми, чѣмъ съ людьми. Варить пищу можно двоякимъ образомъ: во-первыхъ, можно грѣть воду надъ огнемъ, а во-вторыхъ въ воду можно бросать

[1]) Тотъ же взглядъ высказываетъ теперь и г. Харухинъ въ своей „Этнографіи". Москва. 1901.

[2]) Ratzel, Völkerkunde. I, 120—121.

раскаленные камни, отчего вода также нагрѣвается. Нечего и говорить, что первый способъ несравненно практичнѣе и дѣйствительнѣе, но во всякомъ случаѣ безъ него можно обойтись, какъ и обходится большинство полинезійскихъ племенъ.

Въ Микронезіи женщины снабжали своими глиняными издѣліями весь островъ Палау [1]), на Огненной землѣ горшечное производство также находится въ рукахъ женщины, и мы, можетъ быть, будемъ правы, приписывая именно „прекрасной половинѣ“ человѣческаго рода изобрѣтеніе глинянаго производства.

Нашъ очеркъ оставилъ въ сторонѣ много важныхъ вопросовъ: напримѣръ, происхожденіе обычая считать родство по матери, въ основѣ котораго лежитъ боязнь кровосмѣшенія, оставилъ въ сторонѣ потому, что главной цѣлью его было указать на индивидуальный характеръ первичной собственности и жизни, который всецѣло зависитъ отъ „индивидуальнаго исканія пищи“ [2]), этой первобытной формы человѣческаго существованія. Собственность теряетъ свой индивидуальный характеръ въ общинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что уже на этой индивидуальной первичной фазѣ человѣческаго развитія существуютъ извѣстныя формы кооперації, вызванныя необходимостью нападать сообща на крупнаго звѣря или защищаться отъ сильнаго врага. Особенно легко прослѣдить важность подобной кооперації у народовъ рыболовныхъ, гдѣ одной семьѣ и не обзавестись всѣми нужными снастями, и не справиться съ ними. Сѣти фиджійцевъ достигаютъ 3.400 метровъ длины и требуютъ нѣсколькихъ рабочихъ; для того, чтобы не выпустить ската, летучей рыбы, тюленя, надо образовать кругъ изъ рыбаковъ, и ихъ должно быть много. Въ обычномъ способѣ охоты на сушѣ, при которомъ животное выгоняется изъ зажженнаго лѣса на поджидающую его облаву, мы опять встрѣчаемся съ формой кооперації, требующей соединенія большого числа лицъ. „Крайне любопытно“, говоритъ одинъ очевидецъ филиппинскихъ негритосовъ: „видѣть этотъ народъ отправляющимся въ охотничью экспедицію; мужчины, женщины, дѣти,—всѣ идутъ вмѣстѣ, подобно стаду орангъ-утанговъ, идущему на грабежъ“. Чрезвычайно интересны облавы на кенгуру, устраиваемыя австралійскими туземцами.

Очень важно, что во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ (а ихъ очень много въ книгѣ Зибера) добыча дѣлится между участниками охоты по тому или другому принципу; это еще далеко не общинная охота, а только совмѣстная работа отдѣльныхъ индивидуальныхъ группъ.

---

[1]) Ratzel, Völkerkunde. II, 172.

[2]) Бюхеръ, стр. 106.

III.

Примитивныя формы общественнаго быта.

I.

Родовой бытъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы говорили о первичной индивидуальной организаціи человѣчества, при которой каждый человѣкъ настолько ставитъ себя въ центрѣ міра, что не признаетъ ничьихъ правъ, кромѣ своихъ, не любитъ никого, кромѣ себя. Однако, животная привязанность къ женѣ и дѣтямъ не можетъ быть вовсе чужда и ему, хотя она должна по самой натурѣ его не отличаться прочностью. Едва человѣкъ выходитъ изъ тѣхъ жалкихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ живетъ бушменъ, австраліецъ или андаманецъ, какъ въ немъ пробуждаются гуманныя чувства, благодаря которымъ первоначальная крошечная семейная группа разрастается уже въ цѣлый родъ. Семейныя узы, первоначально крайне слабыя, съ теченіемъ времени крѣпнутъ; дѣти все болѣе учатся цѣнить родительскую любовь, а родители питаютъ страстную нѣжность къ дѣтямъ. Разсказываютъ, что у патаганцевъ жена всегда можетъ удержать мужа отъ путешествія, увѣряя его, что ребенокъ его не можетъ разлучиться съ отцомъ; тогда этотъ послѣдній остается, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что его дитя такъ любитъ его [1]). Если у навахо родители не рѣшаются наказывать дѣтей изъ боязни быть застрѣленными ими, если у туземцевъ Калифорніи родители совершенно равнодушны къ дѣтямъ, а эти послѣднія отлучаются отъ нихъ, едва научившись ловить мышей и змѣй [2]), если, наконецъ, на нѣжную привязанность отца и матери дѣти у луизіанскихъ индѣйцевъ, у ительменовъ и многихъ другихъ племенъ отвѣчаютъ грубостями или даже побоями, въ которыхъ восторженные родители видятъ залогъ свободнаго развитія смѣлой души воина; то, съ другой стороны, у даяковъ взаимная любовь отцовъ и дѣтей доходитъ до такой чуткости, что бывали случаи, когда дитя, не будучи въ состояніи вынести упрековъ родителей, кончало съ собой самоубійствомъ. Штейнметцъ собралъ длинный рядъ примѣровъ педагогическихъ воззрѣній дикарей, которые онъ дѣлитъ на три группы

---

[1]) Steinmetz, Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. 1894, т. II, стр. 184 (отсюда взяты и многіе изъ нижеприведенныхъ примѣровъ).

[2]) Объ этомъ раннемъ обособленіи ребенка см. книгу Otis T. Mason'a: „The origins of invention“ (London 1895, стр. 16). Было бы очень желательно видѣть переводъ этой прекрасной книги на русскій языкъ.

(это дѣленіе имѣетъ, конечно, только психологическое значеніе). Къ первой группѣ онъ относитъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ родители изъ равнодушія, излишней любви или принципа совершенно не вмѣшиваются въ ходъ развитія своихъ дѣтей. Такихъ примѣровъ у него очень много. Нѣсколько меньше случаевъ второго рода, представляющихъ переходную стадію отъ полнаго отсутствія воспитанія къ первымъ попыткамъ родителей направлять нравственное развитіе дѣтей въ ту или иную сторону. Побои играютъ здѣсь послѣднюю роль (у дакотовъ одна мать умертвила себя, принявъ слишкомъ близко къ сердцу, что отецъ поколотилъ ея сына); въ общемъ, всѣ отношенія между родителями и дѣтьми основаны на такомъ глубокомъ уваженіи первыхъ къ личности и будущей роли послѣднихъ, какому могло бы позавидовать и современное общество. Списокъ племенъ, примѣняющихъ къ дѣтямъ суровую систему побоевъ и солдатской дисциплины, у Штейнметца очень не великъ: онъ включаетъ всего 11 племенъ, тогда какъ первый содержитъ 41 имя, а второй 25. Эта статистика при всемъ своемъ видимомъ несовершенствѣ позволяетъ сдѣлать очень важный выводъ о томъ значеніи и размѣрахъ, какіе при первомъ развитіи гуманныхъ чувствъ заняла родительская любовь.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равнодушіи, которое господствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ у самыхъ дикихъ народовъ, ассоціація отдѣльныхъ племенъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная выгода взаимодѣйствія видна всѣмъ ея участникамъ. Это случаи совмѣстной охоты или обороны, которые мы уже приводили раньше. Но филиппинскіе негритосы или бушмены могутъ соединяться рѣдко и не надолго; иначе они умерли бы съ голоду, охотясь сообща за какой-нибудь мелкой дичью. Совершенно мѣняется картина, когда судьба пошлетъ такому дикарю добычу, съ которой одному ему не справиться, когда, напримѣръ, море выброситъ на австралійскій берегъ разлагающійся трупъ кита. Тогда, по словамъ Зибера [1]), всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. Вмѣсто того, чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ преисполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этой цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло вмѣстѣ съ женой и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи. Исполнивъ эту обязанность, онъ натираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ женъ и, приготовленный такимъ образомъ, прорѣзываетъ себѣ путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать себѣ дорогу въ китѣ, и вы видите, какъ они ла-

[1]) „Очерки", стр. 189.

заютъ взадъ и впередъ по вонючему остову, выбирая лучшіе куски. Размѣры аппетита дикаря служатъ огромнымъ препятствіемъ на пути къ заключенію крупныхъ союзовъ. Разсказываютъ, что бушменъ съ пятью земляками безъ затрудненія съѣстъ въ одинъ часъ жирную овцу, а въ теченіе полуночи цѣлую квaггу вмѣстѣ съ кожей и шерстью, что готтентоты въ часъ могутъ съѣстъ по 8 фунтовъ мяса; вогулъ, наголодавшійся за нѣсколько дней, съѣдаетъ штукъ пять тетерокъ вмѣстѣ съ похлебкой, въ которой онѣ варились, заѣдая все это массой сушеной рыбы, замѣняющей ему хлѣбъ и т. п. Такіе размѣры аппетита объясняются частыми голодовками, какія приходится терпѣть необезпеченному охотнику. Поэтому прочный союзъ можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ пищи много, и гдѣ добыча ея имѣетъ постоянный характеръ.

Къ этимъ двумъ факторамъ образованія родовой группы, т. е. къ усиленію нравственной связи между членами семьи и къ достиженію сравнительной обезпеченности жизни, присоединяется въ качествѣ очень сильнаго фактора развитіе культа предковъ. Мы видѣли, что уже самыя дикія племена боятся своихъ покойниковъ и для обезпеченія себя отъ посѣщенія ихъ душъ сожигаютъ или хоронятъ все ихъ добро, а хижину ихъ покидаютъ навсегда или сожигаютъ. Вѣра въ переживаніе души послѣ смерти распространена среди всего человѣчества. Каково бы ни было ея происхожденіе, лежатъ ли въ основѣ ея странствованіе души во снѣ и явленія тѣни, какъ думаютъ Спенсеръ [1]), датскій психологъ Гефдингъ и др.,—воззрѣніе, которое находитъ сильную поддержку въ народныхъ повѣріяхъ всѣхъ временъ и народовъ [2]),—или же нѣчто врожденное человѣку, во всякомъ случаѣ, мы вездѣ найдемъ вѣру въ посмертное существованіе души, хотя представленія объ этомъ существованіи могутъ быть очень неясными. Такъ, веддахи допускаютъ мысль, что душа покойника послѣ смерти остается на мѣстѣ его погребенія, при которомъ, однако, не соблюдается никакихъ обрядовъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они знаютъ культъ предковъ. Сарасинъ разсказываетъ [3]) о двухъ дикихъ веддахахъ, которые, по ихъ сообщенію, не вѣрили ровно ни во что; другая группа вѣрила, что послѣ смерти люди превращаются въ духовъ или *яка*, но не приносили имъ никакихъ жертвъ. Малайцы не вѣдаютъ страха передъ привидѣніями, а души и духовъ представляютъ себѣ совершенно на подобіе дѣйствительныхъ существъ [4]). Мадагассы имѣютъ уже развитой культъ душъ и придаютъ огромное значеніе правильному, обрядовому погребенію, такъ какъ душа не успокаивается

---

[1]) „Основанія соціологіи“, т. I.

[2]) Напримѣръ, въ средніе вѣка думали, что дьяволъ, заключая договоръ съ человѣкомъ, беретъ въ залогъ его тѣнь. См. объ этомъ C. Meyer, „Der Aberglaube des Mittelalters“ (Basel 1884); на эту книгу обращаемъ особенное вниманіе читателей.

[3]) „Ergebnisse“, стр. 497.

[4]) Ratzel, II, 473.

до тѣхъ поръ, пока тѣлу не будутъ оказаны надлежащія почести [1]). Наконецъ, австралійцы вѣрятъ въ то, что души покойниковъ переживаютъ тѣло и сидятъ на деревьяхъ; иногда они входятъ въ ротъ человѣка и выходятъ изъ него въ видѣ газовъ. Они являются дѣятельными помощниками человѣка, а духи предковъ стараются оказывать своимъ потомкамъ всякія услуги [2]). Такимъ образомъ, отъ смутнаго представленія о духахъ вообще человѣкъ постепенно приходитъ къ живому представленію о дѣятельной силѣ своихъ предковъ. Этотъ переходъ можетъ совершиться лишь тогда, когда связь между родителями и дѣтьми настолько окрѣпнетъ, что ея не можетъ уже разорвать и смерть. Поэтому культъ предковъ, чуждый первобытному человѣку, является отвѣтомъ на естественную потребность его души, едва она доростаетъ до сознанія своей принадлежности къ семьѣ. Этотъ культъ, это ожиданіе благодѣтельныхъ послѣдствій его связываетъ сородичей такъ же крѣпко, какъ необходимость кооперації на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ распространенъ на всей землѣ у народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры [3]).

Объяснять происхожденіе родовой организаціи одними экономическими соображеніями нельзя уже потому, что, какъ мы знаемъ, сородичей у родовыхъ племенъ соединяютъ узы самой нѣжной привязанности. Штейнметцъ, подробно изслѣдовавшій вопросъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на члена рода за преступленія, не выходящія за предѣлы его, констатируетъ неопредѣленность, даже зачастую полное отсутствіе взысканія, указывающія на то, что первоначально это послѣднее служило лишь импульсивной, инстиктивной реакціей на преступленіе [4]). Тѣмъ не менѣе, въ основѣ этой индифферентности родичей къ преступнику лежитъ часто, какъ мнѣ думается, не нравственная халатность, въ которой упрекаетъ эти племена Штейнметцъ, а напротивъ глубокое убѣжденіе, что преступникъ, положимъ, убійца, убилъ свою жертву не ради корыстныхъ цѣлей, что въ убитомъ онъ лишился дорогого для себя человѣка, и что поэтому его надо жалѣть, а не казнить. Достаточно привести два-три примѣра. У гуроновъ предполагается, что убійца имѣлъ достаточныя основанія, чтобы совершить свое преступленіе. Его даже жалѣютъ за то, что ему пришлось поднять руку на свою кровь. У индѣйцевъ Гвіаны ссоры между туземцами большая рѣдкость. Въ случаѣ оскорбленія они только не говорятъ между собой, что очень ихъ огорчаетъ; назвать сородича дурнымъ человѣкомъ равносильно проклятію. Въ большинствѣ случаевъ преступникъ оказывается вынужденнымъ покинуть свой домъ, иногда его присуждаютъ къ штрафу. Чрезвычайно любопытная форма взысканія наблюдается у одного сѣвероамериканскаго племени, гдѣ за собственное увѣчіе или даже за горе

---

[1]) Loc. cit., 517—518.

[2]) Loc. cit. 92.

[3]) Штейнметцъ, тамъ же, т. I, стр. 277.

[4]) Тамъ же, II, 176.

несчастному приходится платить штрафъ, который по отношенію къ роднѣ съ материнской стороны признается уплатой за пролитую родовую кровь, а по отношенію къ родственникамъ по отцу считается деньгами на утѣшеніе (Trostgeld). Дальше этого родовая связь, кажется, не можетъ идти.

Какъ же складывается жизнь въ родовыхъ группахъ? Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ входятъ вовсе не одни дѣйствительные члены семьи. Въ томъ явленіи, которое Бюхеръ признаетъ доказательствомъ взаимнаго равнодушія родителей и дѣтей, т. е. въ обычаѣ усыновленія, чрезвычайно распространенномъ у всѣхъ народовъ земли, нужно видѣть, думается мнѣ, скорѣе указаніе на зарождающееся или уже укоренившееся высокое пониманіе семейнаго очага. „Главная цѣль усыновленія", говоритъ А. Постъ [1]): „сохранить родъ, особенно въ случаѣ бездѣтности родителей или отсутствія подходящаго наслѣдника". Поэтому у многихъ племенъ усыновленіе допускается лишь тогда, когда бракъ бездѣтенъ, или дѣти умерли; усыновленный поддерживаетъ культъ предковъ; поэтому сумасшедшихъ усыновлять нельзя, а съ другой стороны запрещается отдавать изъ семьи такое дитя, которое предзначается для сохраненія культа предковъ. Кромѣ усыновленныхъ, въ составъ рода могутъ входить лица, нуждающіяся въ его покровительствѣ, даже военноплѣнные [2]).

Родовымъ бытомъ живутъ (слѣдуя въ названіяхъ классификаціи Гроссе) „высшіе охотники" и „скотоводы" [3]). Къ первымъ относятся индѣйцы на сѣверо-западѣ Америки, напримѣръ, тлинкиты, камчадалы и др. племена Америки и сѣверной Азіи, которыя питаются по преимуществу или исключительно дарами моря, лососью, тюленемъ и т. п. Общество ихъ гораздо значительнѣе, нежели группы низшихъ охотниковъ; такъ, напримѣръ, казаки, занимая Камчатку, находили въ одномъ острогѣ отъ 200 до 300 человѣкъ; но они не только значительнѣе, они и замкнутѣе. Ихъ деревни напоминаютъ цѣлые города, содержатъ нѣсколько десятковъ домовъ и нѣсколько сотенъ жителей, и имѣютъ характеръ не временной, какъ стоянки веддаховъ или бушменовъ, но прочный, осѣдлый. Иногда цѣлая деревня селится въ одномъ домѣ, который представляетъ весьма замѣчательное сооруженіе. Самоанское семейство состоитъ изъ обширной группы родственниковъ человѣкъ въ 50, въ которую входятъ и дяди, и двоюродные братья и т. д. Такое семейство владѣетъ однимъ большимъ домомъ, своего рода клубомъ, и нѣсколькими меньшими домами, расположенными одинъ возлѣ другого; въ Новой Гвинеѣ путешественникъ нашелъ домъ туземцевъ, который имѣлъ 30 футовъ ширины и около 300

---

[1]) A. H. Post, Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, 1894, стр. 101.

[2]) Post, 122.

[3]) Характеристика этихъ племенъ составлена по книгамъ Гроссе, Гильдебранда, Зибера, Ратцеля и др.; отдѣльныя цитаты не приводятся.

длины; онъ былъ раздѣленъ на камеры, пространствомъ около 10 футовъ; общая часть дома, составлявшая около трети его ширины, содержалась весьма чисто. „Какъ назвать общество, обитавшее въ подобномъ домѣ“ спрашиваетъ Зиберъ. „Семействомъ, братствомъ, родомъ, кланомъ? За одно можно поручиться, что это было собраніе родичей, ведущихъ общее хозяйство и спящихъ подъ одною кровлей“. У эскимосовъ, въ южной Гренландіи, встрѣчаются дома болѣе 60 футовъ длины, содержащіе въ себѣ помѣщенія для 10 семействъ [1]).

При такомъ количествѣ жителей въ одномъ домѣ, конечно, становится возможно уже нѣкоторое раздѣленіе труда, при которомъ на долю женщины падаетъ устройство дома, няньченіе дѣтей, собираніе ракушекъ или растеній и т. п., а мужчина охотится или работаетъ внѣ дома. Интересную форму такого раздѣленія труда мы находимъ у якутовъ и тунгусовъ, населяющихъ Верхоянскій округъ Якутской области и промышляющихъ по берегамъ Ледовитаго океана охотой за дикими оленями. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣсколько штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ то подстрѣлены олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа по общему приговору дается кому-нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и еслибъ онъ началъ о томъ споръ, то долженъ навсегда лишиться охотничьяго таланта [2]). Раздѣленіе труда, допускавшее у тлинкитовъ существованіе спеціальныхъ кузнецовъ, столяровъ и серебряниковъ, тѣсно связано съ торговыми сношеніями племенъ. Если низшіе охотники знаютъ только мѣновой торгъ, то у высшихъ есть уже и монета. У однихъ изъ нихъ (калифорнцевъ) ей служатъ раковины и бѣлыя оленьи шкуры, у другихъ (на сѣверозападѣ) одѣяла. Наконецъ, мы находимъ здѣсь уже рабовладѣльчество и разныя степени богатства. У высшихъ охотниковъ плутократія обычное явленіе. Среди одного и того же рода (innerhalb eines Geschlechtes), сообщаетъ о тлинкитахъ Краузе, нѣкоторыя семьи занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ остальныя; онѣ образуютъ своего рода дворянство, преимущества котораго зависятъ не столько отъ рожденія, сколько отъ обладанія значительной наслѣдственной собственностью. Санъ вождя точно такъ же связанъ съ перевѣсомъ богатства, которое за-

[1]) Такіе же дома имѣются у даяковъ на Борнео. Gomme, The village Community, 1890, стр. 11.

[2]) Зиберъ, 20.

ключается, главнымъ образомъ, въ рабахъ. Обыкновенно онъ переходитъ отъ дяди къ племяннику, но бываютъ случаи, что выбираютъ другого вождя. Среди сѣверныхъ калифорнцевъ наслѣдственный санъ вождя почти неизвѣстенъ. Если сынъ является преемникомъ отца въ этой должности, то это случается лишь потому, что онъ унаслѣдовалъ его состояніе; едва появится человѣкъ болѣе богатый, какъ прежній вождь безъ дальнихъ разговоровъ лишается своего значенія въ пользу новаго богача, значенія, но не власти, потому что вождю повинуются постольку, поскольку это каждому угодно. Власть вождя племени слабая тѣнь авторитета главы рода, и только во времена войнъ изъ среды воиновъ возвышается кто-нибудь наиболѣе искусный и воинственный, которому остальные инстиктивно повинуются. Сыгравъ свою роль неограниченнаго государя на войнѣ, онъ возвращается въ среду товарищей, едва заключается миръ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о матріархатѣ, многоженствѣ и бракѣ куплей, который встрѣчается одинаково у скотоводческихъ племенъ и высшихъ охотниковъ, я коснусь ихъ родовой организаціи. Чинуки Сѣверной Америки, заключая бракъ, вводятъ своихъ женъ въ родительскій домъ; нѣсколько поколѣній вмѣстѣ дружно живетъ подъ одной обширной кровлей, пока родъ не разрастается до такихъ размѣровъ, что сожитіе его становится практической невозможностью. То же самое наблюдается у нутка: каждый домъ вмѣщаетъ толпу родственниковъ, при чемъ вождь живетъ на верхнемъ концѣ, а остальные размѣщаются по степени родства съ нимъ. У камчадаловъ, какъ мы уже видѣли, родъ зачастую состоялъ изъ 200—300 человѣкъ, что объясняется обычаемъ брать мужей дочерей къ себѣ на домъ; тотъ, у кого было много дочерей, могъ легко завести большую семью и устроить огромный острогъ (деревню). „Наши данныя не позволяютъ съ увѣренностью сказать“, замѣчаетъ Гроссе (стр. 87): „поскольку домашнія родовыя общины функціонируютъ и въ качествѣ промысловыхъ товариществъ. Мы знаемъ, что на охоту и на рыбную ловлю зачастую собираются значительныя группы подъ руководствомъ выбраннаго вождя, но мы не знаемъ, являются ли эти группы домашними и деревенскими общинами“. Отмѣтить этотъ фактъ очень важно, потому что, читая о значительныхъ сооруженіяхъ у дикарей, легко впасть въ заблужденіе и приписать прочную организацію такимъ рабочимъ союзамъ, которые имѣютъ характеръ временный и произвольный; въ это заблужденіе, думается мнѣ, впалъ и Зиберъ, который серьезно говоритъ объ общинныхъ работахъ по выжиганію лѣсовъ, по орошенію и т. п. у самыхъ дикихъ народовъ земли.

Санъ родового вождя у высшихъ охотниковъ имѣетъ чисто номинальное значеніе; зато онъ нерѣдко связанъ съ неограниченной властью у племенъ скотоводческихъ, безчисленнаго множества племенъ, раскинувшихся въ необозримыхъ степяхъ Азіи отъ тибетскаго плоско-

горія на югѣ до Ледовитаго океана на сѣверѣ, отъ сѣверныхъ береговъ Тихаго океана на востокѣ до Каспійскаго моря на западѣ. Въ южной Индіи и на сѣверѣ Европы, въ степяхъ Аравіи и въ центральной Африкѣ, наконецъ, на югѣ ея, у каффровъ и готтентотовъ, скотоводчество главное занятіе жителей. Переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто, эти племена движутся въ опредѣленныхъ границахъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой набѣгъ сосѣдей. У конныхъ племенъ Южной Америки, которыя развились лишь съ того времени, когда европейцы завезли въ новый свѣтъ лошадь, у каждаго племени точно также своя опредѣленная область, на которой чужеземецъ не смѣетъ раскинуть палатки. Каждый годъ въ извѣстное время года племя переходитъ со своими стадами въ то мѣсто, гдѣ было въ ту же пору въ прошломъ году; по справедливому замѣчанію академика В. Радлова, владѣлецъ оленей (а это примѣнимо ко всякому скотоводческому племени) при своихъ блужданіяхъ долженъ имѣть въ виду свой скотъ, и потому можетъ двигаться лишь по тому пути, гдѣ этому послѣднему не грозитъ никакой опасности. По сообщенію одного путешественника начала XIX вѣка, жители внутренней Африки снимаются со своей зимней стоянки въ февралѣ мѣсяцѣ, когда солнечный зной начинаетъ выжигать скудную растительность степи, и приближаются къ южнымъ негритянскимъ государствамъ; здѣсь они остаются все лѣто, добывая въ обмѣнъ за соль, которую приносятъ съ собой изъ степей, хлѣбъ и другія необходимыя вещи, а въ іюлѣ, при наступленіи дождливаго времени, возвращаются къ себѣ. Подобно тому, какъ у высшихъ охотниковъ, женщина и здѣсь не касается главнаго занятія мужчины: доступъ къ вымени коровы ей запрещенъ у многихъ племенъ [1]); бедуинъ самъ доитъ своихъ верблюдовъ и кормитъ коней; но очень часто мужчина слагаетъ съ себя и эту обязанность и проводитъ цѣлые дни въ праздности, предоставляя женщинамъ и уходъ за скотомъ, и ухаживаніе за его собственной драгоцѣнной особой.

Общая черта всѣхъ пастушескихъ народовъ заключается въ томъ, что мяса своего скота они почти не ѣдятъ, питаясь молокомъ. Гильдебрантъ собралъ рядъ примѣровъ изъ сочиненій новѣйшихъ путешественниковъ и классическихъ писателей, которые единогласно подтверждаютъ это наблюденіе. Самоѣдъ ѣздитъ на своихъ оленяхъ, но даже не доитъ ихъ, добывая себѣ средства пропитанія охотой за дикими оленями; онъ бьетъ своего оленя только для жертвоприношенія, какъ это дѣлали и древніе іудеи [2]) со своимъ скотомъ. Каффры, дамары, готтентоты питаются точно также исключительно

---

[1]) У каффровъ уходъ за скотомъ считается не столько долгомъ, сколько правомъ мужчины; женщина подъ угрозой строгаго наказанія не смѣетъ вступать въ краль; бечуаны сдѣлались землевладѣльцами лишь со времени введенія къ нимъ тяжелаго плуга, влекомаго быками, и то только потому, что женщины не смѣютъ прикасаться къ скоту. Grosse, стр. 92—93. См. Бюхеръ, стр. 102.

[2]) 3 кн. Моис. 17, 1—7.

добычей охоты и тѣми жалкими корнями, которые добываютъ ихъ жены. Вотъ почему, нельзя никоимъ образомъ видѣть въ бытѣ пастушескихъ народовъ высшую стадію культурнаго развитія, нежели та, на которой стоятъ сѣверо-американскіе рыболовы. Напротивъ, непостоянная жизнь съ постоянными блужданіями останавливаетъ въ зародышѣ развитіе промышленности, которая можетъ процвѣтать у охотничьихъ племенъ. Только войлочное и шерстяное производство достигаютъ совершенства у скотоводовъ; издѣлія изъ кожи тоже имѣли центромъ распространенія, вѣроятно, скотоводческія племена, а нѣкоторыя изъ нихъ славятся и металлургіей. Свободные отъ всякаго занятія, когда номады переходятъ отъ охоты къ употребленію въ пищу молока своихъ коровъ, они охотно занимаются торговлей; это очень важно для насъ, потому что, какъ мы уже видѣли, большинство культурныхъ пріобрѣтеній человѣчества вышло изъ центра, лежавшаго, по всей вѣроятности, въ области скотоводческаго быта, и древнѣйшей мѣновой единицей у народовъ средней Азіи и Европы служила корова.

Какъ у высшихъ охотниковъ, такъ и у скотоводовъ имущественнаго равенства нѣтъ. Такая перемѣнная величина, какъ стадо, можетъ при первомъ скотскомъ падежѣ дойти до нуля, или же постепенно возрасти до огромныхъ размѣровъ. Другимъ источникомъ обогащенія является война. Смѣлый и счастливый воинъ добываетъ скотъ, женъ, рабовъ, тогда какъ неудачнику постоянно грозитъ опасность потерять все свое имущество въ пользу сильнаго [1]), такъ какъ, по самой своей натурѣ, большинство скотоводовъ питаетъ особое пристрастіе къ грабежу и разбою. Разбитыя по необходимости на маленькія группы, ихъ племена не знаютъ ни политической организаціи, ни центральной власти. Родъ является единственной государственной единицей, военныя деспотіи, возникавшія то тамъ, то сямъ среди скотоводческихъ племенъ, никогда не могли похвалиться долговѣчностью; онѣ сдерживались только личностью завоевателя и распадались послѣ его смерти, какъ распались царства Чингисхана или Аттилы. Большинство номадовъ придаетъ важное значеніе родственнымъ связямъ, при чемъ эти послѣднія считаются исключительно по отцовской линіи. Если самый промыселъ и не требуетъ соединенія родственныхъ родовъ въ одну группу, потому что для наблюденія за огромнымъ стадомъ достаточно незначительнаго числа пастуховъ, то въ видахъ взаимной обороны кочевники держатся поближе другъ къ другу. Но это только тамъ, гдѣ грозитъ опасность со стороны чужихъ наѣзниковъ; лапландцы, защищенные отъ набѣговъ суровостью климата, живутъ обособленными семьями—родами, лишенными опредѣленной организаціи. Родъ тунгузовъ (tagaun) представляетъ уже нѣчто болѣе законченное и находится въ управленіи избраннаго старшины, который выбирается не за возрастъ, а за богатство и хорошее

[1]) Grosse, 97.

поведеніе. У бурятъ и калмыковъ каждый родъ раздѣляется на группы въ 10—12 палатокъ, которыя называются хотунъ, а у башкировъ деревня или аулъ состоитъ изъ 5—20 юртъ. Лагери бедуиновъ бываютъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и содержатъ отъ 10 до 800 палатокъ. Зимой племя распространяется по равнинѣ мелкими группами въ 3—4 палатки, на полчаса дороги между собой. Нѣсколько хотуновъ, составляющихъ одинъ родъ, имѣютъ во главѣ себя вождя, который блюдетъ его интересы. Въ мирное время его атворитетъ уступаетъ власти отцовъ семействъ, но, когда раздается военный кличъ, онъ становится во главѣ своего рода въ качествѣ уполномоченнаго диктатора, и власть его пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ чаще и сильнѣе племя сталкивается съ врагами. Это явленіе замѣчается и въ жизни арабовъ, а у сомалійцевъ путешественникъ Пауличке видѣлъ семью, состоявшую изъ 150—200 хорошо вооруженныхъ мужчинъ.

Вообще, строй кочевыхъ пастушескихъ племенъ настолько однообразенъ, что, говоря объ одномъ народѣ, мы можемъ имѣть въ виду и всѣ подобные ему. Такъ, у всѣхъ ихъ общею чертой является, кромѣ признанія родового избирательнаго вождя, совѣтъ старѣйшинъ семей въ важныхъ случаяхъ, т. е. въ вопросахъ жертвоприношенія, перемѣны стоянки и т. д. Это же наблюдается у арабовъ и у готтентовъ, а у бечуановъ замѣчается стремленіе къ совмѣстной племенной жизни. Крали отдѣльныхъ родовъ составляютъ городъ, которымъ управляетъ патріархъ старшаго и большаго краля совокупно со старѣйшинами другихъ кралей, являясь, такимъ образомъ, своего рода primus inter pares.

У высшихъ охотниковъ и у кочевыхъ племенъ религія сводится къ культу родовыхъ предковъ, который является однимъ изъ связующихъ звеньевъ рода. Кромѣ этой особенности духовной жизни, они раздѣляютъ обычай купли женъ, обычай, чреватый важными послѣдствіями. Первобытныя охотничьи племена рады отдѣлаться отъ лишняго рта: не то у высшихъ охотниковъ, гдѣ всякій лишній работникъ пріобрѣтеніе; здѣсь ужъ приходится жену покупать. Въ случаѣ несостоятельности женихъ идетъ въ домъ тестя работать, за то, купивъ жену, онъ дѣлается ея неограниченнымъ собственникомъ. „Женщины созданы для работы“, увѣрялъ одинъ изъ сѣверо-американскихъ вождей: „одна женщина больше унесетъ и протащитъ, чѣмъ двое мужчинъ. Женщины разбиваютъ палатки, чинятъ и шьютъ наши одежды, согрѣваютъ насъ по ночамъ, и прежде всего, безъ нихъ не сдѣлаешь большого путешествія“. У гайдаховъ, гдѣ принадлежность къ племени и сословію даетъ происхожденіе по матери (обычай, какъ мы уже говорили, вызванный боязнью кровосмѣшенія), положеніе женщины тоже очень низко; мужъ отдаетъ ее изъ корыстныхъ цѣлей кому угодно. Все дѣло объясняется тѣмъ, что мужчина отдалъ за жену свои кровныя денежки. Картина совершенно перемѣняется, когда

родители возвращаютъ цѣну дочери въ видѣ обратнаго подарка жениху; тогда права сторонъ уравновѣшиваются. У тлинкитовъ, гдѣ господствовалъ этотъ обычай, женщина принимала участіе въ дѣлахъ мужа, имѣла наравнѣ съ нимъ право требовать развода, и, въ случаѣ его, дѣти оставались при матери [1]). У камчадаловъ, гдѣ мужъ входилъ въ домъ жены, существовалъ настоящій матріархатъ. По разсказу стараго наблюдателя, Штеллера, камчадалы, „до того влюблены въ своихъ женъ, что становятся ради нихъ добровольными рабами. Женщина отдаетъ приказанія и распоряжается всѣмъ домомъ". Однако и здѣсь de jure власть принадлежала мужчинѣ, который распоряжался рукой дочери, бралъ зятя къ себѣ въ домъ и т. д. У кочевниковъ бракъ куплей единственная форма заключенія брака; умыканіе невѣсты признается нарушеніемъ права, наказуемымъ преступленіемъ; считатъ этотъ обычай переживаніемъ древнѣйшихъ брачныхъ формъ невозможно.

Нигдѣ, говоритъ Гроссе, женщина не находится въ такомъ глубокомъ униженіи, какъ у кочевыхъ народовъ. И дѣйствительно, не принимая участія въ скотоводствѣ, она является только средствомъ увеличить стадо на деньги, вырученныя за нее, это—товаръ. Поэтому ни у одного кочевого народа жена не пользуется правомъ наслѣдованія [2]), и презрѣніе со стороны всѣхъ мужчинъ ея постоянная доля. „Противно смотрѣть", замѣчаетъ Вамбери о тюркахъ: „съ какимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ сынъ обращается на людяхъ со своей матерью". Положеніе дѣтей не лучше: „Дѣти цѣнятся едва-ли выше, чѣмъ неодушевленные предметы. Они являются собственностью отца, для котораго они должны работать, отъ котораго они обязаны откупаться. Отецъ по отношенію къ нимъ не обязанъ ровно ничѣмъ, даже поддержаніемъ ихъ существованія, разъ они подросли настолько, что могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ. Только путемъ брака или, вѣрнѣе, пріобрѣтенія собственнаго потомства они выходятъ изъ семьи".

И такъ, подводя итоги всему вышесказанному, мы будемъ вправѣ замѣтить, что въ родовомъ быту собственность, теряя свой индивидуальный характеръ, переходитъ всецѣло къ одному лицу, отцу семейства. Въ общинѣ и этотъ послѣдній лишается собственности.

II.

Общинный бытъ.

Совмѣстная охота и рыбная ловля, которая извѣстна самымъ первобытнымъ племенамъ, не мѣшаетъ участникамъ ея чувствовать

---

[1]) Подробно и очень интересно разсказываетъ объ этомъ Вестермаркъ, гл. XVIII.

[2]) Hildebrand, 34—35.

себя самостоятельными единицами, заинтересованными въ общемъ дѣлѣ только ради своей выгоды, выгоды индивидуальной. Обитатели огромныхъ домовъ у тлинкитовъ или нутка являются въ своемъ сознаніи членами одного рода, связанными между собою узами родства; но и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ семья, почему и общій домъ раздѣляется на углы, предназначенные для отдѣльныхъ семей. Общая родовая добыча дѣлится здѣсь на части по числу семействъ, гдѣ право на собственность имѣетъ, въ сущности, только отецъ. То же мы отмѣтили въ родовомъ быту кочевыхъ пастушескихъ народовъ.

Когда родъ переходитъ къ такому занятію, гдѣ успѣхъ дѣла увеличивается пропорціонально числу рабочихъ рукъ, гдѣ добычу нельзя дѣлить такъ же просто, какъ дичь или рыбу, застрѣленную или пойманную тѣмъ или другимъ участникомъ охоты,—тогда семья разрастается въ большой родъ, а плоды труда становятся недѣлимыми. Я говорю объ общинномъ бытѣ, который въ наиболѣе чистомъ видѣ наблюдается у некультурныхъ земледѣльческихъ племенъ, къ числу которыхъ принадлежатъ малайцы, жители Конго и вообще очень многіе народы Австраліи, Африки и Америки. Общинный бытъ явленіе, несомнѣнно, болѣе сложное, чѣмъ примитивный индивидуальный строй или бытъ родовой, а потому при изученіи его мы встрѣчаемся съ гораздо большимъ разнообразіемъ формъ землевладѣнія и обработки полей, и здѣсь уже сказывается вліяніе національныхъ особенностей. Тѣмъ не менѣе, сходство ихъ такъ велико, что глазу, не вооруженному изученіемъ соціологіи, легко можетъ представиться, будто въ основаніи его лежатъ не общія условія экономическаго развитія народовъ, но распространеніе общиннаго строя изъ одного центра. Въ это заблужденіе впалъ англійскій ученый J. F. Hewitt [1]), прибѣгающій къ самымъ невозможнымъ филологическимъ пріемамъ въ родѣ образованія греческаго слова ἀκρόπολις отъ мундскаго [2]) *akra* или германскаго *Gau* отъ мундскаго *Gowa*) для выясненія древнѣйшихъ культурныхъ путей распространенія общины, вышедшей изъ среды племенъ южной Индіи, изъ среды племенъ дравидовъ.

Примѣръ фантаста Hewitt'a особенно поражаетъ насъ потому, что именно англійскимъ ученымъ принадлежитъ честь изученія замѣчательнаго сходства, существующаго между общиной индійской и тѣми переживаніями общиннаго быта, которыя наблюдаются въ Англіи и Шотландіи. Ни Мэнъ [3]), одинъ изъ первыхъ изслѣдователей индійской общины, ни Гоммъ [4]), подробно изучившій въ послѣднее время остатки англійской, не ищутъ происхожденія общиннаго быта изъ одного гипотетическаго центра. Однако, посвящая блестящія страницы

---

[1]) The ruling races of prehistoric times in India, South-Western Asia and southern Europe. Westminster. 1894. I, стр. 43.

[2]) Мунды, неарійское племя Индіи.

[3]) Village communities in the East and West. 1872.

[4]) The Village Community with special reference to the origin and form of its survivals in Britain. London 1890.

описанію индійской общины, эти ученые пренебрегаютъ тѣми данными, которыя сообщаетъ этнографія дикарей, и даже въ книгѣ Гомма общинный бытъ этихъ послѣднихъ (даяковъ, фиджійцевъ и басутовъ) затронутъ очень поверхностно. Въ отношеніи къ нимъ мы можемъ примѣнить совершенно справедливый укоръ, сдѣланный Н. И. Зиберомъ современной наукѣ: „Слѣдуетъ сознаться", говоритъ онъ, „что принадлежность земли въ общую собственность всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ скорѣе принималась до сихъ поръ на вѣру, какъ нѣчто подразумѣвающееся само собою, нежели служила цѣлью сколько-нибудь обстоятельныхъ изслѣдованій" [1]).

Однако, этотъ упрекъ совершенно несправедливъ по отношенію къ нѣмецкой наукѣ. Труды Колера и Гроссе выяснили эту форму общественнаго быта до мелочей, а въ превосходномъ трудѣ А. Г. Поста: „Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz" (1894) мы имѣемъ классическое изложеніе общиннаго землевладѣнія и землепользованія. По опредѣленію этого ученаго, общинная организація на всей землѣ имѣла, повидимому, одинаковое происхожденіе; она вызывалась тѣмъ, что родъ садился въ извѣстной мѣстности и, какъ удачно выражается г. Зиберъ, „переносилъ на землю или, лучше сказать, на неразрывно связанный съ нею полезный матеріалъ, понятіе коллективнаго труда и пользованія". Общинная организація пріобрѣтаетъ самостоятельный характеръ, когда родовая падаетъ, и центръ тяжести переносится съ общности по крови на общность по занятію одной земли. Такимъ образомъ, общинный бытъ вовсе не предполагаетъ на первыхъ своихъ ступеняхъ общаго права на пользованіе землей; это право ограничивается плодами и обладаніемъ землей постольку, поскольку она находится въ обработкѣ. Мы уже видѣли, что первобытный земледѣльческій строй далеко не связанъ съ осѣдлостью; даже болѣе того: эта послѣдняя невозможна, пока племя не научится унаваживать землю или не перейдетъ къ плодоперемѣнной, напримѣръ, трехпольной системѣ (какъ въ Индіи). Конды Ориссы (южной части Нижней Бенгаліи), описанные І. Колеромъ [2]), живутъ родами (можетъ быть, у нихъ это уже разложеніе общины, вызванное множествомъ иноземныхъ вторженій, жертвою которыхъ было племя); родовой бытъ кондовъ очень напоминаетъ вышеразсмотрѣнный нами строй жизни кочевыхъ народовъ: такъ же во главѣ племени стоитъ здѣсь староста съ болѣе или менѣе номинальной властью и съ совѣтомъ старшинъ при себѣ; такъ здѣсь уже существуетъ раздѣленіе труда на ремесла и землепашество; такъ же, наконецъ, дѣти находятся въ неограниченной власти отца. Однако, конды племя земледѣльческое;

---

[1]) Очерки, 246 стр.

[2]) Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, т. VIII (1888), стр. 262 и дал.

при первобытномъ способѣ воздѣлыванія земли почва скоро истощается, и потому деревни черезъ каждыя 14 приблизительно лѣтъ мѣняютъ свое мѣстоположеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бенгаліи сохранилась до сихъ поръ такъ называемая система—*Jum* [1]), состоящая въ томъ, что жители деревни ежегодно или черезъ годъ все болѣе углубляютя въ лѣсъ, валятъ и сжигаютъ его; вскорѣ затѣмъ засѣянныя поля покидаются, и когда нивы слишкомъ далеко отодвинутся отъ поселка, онъ подвигается вслѣдъ за ними. Гильдебрандъ [2]) собралъ очень много примѣровъ того же рода, которые показываютъ, что кочевое земледѣліе существуетъ у веддаховъ (расчисти въ лѣсу мѣняются въ промежутокъ отъ 5 до 10 лѣтъ), въ экваторіальной Африкѣ (ежегодно), въ Западной Африкѣ (тоже ежегодно), у арабовъ, уйносовъ и т. д.

Понятное дѣло, что о землевладѣніи въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть и рѣчи. По словамъ одного путешественника по Западной Африкѣ, „покинутое мѣсто возвращается, такъ сказать, во власть пустыни, и скоро даже не узнаешь, что оно было когда-то обработано“. Вслѣдствіе этого у низшихъ земледѣльческихъ племенъ права на землю собственно не существуетъ: оно замѣняется правомъ пользованія землей, правомъ на плоды деревьевъ и полей. Въ Новой Гвинеѣ земельной собственности не существуетъ, говоритъ Розенбергъ [3]), всякій занимаетъ любое пространство земли и считаетъ себя обладателемъ его во все время, пока продолжаетъ воздѣлывать его. Въ Сіерра-Леонѣ достаточно прежнему владѣльцу земли перестать обрабатывать ее, какъ это самое мѣсто можетъ занять другой туземецъ. По словамъ Фрича, земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ бечуановъ, которые считаютъ себя владѣльцами земли лишь постольку, поскольку культивируютъ ее. Тотъ же взглядъ на землевладѣніе раздѣляютъ, по разсказамъ различныхъ путешественниковъ, зулусы, кафры, народы Ориссы (на сѣверо-восточномъ берегу Бенгальскаго залива), маори въ Новой Зеландіи и мн. др.

На землѣ, пріобрѣтенной путемъ оккупаціи ея, трудится все племя; общимъ трудомъ каждый изъ членовъ рода пріобрѣтаетъ одинаковое право на плоды. Такъ, въ Африкѣ (въ Сіерра-Леонѣ и Фернандо По) поля воздѣлываются сообща всей деревней, и хлѣбъ раздѣляется по числу семей, принимавшихъ участіе въ общемъ дѣлѣ, или же по степени нужды. У кабиловъ родъ составляетъ одну тѣсно сплоченную политическую единицу. Собственность не дѣлима, и доходы съ нея, плоды полей, тратятся на содержаніе и прокормленіе всѣхъ сородичей безъ различія. У малайцевъ всѣ члены *suku* (материнскій родъ) являются дѣйствительно членами одного тѣла; они такъ

---

[1]) О ней Колеръ тамъ же, т. X, стр. 336—337.

[2]) Recht und Sitte, стр. 51—54.

[3]) Цитированный у Гильдебрандта, стр. 49.

тѣсно связаны между собой общими интересами, что раздѣляютъ славу и позоръ, горе и радость. Имущество *suku*, состоящее изъ построекъ и полей, переходитъ недѣлимо отъ одного поколѣнія къ другому [1]). У нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ плата за жену собирается среди членовъ всего рода, который такимъ образомъ уступаетъ своему члену право на временное пользованіе женой; въ случаѣ его смерти на этой послѣдней можетъ жениться всякій изъ сородичей, не внося новой платы. У карибовъ жатва складывается въ общественные амбары; каждая семья получаетъ изъ нея свою долю; поля обрабатываются сообща.

Однако, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся уже съ болѣе развитой формой общины, гдѣ поля не обрабатываются сообща, но дѣлятся между членами общины. Признавая эту форму землепользованія болѣе развитой, но не приписывая ей самостоятельнаго, иного происхожденія, нежели общинѣ съ недѣлимыми полями, происшедшей изъ рода, я основываюсь на томъ, что раздѣленные участки земли отдаются членамъ общины, по большей части, не по жребію, но по назначенію родового, а потомъ общиннаго старшины. Такія указныя поля мы находимъ у басутовъ въ Южной Африкѣ, гдѣ страна принадлежитъ всей общинѣ, и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Начальники указываютъ своимъ вассаламъ доли земли, которыя они должны занимать, а эти послѣдніе даютъ каждому отцу семейства участокъ, пригодный къ обработкѣ и соотвѣтствующій его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечено для владѣльца на все время, пока онъ остается на мѣстѣ; если онъ переселится въ другое мѣсто, то долженъ сдать поле обратно начальнику, отъ котораго получилъ его, чтобы послѣдній могъ располагать имъ въ пользу другого лица. Границы полей обозначены съ достаточною точностью. Случаи споровъ подвергаются рѣшенію третейскаго суда сосѣдей, а въ послѣдней инстанціи суду начальника [2]). Этотъ начальникъ, какъ я уже сказалъ, въ сущности патріархъ рода; ему одному принадлежитъ земля; онъ одинъ завѣдуетъ доходами. У кабиловъ родъ доставляетъ каждому изъ своихъ членовъ рабочія орудія, оружіе и капиталъ для веденія торговли или занятія ремесломъ, которое онъ избралъ для себя. Зато каждый изъ нихъ обязанъ отдать весь свой трудъ на пользу общинѣ и весь заработокъ передавать въ руки родового старшины. Поэтому указныя поля далеко не составляютъ особенности однихъ басутовъ. Ту же систему раздѣленія земли мы находимъ, напримѣръ, на Палаузскихъ островахъ, гдѣ король былъ распорядителемъ земельныхъ участковъ: онъ раздавалъ эти послѣдніе своимъ подданнымъ, которые владѣли ими, пока культивировали; всякій разъ, когда такое лицо переселялось съ семьею на новое мѣсто, его участокъ возвращался

[1]) Grosse, 140.

[2]) Зиберъ, стр. 252.

къ королю, который передовалъ его другому. У санталовъ (въ сѣверной части верхней Индіи) во главѣ каждой деревни стоитъ старшина, который распредѣляетъ землю и слѣдитъ за ея воздѣлываніемъ. Онъ не пользуется никакимъ правомъ на лучшіе участки земли; какъ въ нашей общинѣ, каждый получаетъ свою долю и въ удобной, и въ дурной землѣ. У гуроновъ (въ Сѣв. Амер.) передѣлы повторяются черезъ каждые два года, и земля распредѣляется на совѣтѣ старшинъ, въ которомъ участвуютъ четыре женщины и одинъ мужчина.

Можно думать, что дѣленіе земли по жребію форма болѣе поздняя, нежели распредѣленіе участковъ по волѣ старѣйшины или совѣта: оно предполагаетъ уже отсутствіе тѣсной родовой связи между членами общины, и, вообще говоря, встрѣчается у некультурныхъ народовъ рѣдко. Потомъ эта система дѣлежа отмѣчена у бразилійскихъ индѣйцевъ, въ Пенджабѣ и въ другихъ немногихъ мѣстахъ.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ изъ общинной собственности мало-по-малу развивается индивидуальная. На основаніи собранныхъ Гроссе данныхъ мы можемъ отмѣтить этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ. Каждый городъ индѣйцевъ Пуэбло раздѣляется на племена или роды, и каждая изъ этихъ группъ носитъ названіе какого-нибудь звѣря, птицы, травы, дерева, планеты или одной изъ четырехъ стихій. Землей они владѣютъ сообща, видя въ ней общинную собственность; но если извѣстное лицо обработало участокъ земли отъ себя, самостоятельно, то оно пріобрѣтаетъ личное право на него и получаетъ право продать его любому изъ членовъ своего рода. Другимъ способомъ выдѣленія индивидуальной собственности изъ общинной служатъ торговля и промышленность, которыя обогащаютъ не весь родъ, а отдѣльное лицо, хотя все-же мы знаемъ немало случаевъ, когда членъ общины оказывается обязаннымъ отдавать весь свой заработокъ старшинѣ. Это, съ нашей точки зрѣнія, ненормальное явленіе сохранять свою закономѣрную силу только по традиціи; контроль доходовъ промышленника зачастую оказывается невозможнымъ, и вслѣдствіе этого лицо, эманципировавшееся отъ власти родовыхъ предразсудковъ, оказывается въ состояніи прикопить собственное богатство. Такимъ образомъ, по словамъ Гроссе [1]), у большинства низшихъ земледѣльческихъ народовъ существуетъ наряду съ общинной собственностью частное владѣніе благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, которое въ своемъ развитіи приводитъ, какъ мнѣ кажется, къ постепенному вымиранію общинной собственности [2]). Какъ

[1]) Стр. 136.

[2]) Развитіе того же процесса въ древней Индіи описано въ книгѣ Лейста: „Alt-arisches Jus Gentium“ (1889, стр. 419). При существованіи наслѣдственной общины“, говоритъ онъ на основаніи брахманической литературы: „все, что пріобрѣлъ отдѣльный членъ ея обычнымъ путемъ, принадлежитъ общинѣ; но то, что добыто съ помощью ученой дѣятельности (очевидно, болѣе поздняя привилегія брахмановъ) становится частной собственностью ученыхъ членовъ общины“ (Gautama, 28, 30, 31).

послѣднюю вспышку угасающаго пламени, отмѣтимъ переживаніе общинъ въ видѣ обычая сообща обрабатывать нѣкоторыя поля, обычая, сохранившагося въ Сѣверной Америкѣ у племени криковъ [1]).

Покончивъ съ вопросомъ о землепользованіи, коснемся другого, весьма важнаго вопроса о родовой власти у земледѣльческихъ народовъ. Какъ во главѣ кочевыхъ племенъ стоятъ вожди съ совѣтомъ родовыхъ старшинъ около себя, такъ точно бываетъ и здѣсь. Только отъ общины легче переходъ къ государству, и у земледѣльческихъ народовъ мы находимъ переходныя формы отъ простой общины къ цѣлому союзу этихъ послѣднихъ, политическому союзу съ верховной властью. Иногда во главѣ общины стоитъ старшина, значеніе котораго весьма слабо и всецѣло зависитъ отъ его личности.

Такъ, на Самоа отцы семействъ избираютъ изъ своей среды деревенскаго вождя; изъ числа ихъ потомъ выбирается старшина всей области. По описанію Тернера [2]), „здѣсь границы участка, принадлежащаго каждому семейству, точно опредѣлены, и лицо, признаваемое въ данное время главою семейства, имѣетъ право располагать имъ. То же самое примѣняется къ начальникамъ. Имъ принадлежатъ опредѣленные участки земли. Необработанныя пространства подчиняются праву тѣхъ, кто нанимаетъ землю по краямъ ихъ. Хотя право продажи земли и исполненіе другихъ важныхъ обязанностей, имѣющихъ отношеніе къ членамъ семейства, и совмѣщаются въ лицѣ главы семейства, но послѣдній ничего не можетъ предпринять безъ формальнаго совѣщанія съ остальными. Если бы онъ пожелалъ придерживаться противоположнаго образа дѣйствій, то у него отняли бы достоинство главы и передали бы другому. Итакъ, члены семейства могутъ лишить достоинства своего главу, а главы семействъ своего начальника, и отдать таковое брату, дядѣ или другому члену семейства, который, по ихъ убѣжденію, будетъ дѣйствовать въ большомъ согласіи съ ихъ желаніями. Эти сельскія общины, съ числомъ жителей отъ 200 до 500, считаютъ себя совершенно отдѣльными и независимыми отъ другихъ, свободными дѣйствовать на своей собственной землѣ и въ своихъ дѣлахъ. Сверхъ того, эти деревни соединяются съ общаго согласія въ одно цѣлое въ числѣ 8 или 10 и образуютъ округъ для взаимной защиты. Нѣсколько деревень извѣстны какъ главныя въ округѣ и, согласно древнему обычаю, самый высшій начальникъ живетъ въ одной изъ этихъ деревень въ качествѣ главы ея".

[1]) Post, стр. 336.

[2]) Зиберъ, стр. 269.

Иногда община не знаетъ никакого начальника и управляется лишь совѣтомъ лишь родовыхъ старшинъ. Этотъ строй существуетъ какъ въ Африкѣ (у племени кру), такъ и въ Америкѣ и въ Азіи. Интересную картину его представляетъ бытъ гуроновъ, итересную особенно потому, что мы видимъ здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ матріархатъ, форму жизни, довольно обычную у земледѣльческихъ племенъ и обязанную своимъ происхожденіемъ тому воззрѣнію первобытныхъ народовъ на земледѣліе, по которому оно является исключительной заботой женщины. Женщина, какъ первая изобрѣтательница хлѣбопашества, имѣетъ преимущественное право и на землю и на всѣ доходы съ нея, а у земледѣльческихъ племенъ и на все домашнее имущество. Я не буду останавливаться подробно на этомъ вопросѣ, которому Гроссе посвятилъ обстоятельно разсужденіе: моя задача освѣтить только примитивныя общинныя формы землевладѣнія и показать, какъ изъ общины развивается государство. Возвращаясь къ совѣту старшинъ, я укажу на устройство его у гуроновъ. Это племя состоитъ изъ двѣнадцати материнскихъ родовъ; въ составъ каждой деревенской общины входятъ представители различныхъ родовъ (подобное же явленіе извѣстно у никоборовъ). Земля, общее достояніе всего племени раздѣляется между родами на совѣтѣ племени, который составляютъ представители родовъ. Въ свою очередь, родовая область распредѣляется по участкамъ среди отдѣльныхъ семействъ, и это распредѣленіе принадлежитъ родовому совѣту, въ составъ котораго входятъ четыре наиболѣе чтимыя хозяйки домовъ, подъ предсѣдательствомъ мужчины. Это участіе женщинъ понятно, потому что на ихъ обязанности лежитъ воздѣлываніе сообща всѣхъ родовыхъ участковъ. У весьма многихъ племенъ Африки и Океаніи на ряду съ совѣтами функціонируютъ собранія всѣхъ членовъ общины.

Если у кочевыхъ земледѣльческихъ народовъ объединеніе совершалось искусственнымъ путемъ въ случаѣ необходимости общей защиты или подъ вліяніемъ особенно даровитой деспотической личности, то у племенъ земледѣльческихъ, перешедшихъ къ осѣдлому образу жизни, этотъ процессъ объединенія совершается легко и естественно. Государство просто выростаетъ изъ общины, и въ основѣ его образованія лежитъ своего рода національнне самосознаніе, совершенно чуждое народамъ охотничьимъ (въ родѣ ведда) и слишкомъ пассивное у вялыхъ номадовъ. Общинный бытъ такъ тѣсно связанъ съ государственнымъ строемъ, что у изслѣдователей (напримѣръ, Hildebrande'a) явилась мысль, что община насильственно организуется государственной властью; но всѣ данныя, на которыя ссылается Гильдебрандъ, поздняго времени (послѣ Карла Великаго), между тѣмъ какъ вышеприведенные факты относятся къ эпохамъ, когда о государствѣ не можетъ быть и рѣчи.

IV.

Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индо-германцевъ.

Отожествленіе культуры съ національностью, съ одной стороны, и смѣшеніе расы съ народомъ или національною группой, съ другой, привели къ цѣлому ряду гипотезъ, которыя не столько выяснили, сколько запутали древнѣйшую исторію Европы. Языкознаніе давно уже признало несостоятельность своихъ попытокъ дать полную картину индо-германской древности и обратилось, въ лицѣ О. Шрадера и М. Муха, за подтвержденіемъ къ матеріальной археологіи: какъ извѣстно, первый отожествилъ обще-индо-германскую культуру съ неолитическою эпохой, второй съ періодомъ мѣди, предшествовавшимъ бронзовому. Отлагая разборъ теорій обоихъ ученыхъ до другого времени, я ограничусь изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, безспорныхъ или очень вѣроятныхъ, для выясненія нѣсколькихъ хронологическихъ данныхъ о разселеніи индо-германскихъ народовъ. Употребляя слово народъ, я принимаю въ полной мѣрѣ замѣчаніе Штейнталя [1]) о томъ, что народъ представляетъ собою уже весьма сложный аггрегатъ; однако я вовсе не вижу надобности въ томъ, чтобы для образованія его были необходимы всевозможныя скрещенія, странствованія и т. под. процессы. По моему мнѣнію, говорить объ *одной* расѣ народа вполнѣ возможно, разъ дѣло идетъ о глубокой древности, и разъ за это стоятъ многочисленныя и вѣскія данныя, собранныя трудами антропологовъ. Насколько я могу судить, близко къ истинѣ старое мнѣніе Л. Гейгера, утверждавшаго, что индо-германскій пра-народъ (Ur-volk) былъ настоящимъ народомъ (ein wirkliches Volk) съ государственною организаціей (staatliche Organisation) и культурой, стоявшею выше уровня нѣкоторыхъ современныхъ внѣ-европейскихъ народовъ [2]). Къ такому же выводу, но инымъ путемъ пришелъ французскій лингвистъ, М. Бреаль. Правда, и онъ отказывается говорить о древности расы индо-германцевъ (chose difficile à concevoir et à comprendre), но онъ признаетъ большую древность за ихъ культурой. „Для того, чтобы грамматика и морфологическая система достигли та-

[1]) Bastian-Festgruss, 1896, стр. 52, „Dialect, Sprache, Volk, Staat, Rasse". Ein Volk ist nicht eine bloss naturmässig durch Ueberschuss der Geburten angewachsene Menschen-Heerde, sondern ein schliessliches Ergebniss mannigfacher Verbindungen, Wanderungen, Trennungen und neuer Vermischungen. Von einer Rasse eines Volkes ist demnach schwer zu reden.

[2]) L. Geiger, Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart. 1878. Ss. 122—123.

кой степени единства и стойкости (fixité), какую мы находимъ въ основѣ арійскихъ языковъ, необходима извѣстная непрерывность традиціи. Эта непрерывность предполагаетъ, если не литературу, то, по крайней мѣрѣ, передачу изъ поколѣнія въ поколѣніе формулъ, пѣсенъ и священныхъ текстовъ" [1]). Такимъ образомъ, утверждая à priori, что гипотетическій народъ стоялъ уже на извѣстной степени развитія, я думаю, что его распространеніе совершилось путемъ расхожденія племенами, а не отдѣльными группами и парами, путемъ колонизаціи, а не постепеннаго расширенія племенныхъ границъ. Возраженіе Пенки противъ мнѣнія, которое представляется мнѣ наиболѣе вѣрнымъ, сводится къ слѣдующему [2]): „будь правильна теорія выселенія, мы должны были бы ожидать найдти въ археологическихъ остаткахъ всѣхъ странъ, занятыхъ арійскими народами, остатки совершенно тожественной культуры, именно той культуры, которою обладалъ арійскій пра-народъ въ то время, когда онъ еще составлялъ одно цѣлое по языку и культурѣ". Но, во-первыхъ, культурное единство неолитической эпохи настолько велико, что даже такой обычай, какъ окрашиваніе костей въ красный цвѣтъ, былъ широко распространенъ чуть ли не по всей Европѣ (въ Кіевской, Подольской, Полтавской и другихъ южно-русскихъ губерніяхъ, въ Бельгіи, Франціи, Чехіи, Моравіи, Босніи и т. д. [3]), а, во-вторыхъ, разнообразіе культуры еще не говоритъ противъ возможности колонизаціи европейскихъ странъ отдѣльными индо-германскими племенами: связь могла быть порвана и въ томъ случаѣ, когда путемъ естественнаго распространенія племенныхъ границъ единство съ метрополіей было нарушено, а съ другой стороны она могла сохраниться и при условіи выселенія племени изъ метрополіи, и, какъ показываютъ данныя археологіи, она, дѣйствительно, сохранялась. Если въ палеолитическую эпоху, насколько мнѣ извѣстно, еще не общепризнано существованіе торговли, хотя множество странныхъ находокъ и количество найденныхъ издѣлій въ нѣкоторыхъ пещерахъ какъ бы указываютъ на нее (12.000 кремневыхъ орудій въ Thayngen'ѣ [4]), болѣе 1.200 въ пещерѣ Gudenus [5]), то въ эпоху неолитическую она стояла уже, несомнѣнно, на довольно высокой степени развитія [6]). Къ предметамъ этой торговли мнѣ придется вернуться ниже, теперь

---

[1]) M. Bréal, Essai de sémantique. Paris, 1897, p. 98—99.

[2]) K. Penka, Zur Paläoethnologie Mittel-und Süd-Europas. Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XXVII, стр. 25.

[3]) Нидерле, ibid., 163—164. Arcelin. Compte-rendu du III Congrès international des catoliques. 8 sect. Bruxelles. 1895, p. 68. Nadaillac, ibid., 95.

[4]) Л. Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена, С.-Пб., 1898, стр. 147—148.

[5]) Л. Нидерле, ibid., 44, 60.

[6]) M. Hoernes, Die Urgeschichte des Menschen, Wien, 1892, S. 207.

же только идетъ рѣчь о самомъ ея существованіи. За это говорятъ не только находки янтаря у Боденскаго озера или многочисленныя издѣлія изъ минераловъ, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ Азіи, но рѣдкихъ въ Европѣ (напримѣръ, изъ нефрита и хлоромеланита, при чемъ залежей послѣдняго въ Европѣ, кажется, еще не было найдено), и тому подобные факты [1]), но и настолько значительное сходство культурныхъ издѣлій, что въ настоящее время удается даже указывать пути торговли [2]). Кромѣ того, индо-германской лингвистикѣ неизвѣстно состояніе культуры, чуждой торговли [3]), хотя ея данныя не совпадаютъ съ данными археологіи: такъ, напримѣръ, въ то время, какъ археологія и исторія говорятъ о трехъ путяхъ доримскихъ торговыхъ сношеній юга съ сѣверомъ, лингвистика, не зная о нихъ, раскрываетъ четвертый путь съ запада на востокъ, о которомъ, въ свою очередь, не знаетъ ничего уже археологія [4]). Отсюда слѣдуетъ, что данныя археологіи не только не компетенты въ рѣшеніи вопроса о способѣ разселенія индо-германцевъ, но напротивъ указываютъ на глубокую древность культуры и культурныхъ сношеній, а этимъ самымъ даютъ все же больше вѣроятности мнѣнію, что въ эпоху расхожденія индо-германскій народъ достигъ такого развитія, что ему было уже доступно національное единство, и онъ могъ высылать, или могли выселяться колоніи. При этомъ, однако, вовсе не для чего, по-моему, думать, что эти колоніи уже развили значительныя діалектическія особенности; напротивъ, разселеніе, разумѣется, неодновременное, могло самымъ своимъ фактомъ положить начало образованію новыхъ языковъ, на которое требуется не мало времени, и которое могло совершиться уже на новой родинѣ племени и въ связи съ его внѣшними сношеніями съ чуждыми его расѣ обитателями колонизованныхъ мѣстъ. Переходя отъ этихъ гипотезъ, логическую возможность которыхъ мнѣ только и важно указать, къ фактамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, я замѣчу, что въ какой бы глубокой древности мы ни встрѣтили индогерманцевъ, мы всегда встрѣчаемся съ племеннымъ единствомъ и именемъ. Прочныхъ хронологическихъ данныхъ, какъ извѣстно, очень не много: данныя, которыя извлекаются изъ Веды, астрономическаго или историческаго характера [5]) вовсе не отличаются несомнѣнностью, а археологическія выкладки, сколько требовалось вре-

---

[1]) Горячо отстаиваетъ палеолитическую торговлю Марк. де-Надальякъ, „Moeurs et monuments des peuples préhistoriques", Paris, 1888, стр. 199. Въ Тайнгенѣ, въ итальянскихъ стоянкахъ, предшествовавшихъ террамарамъ, были найдены жемчужныя раковины изъ Индійскаго океана, въ южнофранцузскихъ пещерахъ арктическія раковины. Не мало примѣровъ и болѣе близкаго обмѣна. Множество примѣровъ приводитъ также O. Schrader, Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Jena. 1886, S. 65—66.

[2]) A. Götze. Ueber neolithischen Handel. Bastian-Festgruss. 1896. S. 339—353.

[3]) O. Schrader, loc. cit., 10, 66—67.

[4]) O. Scrader, loc. cit., 81.

[5]) Напримѣръ, завоеваніе Вавилона мидійцами въ 2458 году до Р. Х. Brunnhofer, Urgeschichte der Arier in Vorder-und Centralasien. Leipzig. 1893, I, 217.

мени на то или другое переселеніе, конечно, очень субъективны. Въ виду того, что египетскіе памятники упоминаютъ въ серединѣ XIII вѣка до Р. Х. о появленіи въ восточной части Египта среди другихъ племенъ и Aquaiwasa, отожествляемое съ гомеровскими ахейцами (Ἀχαιϝοί), Пенка предполагаетъ [1]), что начало еллинскаго движенія (Wanderungen) должно быть отнесено къ XIII вѣку [2]). Подобнымъ образомъ Гернесъ думаетъ, что греки познакомились съ желѣзомъ черезъ скиѳовъ еще въ то время, когда вмѣстѣ съ иллирійцами жили на сѣверѣ Балканскаго полуострова, обладая неразвитою бронзовою культурой; это время онъ относитъ къ XII вѣку до Р. Х. [3]). Кречмеръ, ученый вообще очень осторожный, признаетъ троянскую культуру фригійскою и на основаніи археологическихъ выкладокъ Дёрпфельда приходитъ къ выводу, что Троя была основана за 3 тысячелѣтія до Р. Х., и что къ тому же времени надо отнести переселеніе европейскихъ племенъ въ малую Азію [4]).

Таковы хронологическія опредѣленія, которыми переполнены сочиненія по археологіи. Можетъ быть, взятыя всѣ вмѣстѣ, сопоставленныя и провѣренныя по какому нибудь новому методу, они могли бы дать что нибудь положительное, но пока эта сизиѳова работа не сдѣлана, мнѣ представляется безопаснѣе обращаться къ фактамъ болѣе надежнаго характера. Въ этой области мы находимъ прежде всего чрезвычайно цѣнное хронологическое указаніе на приблизительную древность Ригъ-Веды въ египетской исторіи. Въ 17 столѣтіи до Р. Х. египетскій флотъ привезъ на родину обезьяну, іероглифическое названіе которой kafu не только совпадаетъ съ именемъ обезьяны kof, встрѣчающимся въ Библіи, но вмѣстѣ съ греч. κῆπος прямо сводится, къ санскритскому kapi. Земля, откуда Саломонъ доставалъ обезьянъ, называется Ophir. Это страна Abhîra на устьѣ Инда. Отсюда Веберъ заключалъ, что арійцы уже въ это время должны были жить на Индѣ, а Брунгоферъ [5]) развилъ его выводъ въ томъ смыслѣ, что къ этой порѣ сложеніе всѣхъ гимновъ Ригъ-Веды должно было завершиться: ни одинъ изъ 1.028 ея гимновъ не указываетъ даже

---

[1]) Penka, los. cit., 51.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 36) Пенка выражается еще рѣшительнѣе:... von den Hellenen, die, wie später gezeigt werden wird, im XIII Jahrh. v. Chr. aus dem östlichen Deutschland nach Griechenland gekommen sind.

[3]) Ausland, 1891, стр. 285.

[4]) Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen. 1896. S. 181. „Indem Dörpfeld die mykenische Periode in die zweite Hälfte des II Jahrtausends v. Chr. verlegt und für die 3—5 Schicht einen Zeitraum von mindestens fünf Jahrhunderten in Anspruch nimmt, gewinnt er als ungefähres Datum für den Untergang der 2 Stadt 2.000 v. Chr., für die Gründung der Stadt also das III Jahrtausend". Почему? Развѣ извѣстно, сколько времени прошло отъ основанія города до его разрушенія; всѣ эти вычисленія „самаго меньшаго" также носятъ совершенно субъективный характеръ.

[5]) Brunnhofer, loc. cit., 3, X. Дальнѣйшія хронологическія вычисленія его опять-таки совершенно гадательны.

приблизительно на знакомство съ устьями Инда. Этому же ученому удалось доказать присутствіе сильнаго иранскаго элемента въ Ригъ-Ведѣ и даже знакомство съ племенными названіями *персовъ* и *парѳянъ* (Prthuparçavah [1]). Такимъ образомъ древность образованія Ригъ-Веды и вмѣстѣ съ тѣмъ арійской культуры отодвигается очень далеко, но ужъ и въ это время мы видимъ національныя единицы, а не безпорядочныя выселенія. Къ тому же выводу насъ приводятъ и нѣкоторыя другія хронологическія указанія: къ XI вѣку до Р. Х. относятся выселенія сикуловъ въ Сицилію [2]), къ 1147 г. дорійское нашествіе; наконецъ не позже VII вѣка армяне появляются около озера Ванъ, какъ объ этомъ можно судить по армянскимъ именамъ на персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ [3]), въ томъ же вѣкѣ Кіаксаръ (634—594 или 625—585) подчиняетъ армянъ мидійскому царству [4]); къ болѣе раннему времени слѣдуетъ отнести поселенія армянъ на рѣкѣ Галисѣ, которая носитъ даже армянское названіе (ali—соленый).

Откуда же вышли народы, говорившіе въ историческое время на родственныхъ индо-германскихъ языкахъ? Географическое положеніе ѳракійцевъ и иллирійцевъ указываетъ на то, что первые появились на югѣ уже послѣ грековъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы двинуться на югъ Балканскаго полуострова, они двинулись на востокъ и хлынули цѣлымъ рядомъ племенъ за море, на малоазіатскій берегъ (фригійцы, мизы и т. д. [5]). Что касается иллирійцевъ, то они занимаютъ западный берегъ Балканскаго полуострова, а на сѣверо-западѣ его иллирійскіе венеты соприкасаются съ кельтскимъ населеніемъ, жившимъ здѣсь издревле подъ властью этрусковъ, занимавшихъ города [6]). Это можно объяснить тѣмъ, что въ своемъ стремленіи на западъ иллирійцы были задержаны уже сидѣвшими въ долинахъ По и Эча кельтами. Продолжая далѣе въ томъ же направленіи, мы находимъ, что кельтскія племена тянутся длинною цѣпью къ югу отъ Альпъ: къ сѣверу отъ иллирійцевъ ардіэйевъ (въ нынѣшней Герцеговинѣ) были расположены яподы, народъ „одновременно кельтскій и иллирійскій“; къ сѣверу отъ нихъ, на верхней Савѣ, Latavici (Птолем. II, 15, 2), съ именемъ которыхъ можно сравнить гальскій эпитетъ Марса (litavis [7]); къ западу отъ этого племени, въ теперешней Крайнѣ, жили Carni, а къ сѣверу на верхней Дравѣ и на Мурѣ (въ Каринтіи), а также на Энсѣ и Зальцбахѣ до Дуная—Norici и Tau-

[1]) Brunnhofer, loc. cit., I, 37.

[2]) Penka, loc. cit., 30.

[3]) Tomaschek, Die alten Thraker, I, Wien, 1893.

[4]) H. Hübschmann, Armenische Grammatik, I Theil, Leipzig, 1895, S. 9.

[5]) Kretschmer, loc. cit., 181.

[6]) Bertrand et S. Reinach, Les Celtes dans les vallées du Pô et du Danube, Paris, 1894, p. 46.

[7]) Stokes u. Bezzenberger, Wortschatz der Keltischen Spracheinheit, Göttingen, 1894, S. 249.

riscі. Это—цѣлая вереница племенъ, стремящихся на югъ, но онъ былъ уже занятъ италійцами, которые еще очень нескоро добрались до юга Апенинскаго полуострова, занятаго греками и иллирійскими высельниками съ Балканскаго полустрова. Что касается германцевъ, то, вообще говоря, они жили сѣвернѣе и западнѣе кельтовъ, отъ которыхъ они получили названіе Рейна еще въ то время когда кельтское ei не переходило въ e, и съ которыми они уже въ очень древнюю пору находились въ культурныхъ сношеніяхъ [1]). Въ недавнее время указано на то, что древнѣйшее названіе Дуная, Истръ, тожественно съ постояннымъ кельтскимъ названіемъ рѣкъ: Isara и Iser. Одну изъ такихъ рѣкъ, Iser, притокъ Эльбы, мы находимъ и въ предѣлахъ нынѣшней Чехіи [2]), а городъ Брюннъ еще во времена Птолэмея носилъ кельтское названіе Eburodunum. Здѣсь то, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ искать древнѣйшія мѣстожительства кельтовъ. Заключеніе Жюбенвиля, что „древнѣйшее мѣстожительство кельтскаго племени находилось къ западу отъ средняго Рейна, въ бассейнѣ р. Майна и на берегахъ верхняго Дуная, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, королевствахъ Виртембергскомъ и Баварскомъ“ [3]), нужно расширить въ томъ смыслѣ, что сюда же входили Чехія и Моравія. Однимъ словомъ, мы подвигаемся къ Карпатамъ, какъ къ центру, около котораго были расположены ѳракійцы и славяне въ историческую пору. По отношенію къ грекамъ, германцамъ, италійцамъ и кельтамъ, мнѣ кажется, указалъ на настоящее положеніе вещей уже Гиртъ [4]). „Если языкознаніе“, говоритъ онъ; „утверждаетъ, относительно болѣе тѣсной связи четырехъ этихъ народовъ, то это явленіе вполнѣ опирается на историко-географическіе факты. Древнѣйшія обиталища ихъ простираются отъ Остзее [5]) черезъ Чехію на югъ, ихъ *центръ* лежитъ несомнѣнно на западномъ склонѣ Карпатъ; чисто механически можно принять за центръ Вѣну. Къ сѣверу отъ нея живутъ германцы, къ западу кельты, къ юго-востоку и юго-западу греки и италійцы“. Откуда же должна была выйдти эта народная масса? По моему мнѣнію, отвѣтъ одинъ: оттуда, откуда впослѣдствіи, какъ это замѣчаетъ и самъ Гиртъ (стр. 658), распространилось подобное же народное движеніе, то-есть, съ Карпатъ. Къ востоку отъ Карпатъ Гиртъ находитъ прародину иллирійцевъ, позже врѣзавшихся между греками, италійцами и кельтами, ѳракійцевъ, литовцевъ и славянъ. Итакъ, гдѣ же центръ выселенія индо-германскихъ племенъ? Западно-индо-герман-

---

[1]) D'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe, т. 2, изд. 2.

[2]) Rich. Much, Indogermanische Forschungen, 1898, т. VIII.

[3]) Jubainville, loc, cit., 278.

[4]) Hettners Geographische Zeitschrift, I (1895), S. 657.

[5]) Относительно этого Остзее позволю себѣ усомниться.

скіе народы расположены на западномъ склонѣ Карпатъ, восточные на ихъ восточномъ склонѣ. Всего естественнѣе предположить, что Карпаты и служатъ такимъ центромъ. Какъ извѣстно, въ горахъ легче всего сохраняется и складывается индивидуальность племени. Однако, увлеченіе теоріями Пенки заставляетъ Гирта искать эту пра-родину гораздо сѣвернѣе Карпатъ [1]), потому что индо-германцы, по его мнѣнію, не знали бука. Но, во-первыхъ, даже становясь на точку зрѣнія Пенки относительно условій образованія такъ называемаго германскаго типа, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ типъ могъ бы развиться и въ Карпатахъ. Если для этого нужны глетчеры [2]), то самъ же Пенка допускаетъ, что въ дилювіальную эпоху глетчеры были и на Карпатахъ. Во-вторыхъ, слово букъ, вѣроятно, родственно русскому бузина (рядомъ бъзъ, серб. баз). Не особенно вѣроятны и другія этимологіи, которымъ Гиртъ придаетъ большое значеніе, какъ постоянно въ области лингвистической археологіи субъективизмъ рѣшаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ, что надо считать позднѣйшимъ заимствованіемъ, и что слѣдуетъ отнести къ словарю первобытнаго сожительства. Изучая корень *mer*, *mr* (со значеніемъ море), Гиртъ приходитъ къ выводу, что индогерманцы должны были знать море. Между тѣмъ и въ финскомъ языкѣ мы находимъ названіе море (meri). Конечно, его признаютъ заимствованіемъ позднѣйшимъ [3]): и дѣйствительно финны сравнительно поздно (около VIII в. по Р. Х.) добрались до Балтійскаго моря. Но вѣдь они же знали соль (сл. общеф.), которую называли такъ же, какъ индо-германцы. Нѣтъ ничего невозможнаго, что и финны, и индо-германцы познакомились и съ моремъ, и съ солью путемъ торговыхъ сношеній, которыя можно считать доказанными уже для неолитической эпохи. Чтобы иллюстрировать господствующій въ лингвистикѣ произволъ, приведу еще одинъ примѣръ: датск. *fil* (слонъ), несомнѣнно, родственно санскр. *pîlu* [4]); оно считается заимствованіемъ изъ Индіи черезъ Россію (перс. *pil*, алб. *pilji*). Отчего же въ такомъ случаѣ изъ сходства др.-в.-нѣм. *mardar*, др.-сѣв. *mördr* съ лат. *martes* тотъ же Шрадеръ [5]) (стр. 56) заключаетъ, что куница является „общеевропейскимъ пушнымъ звѣремъ“. Вѣдь самъ же Шрадеръ утверждаетъ, что „только путемъ торговли и постепенно дорогіе мѣха сѣверныхъ странъ стали извѣстны на югѣ“. Подобнымъ образомъ гот. *aúhsans* (быкъ) сопоставляется съ др.-инд. *ukšánas* и ново-кимр. *ychen* [6]), лат. *ensis* (мечъ) съ др.-инд. *asis* и т. д. Интересно, какое упорное сопротивленіе среди ученыхъ встрѣтило предположеніе Паули о знакомствѣ индо-гер-

[1]) Уже въ статьѣ, помѣщенной въ Indogermanische Forschungen, т. 1.

[2]) Penka, Ausland, 181, стр. 174 (гдѣ не могли возникнуть арійцы).

[3]) Schrader, Lingu.-Histor., 53.

[4]) Schrader, loc. cit., 27—28.

[5]) Впослѣдствіи онъ присоединилъ сюда еще лит. marti (невѣстка). Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere, 6 изд., Berlin, 1894, S. 588.

[6]) Brugmann, Grundriss d. vergleich. Gramm., I т., изд., § 402,2.

манцевъ со львомъ. Казалось, что при такомъ предположеніи придется опять возвращаться къ теоріи азіатской родины, хотя самъ Паули и замѣчалъ, что левъ водился въ древнѣйшія времена и въ Европѣ. Обходя важное замѣчаніе Паули, что названіе льва восходитъ къ корневому періоду индо-германскихъ языковъ [1]), критика обратила свое вниманіе на обиліе основъ въ этомъ словѣ, на что именно и указывалъ Паули. Въ цѣломъ рядѣ несомнѣнно индо-германскихъ словъ мы находимъ по нѣскольку основъ (напримѣръ, солнце: *sol*, **sāvelio*: лит. *saule*, гр. ἡέλιος; другіе корни: *su*, *sar*, **sû-r*, **sv-ar* [2]). Такъ и въ словѣ левъ мы находимъ рядъ корней, которые нельзя свести одни къ другому, но нельзя также объяснять заимствованіемъ изъ семитскаго языка [3]). Однимъ словомъ, индо-германцы могли знать льва; это предположеніе подкрѣпляется равнозначительною этимологіей: арм. *inj* (леопардъ) сопоставляется съ др. инд. *sihas* (левъ [4]); какъ уже было сказано, армяне—ἄποικοι фригійцевъ, выходцы изъ Ѳракіи, а во Ѳракіи-то и водились львы еще въ историческую эпоху. Допуская, что родиной индо-германцевъ были Карпаты, мы поймемъ, почему они знали льва.

Какъ же объяснить появленіе нашихъ предковъ въ Карпатахъ. Я думаю, что за разрѣшеніемъ этого вопроса надо обратиться къ антропологіи. Какъ извѣстно, Вирховъ относится очень скептически, какъ къ измѣренію череповъ, такъ и къ возстановленію германскаго свѣтловолосаго и глубоглазаго долихоцефальнаго типа [5]). Однако, мнѣ кажется, изслѣдованія такъ называемой антропосоціологической школы указавшей на то, что городское населеніе долихоцефальнѣе сельскаго, и что эмигрируютъ по преимуществу долихоцефалы [6]), говорятъ противъ скепсиса Вирхова въ вопросѣ о значеніи длины черепа. Что же касается чистоты типа индо-германцевъ, что за это говорятъ слѣдующіе факты: 1) существованіе вполнѣ чистыхъ расъ (долихоцефальныхъ—на рѣкѣ Пслѣ, въ губерніи Подольской, Минской, Полтавской и т. д. [7]), 2) колебанія въ пользу брахицефаліи въ долихоцефальномъ населеніи въ пользу женскихъ череповъ, что объясняется экзогаміей [8]), 3) переходъ долихоцефальнаго населенія въ брахицефальное по мѣрѣ приближенія на югъ ка Балканскимъ и Алпійскимъ горамъ [9]), и обратно: переходъ брахицефальнаго населенія въ долихоцефальное германскаго типа по мѣрѣ приближенія на востокъ къ

---

[1]) C. Pauli, Die Benennung des Löwen. München, 1873, S. 20.

[2]) O. Shrader, Sprachforschung und Urgeschichte, 2 изд., 1890, стр. 599.

[3]) O. Schrader, ibid., 362—363.

[4]) Brugmann, loc. cit., I², 581.

[5]) Bastian-Festgruss, S. 16.

[6]) O. Ammon, Revue internationale de Sociologie. Mars. 1898, p. 170—171.

[7]) A. Bogdanoff, Congrès internatonal. XI section à Moscou. 1892, t. I, прил., p. 20.

[8]) A. Bogdanoff, loc. cit., 15.

[9]) Нидерле, loc. cit., 188.

Карпатамъ, различіе, которое бросалось въ глаза уже грекамъ, дѣлившимъ кельтское племя на кельтовъ около Массаліи на Альпахъ и къ сѣверу отъ Пиренеевъ, и на галатовъ у сѣвернаго океана, въ Герцинскомъ лѣсѣ и до скиѳскихъ земель (Посидоній у Діодара, V, 32). Наконецъ, по изображеніямъ и описаніямъ древнихъ историковъ можно судить о замѣчательномъ, невѣдомомъ теперь однообразіи типовъ германскаго, славянскаго, скиѳскаго и т. д. Важное возраженіе Вирхова противъ единства индо-германскаго типа, заключающееся въ томъ, что индѣйцы приняты въ семью индо-европейскихъ народовъ не за свои физическія свойства, но только благодаря своему языку, устраняется, если оно только справедливо, замѣчаніемъ извѣстнаго краніолога Кольмана, что въ типѣ индійца изъ Пенджаба и примыкающихъ къ нему съ сѣверо-запада странъ замѣчается полное сходство съ типомъ южныхъ европейцевъ [1]): другими словами, одинаковыя условія, географическія и антропологическія, въ которыхъ очутились племена индо-германцевъ на западѣ Европы и въ Азіи, дали одинаковые результаты. Въ то время, какъ, подвигаясь въ неолитическую эпоху на западъ и на сѣверъ, мы находимъ рядомъ съ долихоцефалами смѣшанные или брахицефальные типы (за исключеніемъ Чехіи, Венгріи и Польши [2]), идя на востокъ, антропологъ констатируетъ поразительную чистоту типа. Это явленіе можно объяснить, какъ мнѣ кажется, только тѣмъ, что финны принадлежали антропологически къ тому же типу, что и индо-германцы. Интересно, что геродотовскіе будины, которые, какъ Томашекъ доказалъ по личному географическому названію будинскаго καρίσιος, принадлежали къ сѣверной группѣ финскаго племени [3]), были именно ἔθνος γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς καὶ πυῤῥόν. При всемъ разнообразіи объясненій, которое давалось словамъ γλαυκόν и πυῤῥόν, я предпочитаю толкованіе свѣтлоглазый и рыжеволосый, такъ какъ эти признаки встрѣчаются чаще всего вмѣстѣ, а зыряне и вотяки, какъ указываетъ Томашекъ, обладаютъ ими и теперь. Замѣчаніе Ѳ. Мищенки, что совершенно такими же, какими описываетъ будиновъ Геродотъ, китайскіе источники изображаютъ первобытныхъ киргизовъ [4]), не можетъ опровергнуть такое предположеніе, потому что раса и національность, какъ извѣстно, несовпадаютъ. Что касается возраженій антропологовъ, то

---

[1]) C'est le type dolichocéphale leptorhinien, ortognathe; la taille est haute, la figure étroite et allongée. Kolmann. Congrès... à Moscou, p. 257—258. Также два типа въ средней Азіи нашелъ и Ujfalvy, S. Reinach, L'origine des Aryens, Paris, 1892, p. 83.

[2]) Нидерле, ibid., 183.

[3]) Καρίσιος — перм. kar (городъ), karys, karysjók (городокъ). W. Tomaschek. Sitzungsber. d. Wien. Acad. d. Wissenschaften. Histor.-philol. Klasse. B. 17 (1889).

[4]) Ѳ. Мищенко, „Извѣстія Геродота о внѣскиѳскихъ земляхъ Россіи". Читано въ засѣданіи X археологическаго съѣзда въ Ригѣ, 5-го авг. 1896, стр. 114. См. также статью Н. А. Аристова, въ Живой Старинѣ, за 1896 г., стр. 322—323.

Пёше утверждаетъ, что финны и туркмены, среди которыхъ много блондиновъ, смѣшанные народы (Mischvölker [1]). Однако онъ самъ противорѣчитъ себѣ, утверждая въ другомъ мѣстѣ (стр. 63), что „современная физіологія доказала, что каждый видъ навсегда (für immer) сохраняетъ слѣды условій, при которыхъ онъ возникъ". Пенка склоняется къ тому же выводу, что и Пёше, доказывая на основаніи языка [2]) долговременное сожитіе арійцевъ и финновъ въ одной странѣ [3]). Однако другая часть ученыхъ безъ колебанія признаетъ расовое единство финновъ и индо-германцевъ: это—прежде всего Богдановъ.

Если принять указанное единство расъ, то нужно думать, что или языки ихъ произошли отъ одного предка, или явились позднѣйшими культурными изобрѣтеніями, или финны, resp. индо-германцы перемѣнили впослѣдствіи свой языкъ. Наиболѣе вѣроятнымъ изъ этихъ трехъ предположеній является, по моему мнѣнію, первое, опирающееся на грамматическую и лингвистическую близость индо-германскихъ и финскихъ языковъ. Въ виду этого я склоненъ думать, что индо-германское племя образовалось изъ какого нибудь арійскаго племени, подразумѣвая подъ этимъ длинноголовый и свѣтловолосый типъ, племени, которое въ своемъ распространеніи на западъ останавилось въ Карпатахъ, а потомъ разселилось въ разныя стороны, какъ уже указано выше. Что же надо подразумѣвать подъ культурой индо-германцевъ, на возстановленіе которой было столько потрачено трудовъ лингвистами, юристами (напримѣръ, Лейстомъ и Іерингомъ) и миѳологами (Шварцемъ, Куномъ, Реньо и т. п.)? Методъ, при помощи котораго лингвисты возстановляютъ культуру еще не разселеннаго индо-германскаго племени, а въ данномъ случаѣ на сторонѣ лингвистовъ перевѣсъ, потому что самое представленіе о культурѣ индо-германцевъ возникло въ области языкознанія,—методъ этотъ имѣетъ очень значительные недостатки: во-первыхъ, иногда одно и то же слово можетъ объясниться на разные лады, во-вторыхъ, существованіе слова въ нѣсколькихъ отдаленныхъ или даже во всѣхъ нарѣчіяхъ еще не говоритъ за исконность его въ пра-языкѣ. Въ примѣръ перваго я приведу кельтское названіе Ирландіи, Erin, которое Кречмеръ [4]) сопоставляетъ съ авест. airyana'Αριᾶνή, а Рейнакъ съ гр. областью Піеріей [5]). Что касается второго, то, не говоря уже о словѣ котъ, рас-

[1]) Th. Poesche, Die Arier, Jena, 1878, S. 41. Такъ же думаетъ Гейгеръ, loc. cit., 120.

[2]) Между прочимъ, такихъ сопоставленій, какъ морд. шандал (подсвѣчникъ)—лат. candela.

[3]) K. Penka, Origines Ariacae, Wien, 1883, S. 68. По теоріи Катрфажа: „Les têtes allongées dominent, depuis le IV siècle environ avant Jésus-Christ, sur le Danube, dans l'Allemagne du nord et la Scandinavie; à ce type appartiennent les Hellènes, les Persans et les Hindous des cestes supérieures". S. Reinach, loc. cit., 100.

[4]) Kretschmer, loc. cit., 131.

[5]) Erin изъ *Piverion. S. Reinach, loc. cit., 5.

пространившемся у всѣхъ европейскихъ народовъ сравнительно поздно, такъ какъ первое надежное упоминаніе о домашней кошкѣ относится къ в. VI по Р. Х. [1]), хотя уже у римлянъ была полудикая кошка [2]), достаточно привести въ видѣ аналогіи названіе картофеля, извѣстное у очень многихъ народовъ. Еслибы слѣды ознакомленія Европы съ этимъ растеніемъ затерялись, то черезъ большой промежутокъ времени его можно было путемъ лингвистики возводить къ „индо-германской" эпохѣ. Въ области древнѣйшей исторіи мы постоянно встрѣчаемся именно съ этимъ явленіемъ. Другой фактъ, на который нелишнее указать, заключается въ томъ, что изъ цѣлаго ряда синонимовъ переживаетъ въ разныхъ языкахъ тотъ или другой, вслѣдствіе чего получается такой видъ, какъ будто предметъ, обозначаемый различными именами, былъ извѣстенъ въ глубокой древности; а между тѣмъ синонимы мы находимъ, кажется, во всякаго рода понятіяхъ, даже въ названіяхъ солнца и луны [3]). Такимъ образомъ, словарь возстановляемаго пра-языка оказывается исполненнымъ противорѣчія: съ одной стороны, сличая названія родства, приходится согласиться съ Б. Дельбрюкомъ, что индо-германцы знали экзогамическій бракъ, такъ какъ общими являются только названія родства по мужу (свекръ, снъха, свекры, дѣверь, зълъва, ѥтры [4]). Съ другой стороны сопоставленіе славянскаго шуринъ съ древне-инд. syāla, сдѣланное недавно и принятое Бругманомъ въ своей Grundriss, указываетъ на совершенно противоположный фактъ. Другой примѣръ мы находимъ въ названіи дома: рядомъ со словами, указывающими на довольно сложное строеніе (порогъ, дверь) такія сопоставленія, какъ греческое γύπα (ἡ κατὰ γῆν οἴκησις)=древне-восточное kofi (хижина [5]) и т. д. или греческое καλία (хижина)—древне-инд. kulajam, германское hulundi (пещера), говоритъ за то, что въ эпоху разселенія индо-германскихъ народовъ жилищами служили еще пещеры.

Для того, чтобы убѣдиться въ значеніи лингвистическихъ данныхъ, нужно было бы провѣрить ихъ при помощи чего либо болѣе достовѣрнаго. Но гдѣ найти его? Провѣрка лингвистики на самой же лингвистикѣ, которую предлагаетъ Кречмеръ, носитъ очень сомнительный характеръ. Блестящее на видъ сопоставленіе его [6]) существующаго древне-инд. rāj (латинское rēx, кельтск. rīx и т. д.) съ глагольнымъ корнемъ *reg, который имѣетъ значеніе: править лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть слово *rēk-s (правитель), теряетъ

[1]) O. Schrader y Hehn, 6 изд., стр. 457.

[2]) Ed. Hähn, Die Hausthiere. Leipzig, 1896, стр. 244.

[3]) Brugmann, I, § 456, алб. hane=др. инд. candrá (мѣсяцъ) и § 473 5: арм. arev=др. инд. ravis (солнце) рядомъ съ общеизвѣстными *съльнце и мѣсѧць.

[4]) B. Delbrück, Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen, Leipzig. 1889, Ss. 156—157.

[5]) Schrader, Sprachvergl. и Urgesch., 493.

[6]) Kretschmer. loc. cit., 126.

свою доказательность, если мы обратимся къ другимъ примѣрамъ. Возьмемъ хотя бы слово a g e r (поле), которое связано съ глаголомъ a g e r e (гнать), а въ санскритскомъ языкѣ и прямо значитъ выгонъ (a j r ā). Казалось бы по теоріи Кречмера, слово a g e r должно было бы существовать въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть глаголь a g e r e. На самомъ дѣлѣ это не такъ: ни въ армянскомъ, ни въ кельтскомъ языкахъ его нѣтъ, а глаголъ *a g —есть (арм. a c e m. дрпр. a g a t) [1]); съ другой стороны, въ др.-сѣверн. глаголъ *a g пріобрѣлъ значеніе ѣ х а т ь (a k a), а въ другихъ германскихъ языкахъ его и вовсе нѣтъ. Какъ ни близокъ переходъ значенія отъ г н а т ь къ ѣ х а т ь, Кречмеръ, не допускающій перехода значенія отъ н а п р а в л я т ь къ у п р а в л я т ь, не долженъ бы и соединять непосредственно a c k e r съ a k a.

Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, лингвистика должна искать критерія на сторонѣ. Гдѣ же именно? Какъ извѣстно, Ригведа ставитъ необыкновенно высоко цѣну мѣднаго сосуда сравнительно съ каменными издѣліями [2]); между тѣмъ ко времени сочиненія Шатапатха-Брахманы (между 800—1000 г.г. до Р. Х.) индусы уже хорошо знали мѣдь, блестящую, какъ золото [3]). Не указываетъ ли этотъ фактъ на то, что при отдѣленіи отъ гнѣзда индо-германцевъ арійцы еще не вышли или развѣ еще едва вышли изъ неолитической культуры. Что это не была культура палеолита, явствуетъ изъ предполагаемой Пенкой, Тэйлоромъ и т. д. чистоты „а р і й с к а г о“ типа, а также изъ того, что палеотическое населеніе распространилось, вѣроятно, не племенами, тогда какъ среди индо-германцевъ мы постоянно встрѣчаемся съ племенами. Между тѣмъ въ неолетическую эпоху по всей Европѣ и во всѣхъ частяхъ Азіи, гдѣ могли тогда жить арійцы, были распространены извѣстныя растенія, которыя, стало быть, должны бы быть знакомы всѣмъ племенамъ, но названія которыхъ различны. Прежде всего, это пшеница извѣстная въ Европѣ съ неолетической эпохи, и притомъ уже въ сравнительно развитой формѣ, какъ и ячмень, и просо [4]). Названія этихъ злаковъ, какъ извѣстно, очень расходятся въ индо-германскихъ языкахъ: за исключеніемъ ζειά—древне-инд. y a v a s и еще нѣсколькихъ сомнительныхъ или неважныхъ этимологій [5]), мы не находимъ ничего достовѣрно говорящаго въ пользу знакомства индо-германцевъ съ просомъ, ячменемъ и пшеницей. Сказанное объ этихъ растеніяхъ въ полной мѣрѣ примѣнимо къ орѣху: по заключенію Бушана (i b i d., 104—105), онъ былъ излюбленнымъ лакомствомъ населенія свайныхъ построекъ. Орѣхъ встрѣчается уже въ культурныхъ находкахъ палеолитической эпохи около Карпатъ (въ Ганочѣ) и принадлежитъ къ исконнымъ растеніямъ сѣверной флоры. Однимъ словомъ, наши предки непремѣн-

[1]) B r u g m a n, loc. cit., 175.
[2]) Гр. У в а р о в ъ, Археологія Россіи, I, 92.
[3]) B r u n n h o f e r, loc. cit., II, 104 - 105.
[4]) B u s c h a n, Vorgeschichtliche Botanik, Breslau, 1895, S. 32.
[5]) S c h r a d e r. ibid., 411.

но должны были знать орѣхъ. Между тѣмъ общее названіе его встрѣчается лишь у кельтовъ и германцевъ (др. ир. cnú, др. сѣв. hnot) у кельтовъ, германцевъ и италійцевъ (лат. corylus, ир. coll, др. в.-нѣм. hasal [1]) и, можетъ быть, у грековъ, иллирійцевъ и славянъ (греч. ἄρυα алб. are, сл. орѣхъ [2]). Чтобы не нагромождать примѣровъ, достаточно сказать, что то же наблюдается по отношенію къ маку, къ черешнѣ, извѣстной въ Даніи и Чехіи уже въ палеолитическій періодъ [3]), и цѣлому ряду другихъ растеній, въ родѣ бузины, боярышника, сливы и т. д. Съ другой стороны, передъ нами слѣдующій интересный фактъ: яблоко, какъ доказано Бушаномъ, относится по времени своего распространенія къ древнѣйшимъ исконнымъ растеніямъ всей умѣренной полосы Европы, и это подтверждается,—по крайней мѣрѣ, подтверждается съ обычной точки зрѣнія—существованіемъ обще-финскаго названія яблока. Однако это послѣднее было дикимъ: вотъ почему культурное яблоко вытѣснило по имени старое дикое. Какъ и всегда, мы видимъ, что культурное пріобрѣтеніе переходитъ отъ народа къ народу со своимъ названіемъ: слово рожь, означающее растеніе болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ ячмень, просо или пшеница, распространено по всей сѣверной группѣ индо-германскихъ языковъ и среди финновъ. То же случилось съ черешней, грушей и т. д. Далѣе, мы видимъ, что горохъ въ неолитическую эпоху былъ, вѣроятно, распространенъ очень мало (*Buschan*, 200): его родину относятъ (ibid., 202) къ нижне-дунайскимъ странамъ и полосѣ, которая тянется отъ нихъ до юга Кавказа. Общія названія для гороха (*Hehn* [6], 215) частичны и опять-таки указываютъ на культурныя сношенія [4]). Разумѣется, находки еще не говорятъ за то, насколько было распространено растеніе: такъ, чечевица, составлявшая главную пищу бѣднаго населенія въ Египтѣ, найдена въ одной только могилѣ. Въ области гипотезъ только взаимной скрѣпкою матеріала можно выстроить домъ, который не разлетится при первомъ дуновеніи вѣтерка. Но вотъ что можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на слабость лингвистическихъ данныхъ, на то, какъ въ цѣлой группѣ языковъ можетъ быть забыто слово. Греческіе и римскіе писатели [5]) употребляютъ для обозначенія иберійскаго льна слово karbasos, которое сравниваютъ съ санскритскимъ karpasam (перс. kirbas или korfas). Это иберійское слово могло попасть къ иберійцамъ только путемъ сношеній съ индо-германцами, въ словарѣ которыхъ было, значитъ, слово, походившее на санскритское.

Все, что до сихъ поръ сказано о растеніяхъ, примѣнимо и къ другимъ культурнымъ предметамъ, начиная съ огня, два названія ко-

---

[1]) F. Kluge, Etym. Wörterb. d. deutsch. Sprache, 5 изд., стр. 157.

[2]) Schrader у Hehn'a. стр. 390.

[3]) Buschan, loc. cit., 181.

[4]) Чечевица и бобъ извѣстны уже въ неолитическую эпоху. Buschan, 205–209.

[5]) Buschan, loc. cit., 238.

тораго отмѣчены Кречмеромъ, и кончая домашними животными и украшеніями. Уже въ древнѣйшую эпоху наши предки знали охоту и украшенія, но ни слово ловъ [1]), ни слово монисто [2]) не извѣстны арійской группѣ индо-германскихъ языковъ. По отсутствію общаго названія нельзя заключить о незнакомствѣ съ предметомъ; изъ присутствія его можно заключить только о культурныхъ сношеніяхъ народовъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, надо въ значительной степени отказаться отъ надежды возстановлять культуру единаго пранарода. Дѣло въ томъ, что, едва мы соприкоснемся съ фактами, мы встрѣчаемся не съ этимъ гипотетическимъ пра-народомъ, а съ народами, уже смѣшанными въ расовомъ отношеніи; другими словами, слившимися съ племенами, у которыхъ была уже культура, былъ уже языкъ съ собственнымъ обозначеніемъ предметовъ и явленій. Значитъ, эти племена или отдѣльныя лица, входя въ составъ какого нибудь индо-германскаго народа, привносили въ него собственное словарное и культурное добро, мутили первобытную чистоту индо-германскаго словаря. Культура индо-германскихъ народовъ еще долго оставалась почти однородною, но отличить, что въ ней новаго и что исконнаго, я думаю, возможно только въ единичныхъ случаяхъ. Сличая показанія древнихъ писателей, мы находимъ, что бытъ кельтовъ, ѳракійцевъ, иллирійцевъ и другихъ народовъ средней Европы очень близокъ: они знаютъ общину, питаются тѣми же растеніями, пьютъ то же пиво. Разумѣется, мѣстами встрѣчаются частности, но общій фонъ тотъ же. А между тѣмъ численность этихъ народовъ была очень велика. Геродотъ утверждаетъ, что обычаи у всѣхъ ѳракійцевъ совершенно одинаковые, хотя они и распадаются на множество племенъ (V, 3). По мнѣнію Геродота, ѳракійцы уступали численностью только индійцамъ, по словамъ Павзанія, только кельтамъ. И дѣйствительно, ѳракійцевъ было очень много: во вторую половину V вѣка до Х. Р. одризскій царь Ситалкъ могъ выставить 150 тысячное войско, состоявшее въ одной трети изъ кавалеріи; даки при Буривистѣ имѣли 200 тысячъ воиновъ; по словамъ Страбона, ѳракійцы, жившіе къ югу отъ Дуная и раздѣлявшіеся на 22 племени, могли выставить тоже около 200.000 солдатъ [3]). Въ 310 г. у ѳракійскаго (вѣроятно, гетскаго) князя Аріаферна было 40.000 воиновъ [4]). Что касается кельтовъ, то число ихъ также очень велико: въ гальскомъ движеніи на Грецію участвовало, по опредѣленіямъ различныхъ древнихъ историковъ, не менѣе 160 и не болѣе 400 тысячъ чел. Часть племени боевъ, уцѣлѣвшая отъ столкновенія съ царемъ Буривистомъ, насчитывала 32.000 чел.

Однако въ индо-германскихъ языкахъ есть очень много словъ, родственныхъ по корнямъ, словъ, которыя нельзя свести къ одному.

---

[1]) Гот. laun: гр. ἀπολαύω, лат. luçrum, др. ир. lōg, сл. ловъ. Brugmann [2], I, § 490.

[2]) Пр. muince: лат. monile, др.-в.-нѣм. menni, сл. монисто. Stoces S. 217.

[3]) Tomaschek, Sitzungsber. и т. д., т. 128, стр. 114.

[4]) Müllenhoff, Deut. Alterthumsk., III, 140.

Примѣровъ этого явленія очень много. Приведу нѣсколько словъ: слово жьлѧдь (или желѧдь) сравнивается съ лит. gilė, арм. kalin, гр. βάλανος, лат. glans. Къ какому слову можно свести названіе желудя? Разнообразіе именъ наблюдается здѣсь даже въ области славяно-литовской группы. Другими примѣрами могутъ служить слѣдующія слова: 1) kûn, kûon, kuen—собака [1]), 2) uik̂, uoik̂—весь, деревня, 3) dhver-dhvôr-дверь (*Brugmann*, ibid., § 319), 4) virasvīras-мужъ, 5) kónis-cinis-пепелъ и т. д. Но есть въ индо-германскихъ языкахъ слова, совершенно сходныя: таковы, хотя бы, mūs (мышь), uidheoā (вдова [2]), nizdos (гнѣздо), sāp—no (сонъ), medhu (медъ), sū-s (свинья), senos (старый), названія родства и чиселъ до 10. Кромѣ того, очень много глаголовъ общихъ отвлеченнаго содержанія, которые трудно считать культурнымъ матеріаломъ, ходящимъ отъ народа къ народу. Далѣе, мы находимъ много сложныхъ абстрактныхъ словъ, родственныхъ въ разныхъ, отдаленныхъ группахъ индо-германскихъ языковъ: это греческій=ἀπότισις=др.-инд. *apaciti*s (возмездіе, наказаніе), лат. *asper*=др. инд. *apasphuras* (суровый), латинск. credo=древне-инд. çraddha (кладу сердце, то-есть вѣрю), арм. lusavor=гр. λευκοφόρος (свѣтоносный) и т. д. Какъ я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, обще-индо-германская культура до расхожденія племенъ должна была стоять уже высоко, какъ объ этомъ можно заключить по развитію общаго языка. Но въ этомъ отношеніи чрезвычайно важенъ отказъ Бругмана возстановлять этотъ послѣдній. Вотъ что говоритъ этотъ ученый (I², стр. 24): „Особенно слѣдуетъ отмѣтить, что построенныя нами пра-индо-германскія или отдѣльно-языковыя основныя формы, вмѣстѣ взятыя, вовсе не даютъ языка, на которомъ въ опредѣленное время говорило отдѣльное замкнутое языковое сообщество (Sprachgenossenschaft). Вѣрнѣе, эти формы принадлежали различнымъ временамъ и различнымъ мѣстностямъ".

Такимъ образомъ, не имѣя возможности возстановлять по даннымъ языка культуру еще единаго пра-народа, не будучи въ состояніи указать даже на хронологическую послѣдовательность [3]) культурныхъ вліяній въ эпоху близкаго сожительства индо-германскихъ племенъ, мы можемъ составить длиннѣйшій списокъ обще-индо-германскихъ корней и изъ разсмотрѣнія ихъ прійти къ заключенію о характерѣ праязыка и его близости къ обще-финскому языку, что можетъ служить подтвержденіемъ моему предположенію о происхожденіи нашего племени. Сличая индо-германскій словарь разныхъ языковъ, мы находимъ, что громадное большинство словъ образовано при помощи суффик-

[1]) Brugmann. I², § 321.

[2]) Brugmann, I², § 79.

[3]) Такъ, по мнѣнію Hahn'a, коза приручена древнѣе овцы, тогда какъ Кречмеръ не признаетъ возможнымъ судить по языку о знакомствѣ индо-германцевъ съ козой.

совъ: to, ro, no, vo, lo, mo, bho, ti, ni и т. д., mon, von, īno: er и т. д. Эти суффиксы извѣстны во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ, но слова, образованныя при помощи ихъ, встрѣчаются то въ одномъ, то въ другомъ изъ нихъ. Возьмемъ нѣсколько корней: напримѣръ, корень *ves со значеніемъ одѣваться, извѣстный въ языкахъ греческомъ (εἷμαι), альбанскомъ (veś), готскомъ (gavasjan) и иранскихъ (древне-персид. vas, древне-бактр. vaich). Отъ этого корня въ разныхъ языкахъ образованы слѣдующія существительныя [2]), 1) ves+ti-s (лат., гот., vasti, арм. zgest), 2) ves+mn̄ (древне-индійск. vasma, греч. εἷμα), 3) ves+ano-m или —ano-s (греч. ἑανός, древне-инд. vásanam), 4) ves+dho (греческ. ἕσθος) и т. д. Отъ корня *bhu (быть) извѣстны образованія bhū-mis, bhuti, bhuri, bhu-n- (алб. buj), bhu-ro (алб. bur-человѣкъ) и много другихъ. Отъ корня *mē (мѣрять) образованы: mēd (арм. mit—умъ, μῆδος), mēs и mēn и изъ сліянія ихъ mēns [2]) (мѣсяцъ), mēra (мѣра), mētis (μῆτις, древне-инд. mātis), me+lo (готск. mēl-время), me-trā (древне-инд. mātrā, мѣра) и др. Отъ корня *k͡u образованы k͡ūro (древне-инд. çūras-герой), k͡ūno (древне-инд. çūna, вздутый), k͡ūto (сытъ), k͡ūmōn (ἐγκύμων, беременный). Рядомъ съ корнемъ *mē стоитъ корень mi, какъ рядомъ съ dhi (filius) dhē (fēmina); корень пи-ти имѣетъ самыя разнообразныя формы: *pi, *pib (Brugmann, I², § 553), *ponu (пить). Теперь невольно приходитъ въ голову, слѣдуетъ ли возводить всѣ указанныя образованія отъ корней: ves, k͡ū и т. д. уже къ пра-языку, или напротивъ нужно думать, что какъ корни, такъ и суффиксы были унаслѣдованы отдѣльными языками отъ ихъ общаго предка? Все указываетъ на то, что въ эпоху распаденія индо-германцы говорили уже настоящими словами въ нашемъ смыслѣ этого слова, но такъ какъ для образованія новаго слова при помощи суффикса какая либо часть этого слова должна чувствоваться корнемъ, и такъ какъ этотъ послѣдній совпадаетъ въ разнообразныхъ индо-германскихъ языкахъ (таковы корни ves, bhu etc.), то, по моему мнѣнію, можно думать, что связь между тѣмъ, что чувствовалось корнемъ, и суффиксомъ была еще менѣе тѣсна, чѣмъ въ нашихъ древнихъ и новыхъ языкахъ, еще болѣе приближалась къ финской. Такъ, пра-языкъ не зналъ еще, между прочимъ, носового инфикса (Brugmann, I², § 397,b), который мыслимъ только при тѣсномъ соединеніи различныхъ частей слова. Образованіе отъ одного корня, который еще чувствовался таковымъ, при помощи различныхъ суффиксовъ настолько вошло въ духъ индо-германскихъ языковъ, что въ греческомъ мы находимъ даже такія параллели, какъ ὄδρος рядомъ съ ὄλλος (ихневмонъ [3]).

---

[1]) Ср. W. Prellwitz, Etymolog. Wörterbuch d. griech. Sprache, Göttingen, 1892, стр. 95.

[2]) Примѣры у Brugmann'a, I², § 132.

[3]) Brugmann, I², § 581, 3.

„Ослабленіе согласныхъ“, извѣстное явленіе финскаго языка, приписываемое проф. Сетэлой [1]) уже финно-угорскому языку, находитъ аналогію въ очень большомъ количествѣ примѣровъ смѣны глухихъ звонкими, оставившей свои слѣды въ нашей группѣ языковъ [2]). Это—смѣна t—d, p—b и k—g не сохранилась въ чистотѣ въ нашихъ языкахъ такъ же, какъ и во всѣхъ финно-угорскихъ языкахъ, за исключеніемъ западно-финскихъ и лапландскаго. Съ этимъ гармонируетъ и другой фактъ: наше чередованіе гласныхъ (Ablaut), въ которомъ теперь [3]) видятъ явленіе не морфологико-семасіологическое, а звуковое (lautgeschichtlich), повидимому, имѣетъ много общаго съ финскими рядами чередованій, въ существованіи которыхъ все болѣе убѣждается проф. Э. Сетэла [4]).

Вотъ эти факты (смѣна глухихъ и звонкихъ, чередованіе, отсутствіе тѣсной связи между частями слова) указываютъ, по-моему, болѣе, чѣмъ всякія сопоставленія финскихъ и индог. словъ и корней, сопоставленія, которыя, если даже они вѣрны, говорятъ прежде всего о культурныхъ сношеніяхъ,—указываютъ на то, что индо-германцы—отдѣлившаяся вѣтвь финно-угорскаго племени, засѣвшая въ Карпатахъ и тамъ получившая свою индивидуальность. Возстановлять ея культуру въ моментъ распаденія по даннымъ языка, мнѣ кажется, пока невозможно. Это станетъ болѣе возможнымъ, когда придетъ время, предвѣщаемое проф. Богородицкимъ: „Когда этнографія будетъ располагать рядомъ возможно тщательныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ предметовъ культуры и ихъ видоизмѣненій она будетъ имѣть возможность устанавливать законы въ сферѣ этихъ явленій, и эти законы могутъ пригодиться для рѣшенія археолого-лингвистическихъ вопросовъ“.

---

[1]) E. N. Setälä, Ueber Quantitätswechsel im Finnisch—Ugrischen. Helsing. 1896.

[2]) Эти примѣры собралъ A. Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre, Stressb. 1894, стр. 181—185.

[3]) Brugmann I², § 533.

[4]) Ibd., 49.

V.

Жреческая организація индо-германцевъ.

(Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индо-германцевъ).

I.

Извѣстный трудъ О. Шрадера: „Sprachvergleichung und Urgeschichte[1])“ служитъ точкой отправленія въ новѣйшемъ изученіи индо-европейской (или индо-германской) культуры. Этимъ значеніемъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что не порвавъ въ методологическомъ отношеніи связей съ прежнимъ направленіемъ этой науки, онъ соединилъ весь матеріалъ, каторый современная лингвистика считаетъ возможнымъ относить къ древней стадіи развитія индо-германскихъ языковъ. Поэтому онъ могъ считаться показателемъ того уровня нашихъ знаній о культурѣ гипотетическаго индо-германскаго народа, какого достигла наша наука. Если теперь, т. е. лѣтъ черезъ 9—10 послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги Шрадера, мы въ значительной степени измѣнили наши воззрѣнія на индо-германскую древность, то въ основѣ такого измѣненія все-же лежатъ тѣ данныя, каторыя заключаются въ обстоятельномъ трудѣ Шрадера. Какъ всякое крупное явленіе, этотъ послѣдній вызвалъ рядъ отзывовъ и возраженій, отмѣтившихъ его достоинство и недостатки. Подъ вліяніемъ его появились книги Рейнака [2]) и Зейлера [3]) представляющія рефератъ новѣйшей литературы вопроса; страстная полемическая выходка П. ф.-Брадке: „Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumswissenschaft“ который уже и раньше выступалъ противъ Шрадера съ брошюрой: „Beiträge zur Kenntniss der vorhistorischen Entwickelung unseres Sprachstammes“ (1888), брошюрой, въ которой среди общихъ мало подходящихъ къ дѣлу разсужденій встрѣчается нѣсколько остроумныхъ мыслей о той средѣ завоеванныхъ и низшихъ, среди которой совершилось воспитаніе молодыхъ арійцевъ. Хотя мы не можемъ, конечно, вмѣстѣ съ ф.-Брадке бросить въ лицо Шрадеру упрекъ въ „безнадежномъ отсутствіи ясности и проницатель-

---

[1]) 2 изд. 1890 г.

[2]) „L'origine des Aryens“ Paris 1892.

[3]) „Die Heimath der Indogermanen“ Hamburg 1892.

ности мысли" тѣмъ не менѣе въ книгѣ Шрадера не мало и методологическихъ погрѣшностей, въ виду которыхъ всѣмъ спеціалистамъ стало особенно ясно, въ какомъ направленіи должно было двинуться послѣдующее изученіе индо-германской культуры. Прежде всего, Шрадеръ обращался довольно неосторожно съ лингвистическимъ матеріаломъ, заключая отъ существованія слова въ разныхъ индо-германскихъ языкахъ къ присутствію его въ общемъ индо-германскомъ словарѣ, хотя на самомъ дѣлѣ слово могло распространиться впослѣдствіи путемъ культурныхъ заимствованій; во-вторыхъ, въ матеріалѣ Шрадера было такъ много прорѣхъ, что самъ же онъ почувствовалъ необходимость для дополненія картины оставить въ сторонѣ лингвистику и прибѣгнуть къ даннымъ археологіи, отожествляя съ культурой индо-германцевъ культуру свайныхъ построекъ Швейцаріи. Никогда еще, кажется, изученіе индо-германской цивилизаціи не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ теперь, послѣ Шрадера: за него берутся не только спеціалисты-лингвисты (Кремчеръ, Гиртъ и др.), но и юристы (Лейстъ, Іерингъ) и археологи (Мухъ), и съ особеннымъ рвеніемъ антропологи, въ числѣ которыхъ къ Пенкѣ, продолжающему свои фантастическія изслѣдованія въ старомъ духѣ, присоединились Аммонъ, Лапужъ и др., отстаивающіе права долихокефаловъ (=„арійцевъ") на первенство въ исторіи человѣчества [1]).

Въ одинъ годъ съ книгой Шрадера появилось прекрасное изслѣдованіе Дельбрюка: „Die indogermanischen Verwandschaftsnamen", въ которой былъ сдѣланъ, между прочимъ, слѣдующій важный выводъ: существованіе въ обще-индо-германскомъ словарѣ двухъ формъ: *pòti (господинъ) и образованный отъ него *potni (госпожа) указываетъ по словамъ Дельбрюка, на такое состояніе общества, при которомъ домомъ управляетъ не жена воображаемой эпохи патріарха, но мужчина, мужъ. Другой весьма интересный фактъ, открытый изслѣдованіемъ Дельбрюка, заключается въ обиліи общихъ названій для родни по мужу (свекръ и свекры, дѣверь, снъха, зълъва ѩтры), почему можно думать, что женщина въ обще-индо-германскую эпоху входила въ домъ мужа, который не имѣлъ сношеній съ домомъ жены. Обратно, общимъ является, по мнѣнію Дельбрюка, только слово зѧть, хотя опредѣлить первоначальное значеніе этого имени изслѣдователь отказывается. Однако, въ скоромъ времени было указано еще другое слово того же рода: это инд. ведійское (Rg.-Veda I, 109) *syālàs* братъ жены), сопоставленное Гофманомъ (Bezzenberger's Beiträge XXI), со слав. шурь, шуринъ (инд. *ā* изъ *au*, какъ *ā s*=уста), сопоставленіе, принятое Бругманомъ во второе изданіе его Grundriss'a.

---

[1]) Для ориентировки въ этихъ вопросахъ я позволю себѣ сослаться на свои же статьи: „Новыя изслѣдованія о языкѣ и культуръ индо-германцевъ" и „Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ". (См. ст. IV и VI).

Вопросъ, поднятый Дельбрюкомъ, настолько важенъ, что было необходимо выяснить съ методологической точки зрѣнія степень переживанія и условія новообразованія названій родни. Эту задачу взялъ на себя романистъ Э. Тапполетъ, которому наука обязана очень интереснымъ изслѣдованіемъ: „Die romanischen Verwandschaftsnamen“ (1895). Оказывается, что въ этой области языковой жизни господствуетъ большое оживленіе: на 16 словъ, унаслѣдованныхъ отъ почтенной старины, приходится больше 100 романскихъ новообразованій, при чемъ развитіе языка въ этой области такъ же капризно, какъ и вездѣ. Такъ напр., рядомъ съ вульгарно-латинскимъ mamma, давшимъ множество рефлексовъ, слово tata осталось совершенно безплоднымъ (стр. 35), да и вообще, по какому-то странному закону, „иниціатива новообразованія возникаетъ почти всегда въ области названій мужской родни“ (стр. 50).

Въ томъ же 1890 году, когда явились книги Шрадера и Дельбрюка, Фикъ подарилъ наукѣ новое, 4-е изданіе своего знаменитаго „Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen“, гдѣ словарю такъ наз. пра-языка (Grundsprache) посвящено болѣе полуторасто страницъ. Изъ важныхъ культурныхъ словъ, которыхъ нѣтъ у Шрадера, здѣсь будетъ не лишнимъ упомянуть лат. erus, era (господинъ)=зенд. anhus, остроумное и многознаменательное сопоставленіе лат. cucurbita (дыня) съ санскр. carbhata (огурецъ), вед. haya съ армян. zi (конь) и т. д.

Въ настоящее время и словарь Фика уже устарѣлъ: для того, чтобы почерпнуть почти весь обще-индо-германскій словарь, надо обращаться и не къ Шрадеру, но ко второму изданію перваго тома Бругмановскаго „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ (1897).

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ явленіяхъ науки, которыя остались внѣ сферы вліянія Шрадера. Теперь передъ нами нѣсколько трудовъ, которые такъ или иначе принимаютъ въ расчетъ взгляды этого ученаго и пытаются расширить или видоизмѣнить его выводы и медоты.

Прежде всего слѣдуетъ назвать книгу М. Муха: „Die Kurpferzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen“ (1885), вышедшую вторымъ (значительно дополненнымъ) изданіемъ въ 1893 году. Въ методологическомъ отношеніи мы встрѣчаемъ здѣсь ту же вѣру въ достовѣрность и полноту лингвистическихъ данныхъ, что и у Шрадера; то же стремленіе связать выводы лингвистической археологіи съ результатами раскопокъ. Какъ не спеціалистъ въ этой послѣдней, крайне темной, области, я могу сказать только съ большой осторожностью, что картина, нарисованная Мухомъ на основаніи доисторическихъ находокъ, представляется мнѣ заманчиво вѣрной; другой вопросъ, насколько она покрывается словарными данными. Дѣло въ томъ, что Мухъ пришелъ къ убѣжденію, что между эпохой шлифованнаго камня и бронзовымъ вѣкомъ лежитъ періодъ,

характеризуемый предметами, сдѣланными изъ одной мѣди безъ примѣси цинка или олова. Такіе предметы раскинуты по всей Австро-Венгріи, Нѣмецкой имперіи, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Ирландіи, Швеціи и Норвегіи и восточной Россіи; они найдены на греческихъ островахъ и на Кипрѣ, встрѣчались въ Троѣ и въ Палестинѣ; всего такихъ мѣстъ теперь найдено свыше 400, въ грамадномъ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ мѣднымъ попадались каменныя или бронзовыя издѣлія, и, что́ весьма важно, мѣдныя вещи изготовлялись не только на украшенія, но и на всякую потребу: тутъ есть и скиптры и топоры, и застежки, и мечи, и кольца, но въ основѣ мѣдной промышленности, повидимому, лежало изготовленіе плоскихъ топоровъ, кинжаловъ и шилъ. Первый является замѣстителемъ каменныхъ топоровъ и имѣетъ ту же форму, что и они; кинжалъ выдѣлывался по образцу призматическаго трехъ-или четырехъ-граннаго кремневаго ножа; вообще же надо сказать, что сходство мѣдныхъ вещей очень велико повсюду, на какомъ бы разстояніи одна отъ другой онѣ ни были найдены. Поэтому вся масса находокъ представляется автору книги однимъ большимъ цѣлымъ, общимъ признакомъ котораго служитъ плохая обработка поверхности предметовъ и отсутствіе украшеній, происходившее отъ того, что плохими каменными и костяными орудіями было невозможно орнаментировать твердый металлъ.

Обработка мѣди, продолжавшаяся долгое время и оставившая наиболѣе слѣдовъ въ Венгріи, окончилась съ переходомъ человѣчества къ бронзѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Муха (стр. 234), мѣдь при своемъ появленіи въ Европѣ стоитъ еще въ тѣснѣйшей связи съ каменнымъ вѣкомъ, встрѣчается нечасто и носитъ слѣды рѣдкаго и бережливаго употребленія. Вскорѣ послѣ того, какъ она начинаетъ попадаться въ бо́льшемъ обиліи, является на сцену уже и бронза, скудная въ процентномъ отношеніи олова къ мѣди и въ издѣліяхъ съ простѣйшими формами; при этомъ еще не исчезаютъ совершенно и каменныя орудія: „ихъ сохраняютъ бѣдные люди или старая традиція“. Наконецъ, и мѣди и бронзы становится настолько достаточно, что даже бѣднякъ можетъ не отказывать себѣ въ металлическихъ вещахъ, и эти два металла начинаютъ попадаться рядомъ, тогда какъ камень уже окончательно выходитъ изъ употребленія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣдь еще сохраняетъ не надолго перевѣсъ надъ бронзой. Эта эволюція совершилась во всей Европѣ, но особенно ярка она въ юго-восточной части Испаніи, изслѣдованной братьями Сиретъ (Siret).

Далѣе, Мухъ ставитъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ изготовлялась мѣдь первобытными обителями Европы, и къ какому времени восходитъ начало этого кузнечнаго ремесла? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ положительнымъ заявленіемъ, что мѣдь при появленіи ея въ находкахъ уже плавили, а не обколачивали молотомъ, какъ это извѣстно въ американскихъ древностяхъ. Это доказывается неоспоримо тѣмъ фактомъ, что уже въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи

(напр., въ Робенгаузенѣ, Турги и мн. др.), гдѣ нѣтъ еще слѣдовъ знакомства съ металлами, найдены въ большомъ числѣ тигели и литейныя ложки (Gusslöffel); перечисленію этихъ находокъ посвящена 5-ая глава книги Муха. Вслѣдъ за тѣмъ изслѣдователь старается опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ Европы происходила добыча мѣди. Въ разультатѣ этого изысканія получаются слѣдующія три положенія: (стр. 277). На Альпахъ въ Бишофсгофенѣ и Китубюгелѣ мѣдныя копи занимали значительныя пространства; подъ землей онѣ доступны до сихъ поръ; здѣсь же добытая руда подвергалась полной обработкѣ посредствомъ плавки; найденные на этихъ пространствахъ остатки сосудовъ принадлежатъ по своимъ свойстамъ еще цѣликомъ каменному вѣку и представляютъ полную аналогію предметамъ, сохранившимся въ свайныхъ постройкахъ Австріи и Швейцаріи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще тотъ весьма важный фактъ, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бишофсгофеномъ въ Готченбергѣ каменныя издѣлія приготовлялись для сбыта, а глиняныя вещи были того же рода, какія употреблялись съ одной стороны въ мѣдныхъ копяхъ, съ другой, въ свайныхъ постройкахъ того же каменнаго вѣка. Оставляя въ сторонѣ перечисленіе мѣдныхъ копей, отысканныхъ доселѣ въ Средней Европѣ (стр. 282—283), я перейду прямо къ вопросу о происхожденіи мѣдной плавки, вопросу, который разрѣшается Мухомъ въ томъ смыслѣ, что начало этого искусства восходитъ къ Европѣ, гдѣ при рытьѣ мѣдныхъ копей, достигавшихъ значительныхъ размѣровъ (50 и 60 футовъ глубины), люди имѣли не мало случаевъ познакомиться съ плавкостью этого металла, хотя первоначально имѣли въ виду обдѣлывать его при помощи молотовъ. Такимъ образомъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, полная возможность (стр. 306) думать, что европейское населеніе неолитической эпохи дошло самостоятельно до открытія металла (мѣди). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что культура такъ называемый Kupferzeit совпадаетъ съ культурой каменнаго вѣка, а такъ какъ современные лингвисты рѣшительно переносятъ родину индо-германскаго племени въ Европу, то для Муха не представляетъ накакого затрудненія отождествить такъ называемую индо-германскую культуру съ цивилизаціей „м ѣ д н а г о в ѣ к а“ тѣмъ болѣе, что и въ опредѣленіи этой родины лингвисты сильно расходятся: одинъ переноситъ ее въ Скандинавію (Пенка), другой въ Германію (Л. Гейгеръ), а Шрадеръ помѣщаетъ ее поблизости отъ Швейцаріи, тогда какъ Томашекъ ищетъ родины индо-германцевъ на Нижнемъ или Среднемъ Дунаѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію книги Муха, я замѣчу, что и этотъ ученый отожествляетъ культуру съ расой и языковой группой, а потому я совсѣмъ не буду повторять его разсужденія о древнемъ орнаментѣ индо-германцевъ. Зато очень интересна и поучительна картина культуры свайныхъ построекъ, которую авторъ рисуетъ передъ нами въ 8-ой главѣ. Мы живо представляемъ промышленный и осѣдлый народъ, въ которомъ склонны

вмѣстѣ съ авторомъ видѣтъ индо-германскія племена. Совсѣмъ другой вопросъ, слѣдуетъ-ли или, лучше сказать, стоитъ-ли отожествлять его съ еще нераздѣльнымъ индо-германскимъ племенемъ. Самое положеніе, съ котораго начинается 9-я глава, посвященная „провѣркѣ археологическихъ фактовъ по даннымъ сравнительнаго языкознанія", представляется мнѣ очень фальшивымъ. Оно гласитъ слѣдующимъ образомъ (стр. 348): „если выводы, сдѣланные на основаніи археологическаго матеріала (т. е. утвержденіе, что среднеевропейское населеніе неолитической эпохи узнало мѣдь и, кромѣ нея, знало хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, золото) справедливы, то подтвержденіе ихъ должно оказаться въ культурномъ состояніи и бытѣ арійцевъ, составлявшихъ еще *одинъ* народъ и говорившихъ *однимъ* языкомъ". Точно эти два единства совпадаютъ, и точно раздробленіе народа всегда равносильно видоизмѣненію культуры!

Такимъ образомъ передъ нами провѣрка археологіи со стороны лингвистики. Представителемъ этой послѣдней для Муха служитъ Шрадеръ, который видитъ въ лат. a e s=гот. a i z=скрт. áyas мѣдь и предполагаетъ, что только этотъ металлъ и былъ знакомъ индогерманцамъ. Рядомъ съ этимъ словомъ является другое древніе названіе металла: скрт. hiranya=слав. злато, которое Мухъ не рѣшается относить къ обще-индо-германской эпохѣ. Зато онъ рѣшительно отрицаетъ знакомство этой эпохи съ серебромъ, хотя общее названіе его (скрт. rajatâ и т. д.) распространено по всему югу „арійскаго" міра. Аргументъ археолога въ этомъ случаѣ довольно произволенъ „Если обратить вниманіе на то", говоритъ онъ (стр. 358): „что именно въ Индіи (Gungeria) и въ Испаніи серебро встрѣчается рядомъ съ мѣдными топорами, т. е. восходитъ къ пра-арійскому времени, то это предположеніе (о существованіи его въ обще-индо-германскую эпоху) получаетъ и археологическую основу; но было бы черезъ-чуръ рисковано ставить находки въ Gungeria въ связь съ индійцами, а находки испанскія съ арійцами". Такимъ образомъ вся теорія Муха, поскольку она касается данныхъ лингвистики, для нея въ сущности совсѣмъ не нужныхъ, основывается на предположеніи, что a e s означало мѣдь; но это-то и спорно. По крайней мѣрѣ, нѣмецкій археологъ Гостманъ [1]) съ жаромъ доказываетъ, что санскр. ayas означаетъ не мѣдь, а желѣзо, безъ котораго, напримѣръ, немыслимо устроить такую повозку, существованіе которой приписывается индо-германской культурѣ. Онъ думаетъ, что первый металлъ, который знали наши предки, былъ желѣзо, а не мѣдь и не бронза. Мнѣ кажется, что прибѣгать къ лингвисти-

[1]) Ch. Hostman. Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie. 1890.

ческому матеріалу въ данномъ случаѣ совершенно безполезно: та интересная картина культуры, которую намъ далъ Мухъ въ своей книгѣ, должна прояснять и наши воззрѣнія на древній бытъ индо-германцевъ, такъ какъ при однообразіи этой картины во всей Европѣ временъ свайныхъ построекъ мы не можемъ не думать, чтобы участниками ея не были и древнія индо-германскія племена, разъ доказано съ большей или меньшей вѣроятностью, что родину этихъ племенъ слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ Европѣ.

Такимъ образомъ уже Мухъ, въ сущности, порываетъ съ лингвистикой при изслѣдованіи древнѣйшей индо-германской культуры, и это отношеніе къ даннымъ языкознанія начинаетъ пріобрѣтать все больше и больше права гражданства въ современной наукѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этого направленія, я остановлюсь еще на одной книгѣ, гдѣ произведена новая попытка оцѣнить словарный матеріалъ и примѣнить къ нему иныя, болѣе строгія, требованія. Эта книга замѣчательный трудъ П. Кречмера: „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache“ (1896). Авторъ ея ставитъ своей задачей опредѣлить мѣсто греческаго языка въ семьѣ индо-германскихъ языковъ, указать его предковъ и сосѣдей. Поэтому онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ вопроса объ индо-германскомъ языкѣ, о пра-родинѣ гипотетическаго обладателя этого языка и объ относительной древности его пребыванія въ Европѣ. Далѣе Кречмеръ переходитъ къ опредѣленію первоначальныхъ, доисторическихъ сосѣдей грековъ, отъ нихъ—къ народностямъ, сосѣдившимъ съ этими послѣдними уже въ историческую эпоху, т. е. къ ѳракійцамъ и иллирійцамъ. Наконецъ, авторъ подробно останавливается на выясненіи до-эллинскаго населенія Греціи, остатки котораго онъ находитъ въ малоазіатскихъ не индо-германскихъ народахъ, языки которыхъ характеризуются смѣной nt въ nd. Содержаніе этой интересной книги заканчивается на образованіи греческаго языка, какъ отдѣльной единицы. Я коснусь ее лишь постольку, поскольку Кречмеръ касается культуры индо-германцевъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ относится съ большимъ скептицизмомъ не только къ возможности возстановлять характеръ индо-германскихъ звуковъ (въ родѣ сонантовъ, качества долгаго *e* и т. д.), но и къ достовѣрности лингвистическихъ выводовъ о культурѣ этого народа. Свои взгляды онъ высказываетъ въ слѣдующемъ положеніи (стр. 65): „никоимъ образомъ нельзя оспаривать, что разпространеніе индо-германцевъ основано на расхожденіи ихъ изъ одного центра, собственной пра-родины, равнымъ образомъ невозможно отрицать существованіе пра-народа, но все это теряется въ глубинѣ вѣковъ и недоступно изученію“. Дѣло въ томъ, что, какъ бы далеко мы ни углублялись въ ряды вѣковъ, повсюду мы встрѣчаемся со словами, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного народа къ другому, отъ одного человѣка къ другому. Процессъ созданія новыхъ словъ

и звуковыхъ измѣненій идетъ безостановочно, но такъ же непрерывно совершается и распространеніе ихъ, а потому говорить о единомъ „пра-народѣ“, не знавшемъ діалектическихъ подраздѣленій, абсолютно невѣрно. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ (что бываетъ крайне рѣдко), то и отсюда мы можемъ заключить вовсе не то, что это слово принадлежало уже „пра-языку“, а лишь то, что оно вышло изъ одного центра и распространилось путемъ перехода отъ одного народа къ другому еще въ ту эпоху, когда эти послѣдніе были близкими сосѣдями между собой. Вотъ почему Кречмеръ со своей точки зрѣнія правъ, утверждая (стр. 97), что, „если подъ родственной системой нѣсколькихъ языковъ понимать сумму ихъ древнѣйшихъ культурныхъ сношеній, то вопросъ о родствѣ ихъ нельзя разрѣшить при помощи какой-нибудь одной теоріи: отвѣтомъ на него должна служить вся древнѣйшая исторія этихъ языковъ“. При этомъ Кречмеръ (стр. 413) отмѣчаетъ слѣдующее заблужденіе, въ которое впадаютъ изслѣдователи этого пра-языка: они признаютъ словарныя совпаденія за древній элементъ языка, тѣ же слова, которыя извѣстны лишь въ одномъ—двухъ языкахъ, склонны считать новыми. Но вѣдь при допущеніи діалектическаго развитія пра-языка не мало старыхъ элементовъ должно было сойти со сцены, вслѣдствіи чего кое что не совпадающее можетъ относиться къ древнѣйшимъ временамъ языка: въ исторіи языковъ постоянно дѣйствуютъ два принципа, центробѣжный и центростремительный. Въ зависимости отъ того, который изъ нихъ одерживаетъ верхъ, изъ языка выдѣляются діалекты или же, наоборотъ, различные діалекты сливаются въ одно языковое цѣлое; въ разультатѣ послѣдняго процесса явились языковыя культурныя группы кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. Ассимилирующій принципъ создалъ въ извѣстной группѣ племенъ сходство языковъ, обычаевъ, вѣрованій, и матеріальной культуры; это все болѣе обособляло эту группу отъ сосѣднихъ. Напротивъ, въ образованіи греческой, итальянской и арійской націй Кречмеръ (стр. 413—414) склоненъ видѣть дѣйствіе географической изоляціи (географич. обособленія).

Итакъ, необходимо предположить существованіе „пра-народа“, но невозможно (по даннымъ лексикальнымъ) говорить объ его культурѣ. Исторія должна начинать не съ него, а съ совмѣстной жизни цѣлой группы индо-германскихъ народовъ. „Любопытно“, замѣчаетъ Кречмеръ (стр. 64): „что въ поискахъ за какимъ-нибудь уголкомъ Азіи или Европы, который могъ бы годиться въ смыслѣ пра-родины индо-германцевъ, совершенно проглядѣли тотъ фактъ, что лексикальныя отношенія индо-германскихъ народовъ, въ сущности, лучше всего подходятъ къ тѣмъ самымъ мѣстностямъ, какія они занимаютъ въ историческое время, такъ что нѣтъ ни малѣйшей необходимости

предполагать очень значительную перемѣну ихъ мѣстожительствъ. Это особенно ясно въ названіяхъ животныхъ и растеній". На основаніи этого заключенія Кречмеръ высказываетъ мнѣніе, что семья индо-германскихъ народовъ въ началѣ своей исторіи занимала степныя пространства, которыя тянутся отъ Франціи черезъ всю Среднюю Европу и Киргизскія степи и Азіи до самаго Ирана [1]) (стр. 60). Тѣ возраженія, какія можетъ представить антропологія со своимъ измѣреніемъ череповъ и археологія со своей теоріей перерыва между палео- и неолитической культурами (послѣднюю Шрадеръ, какъ извѣстно, приписываетъ индо-германцамъ),—эти возраженія Кречмеръ отклоняетъ указаніемъ на полную недостовѣрность выводовъ изъ данныхъ краніометріи, признанную теперь самими антропологами, и на отсутствіе археологическаго перерыва, подтверждающееся новыми находками. Въ виду всего этого онъ предполагаетъ, что индо-германцы искони вѣковъ жили въ указанныхъ имъ границахъ, тѣмъ болѣе, что и въ историческое время перерыва между иранцами и западными индо-германскими народами еще не было: онъ былъ заполненъ скиѳами.

Какъ же вышеприведенныя умозаключенія подтверждаются языковыми данными? Для примѣра возьмемъ слово соль, которое занимаетъ мѣсто въ словаряхъ всѣхъ западныхъ индо-германцевъ, но отсутствуетъ въ языкахъ восточныхъ; тѣмъ не менѣе, и эти послѣдніе не могли не знать соли, которая покрывала почву ихъ степей. По теоріи Кречмера, этотъ фактъ объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, тогда какъ восточнымъ не для чего было привозить ее съ запада: у нихъ и на родинѣ соли было не мало; поэтому и названіе соли оказалось разнымъ у разныхъ народовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ взглядѣ не можетъ быть и рѣчи объ одномъ пра-народѣ, который выдѣлилъ изъ себя нѣсколько племенъ, унаслѣдовавшихъ и развившихъ его культуру. Оперируя на данныхъ лингвистики, къ другому выводу нельзя было и придти, и потому позиція, занятая Кречмеромъ, мнѣ представляется вполнѣ возможной. Одно только возбуждаетъ мое недоумѣніе: можетъ ли такой богатый и уже упорядоченный языкъ, какимъ оказываетъ обще-индо-германскій, принадлежать народу, о культурѣ котораго намъ нечего сказать. Напротивъ, мнѣ кажется, мы можемъ смѣло утверждать, что этотъ народъ стоитъ уже настолько высоко, въ культурномъ отношеніи, что среди него есть люди, на попеченіи которыхъ лежитъ систематизація языка, т. е. жрецы, слагающіе гимны и ритуалъ. На основаніи этого взгляда,

[1]) Здѣсь же распространена особая форма пользованія рогатымъ скотомъ въ смыслѣ денежной единицы, на которую въ послѣднее время съ особенной силой указалъ Ridgeway въ книгѣ The origin of Metallic currency and weight standards. Cambridge. 1892. Дѣйствительно, на всемъ этомъ пространствѣ одна культура (см. книгу Муха); здѣсь же проходила уже въ неолитическую эпоху древнѣйшая торговая дорога (см. Ridgeway, стр. 105, 111).

высказаннаго въ недавнее время М. Бреалемъ [1]), я склоненъ видѣть въ индо-германскихъ племенахъ потомковъ одного культурнаго племени, а въ ихъ культурѣ искать продолженіе и развитіе тѣхъ принциповъ, на которыхъ создавалась уже цивилизація пра-народа. При тожествѣ культурныхъ принциповъ трудно видѣть одно заимствованіе, хотя это положеніе не надо понимать слишкомъ узко въ томъ смыслѣ, что и антропологически всѣ индо-германскіе народы потомки одного предка. Здѣсь рѣчь идетъ только о языкѣ и культурѣ, принципы которыхъ являются наслѣдіемъ общаго (по культурѣ) предка. Несомнѣнно, и въ словарѣ сохранилось много стараго; но дать на основаніи его полную и вѣрную картину культуры этого пра-народа невозможно такъ же, какъ на основаніи романскихъ языковъ нельзя было бы возсоздать бытъ римскаго народа во всѣхъ его частностяхъ. У насъ есть другой матеріалъ для этой цѣли. На первомъ мѣстѣ ради удобства я поставлю матеріалъ историко-ботаническій и зоологическій, на второмъ юридическій. Первымъ я старался воспользоваться въ своей вышеназванной статьѣ, гдѣ ставилъ уровень матеріальной культуры пра-народа очень высоко. Къ тому же выводу приходитъ и нѣмецкій ученый Г. Гиртъ (Hirt), которому принадлежитъ рядъ статей о родинѣ и культурѣ индо-германцевъ, напечатанныхъ частью въ журналахъ: „Indogermanische Forschungen“ (т. I и V) и „Geographische Zeitschrift“ (т. I и IV), частью въ другихъ изданіяхъ. Гиртъ, какъ Кречмеръ и отчасти Брадке, является продолжателемъ метода Гена, который въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „О культурныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу“ [2]) возсоздаетъ картину древней европейской культуры на основаніи исторіи растеній и животныхъ. Правда Генъ стоитъ на шаткой почвѣ излишняго довѣрія къ словарнымъ совпаденіямъ; правда, со времени его книги и по доисторической ботаникѣ [3]) и по доисторической фаунѣ [4]) открыто много новаго;—тѣмъ не менѣе, поскольку методъ Гена состоитъ въ изученіи культуры по положительнымъ фактамъ исторіи флоры и фауны, а не по лингвистическимъ даннымъ, онъ оказывается въ высшей степени плодотворнымъ и точнымъ. И интересно отмѣтить, что Германъ Гиртъ въ послѣдней изъ (извѣстныхъ мнѣ) статей возсоздаетъ эту культуру почти совершенно независимо отъ словарныхъ данныхъ. Вопреки Шрадеру, приписывающему своимъ индо-германцамъ бытъ скотоводческій, онъ [5]) говоритъ объ ихъ земледѣліи, а теперь [6]) перечисляетъ даже тѣ культурныя растенія, которыя они должны были знать. Работы Гирта по вопросу о ро-

[1]) Въ книгѣ „Essais de Sémantique“.

[2]) Послѣднее изданіе 1894 года приготовлено Шрадеромъ, внесшимъ много новаго лингвистическаго матеріала.

[3]) О ней см. кн. Бушана.

[4]) О ней книги Гана, Отто и др.

[5]) Въ V томѣ „Indog. Forsch.“

[6]) Въ 1898 г. въ IV т. „Geograph. Zeitschrift“.

динѣ индо-германцевъ мнѣ представляются чрезвычайно тенденціозными и, поскольку рѣчь идетъ объ этимологическихъ выкладкахъ, малонадежными, но статьи объ ихъ культурѣ мнѣ очень нравятся. По мнѣнію Гирта, индо-германцы были земледѣльцами, знали собаку, овцу, рогатый скотъ, а, можетъ быть, и козу, свинью и лошадь, а изъ культурныхъ растеній жолудь, который шелъ, вѣроятно, въ пищу, ячмень и нѣкоторыя плодовыя деревья. Объясняя развитіе индо-германской культуры подчиненіемъ ея вавилонскому вліянію, Гиртъ находится подъ впечатлѣніемъ книги Іеринга: „Vorgeschichte des Indoeuropäer“ [1]). Эта послѣдняя принадлежитъ перу автора „Духа римскаго права“, который далеко не былъ спеціалистомъ въ интересующей насъ области; поэтому, его книга носитъ духъ диллетантизма въ самой сильной степени. Она вся построена на предположеніи, что культура индо-германцевъ была исключительно деревянная, чуждая каменныхъ построекъ, тогда какъ выдѣлка кирпича, субститута камня тамъ, гдѣ его нѣтъ, предполагаетъ культуру высшую; родина этой послѣдней лежитъ въ Вавилоніи, откуда ведутъ свое происхожденіе постройка крупныхъ зданій, кораблестроеніе, времясчисленіе, дѣленіе дней на праздничные и будничные и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣчество обязано очень многимъ досемитической культурѣ Вавилоніи, но утверждать это голословно по отношенію ко всѣмъ культурнымъ завоеваніямъ мы не имѣемъ никакого права. Подобно нравственной философіи Ницше, историческая теорія Іеринга интересна, какъ попытка изложить развитіе души (у Ницше) и культуры (у Іеринга) съ двухъ рѣзко разграниченныхъ точекъ зрѣнія: только инстинктъ господства или инстинктъ смиренія у перваго, только камень или дерево у второго; внѣ времени и пространства, въ какой-нибудь странѣ Утопіи оба ученые совершенно правы, но горе въ томъ, что на землѣ абсолютныхъ границъ нѣтъ, и потому индо-германцы не должны были тщательно оберегаться отъ самостоятельнаго ознакомленія съ каменными постройками и т. д., а Вавилонянамъ нечего было брать на себя роль культуръ-трегеровъ индо-германцевъ и въ этомъ отношеніи; тѣмъ болѣе, что въ языкѣ послѣднихъ нѣтъ несомнѣнныхъ семитическихъ заимствованій, хотя съ предвзятой цѣлью ихъ не разъ отыскивали и, конечно, находили [2]). Такимъ образомъ, у Іеринга культура Вавилонянъ вышла черезчуръ высокой (уже въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Хр. они знали мореплаваніе и доплывали до Индіи), а культура индо-германцевъ слишкомъ низкой. Совершенно смѣшавъ послѣднихъ съ индійцами, онъ смѣлой рукой рисуетъ намъ черты ихъ національнаго характера, и путемъ цѣлаго рода ложныхъ построеній [3])

[1]) Leipzig, 1894.

[2]) Іог. Шмидтъ, Гаммель, у Іеринга стр. 232.

[3]) Можно было бы привести множество образчиковъ ихъ; я этого не дѣлаю въ виду общаго характера моей статьи, но вотъ одинъ примѣръ: (стр. 48) германцы не знали приданаго. Die Germanen, welche am längsten von allen Indoeuropäern in der zweiten Heimat verweilten, haben

приходитъ къ слѣдующей картинѣ индо-германскаго быта (стр. 103). Это былъ пастушескій народъ, крайне отсталый въ области внѣшней культуры. Онъ не зналъ ни земледѣлія, ни обработки металловъ; у него не было желѣзныхъ орудій или оружія, а были только каменные топоры и деревянные копья; металлическихъ денегъ у него также не было, а ихъ мѣсто заступалъ рогатый скотъ. Употребленіе камня для построекъ было ему чуждо; онъ не вѣдалъ каменныхъ домовъ, а зналъ только хижины изъ дерева, прутьевъ и соломы; онъ жилъ не въ городахъ, а въ деревняхъ съ отдѣльными домами. Не зналъ онъ и торговли съ чужеземными народами, чьи продукты онъ могъ получать въ обмѣнъ, то, а что онъ производилъ самъ, не выходило изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Его право не вышло изъ зародыша (über die dürftigsten Ansätze), даже самое слово п р а в о въ отличіе отъ обычаевъ было ему неизвѣстно. И для того, чтобы достигнуть этого низкаго уровня культуры, ему потребовалось десять тысячелѣтій,— когда на это было бы совершенно достаточно и одного,—девять тысячелѣтій прошло въ полной культурной неподвижности.

Цивилизаторами явились финикійцы, усвоившіе себѣ культуру у Вавилонянъ и перенесшіе ее къ грекамъ и римлянамъ.

II.

Итакъ, все сдѣланное до сихъ поръ очень мало выяснило культуру того народа, потомками котораго въ отношеніи языка и цивилизаціи явились такъ называемые индо-германскіе народы. Эти изслѣдованія нарисовали намъ картину жизни Европы въ древнія времена, но не научили насъ распоряжаться съ данными лингвистики и не показали намъ, какое мѣсто въ доисторической жизни Европы занимаютъ индо-германцы. Область, которую они пытались освѣтить, осталась въ сущности такою же темной, какой была и раньше. Единственнымъ ученымъ, которому удалось пролить на нее нѣкоторый свѣтъ, оказывается, по моему мнѣнію, Іенскій профессоръ В. Лейстъ, авторъ трехъ огромныхъ томовъ: „Alt-Arisches Jus Gentium“ (1889) и „Alt-Arisches Jus Civile“ [1]). Успѣхъ, которымъ, по моему убѣжденію, увѣнчалась его попытка, зависѣлъ не столько отъ эрудиціи и остроумія автора, сколько отъ правильности пути, по которому онъ пошелъ, и который одинъ только, пожалуй, и могъ привести къ надежнымъ результатамъ. Сличеніе различныхъ „а р і й с к и х ъ“ (какъ называетъ индо-германцевъ Лейстъ) институцій должно привести къ раскрытію древнѣйшей организаціи той среды, которая ихъ породила. Это не случайное или очевидно заимствованное совпаденіе миѳологическихъ или quasi—миѳологическихъ воззрѣній, на которыхъ строили гордое зданіе индо-германской миѳологіи В. Шварцъ, Г. Мейеръ и др.;

die Einrichtung des unterjochten Volkes angenommen». Укажу страницы съ такими же построеніями; стр. 21, 23, 26—27, 54, 58, 81, 119 и т. д.

[1]) 1892—1896, 2 тома.

но совпаденіе такихъ институцій, которыя лежатъ въ основѣ жизни и эволюціи всѣхъ правовыхъ системъ Греціи, Рима и др. Даже Іерингъ при всемъ поверхностномъ отношеніи къ своей задачѣ не могъ не замѣтить нѣсколькихъ замѣчательныхъ совпаденій между римскимъ и индійскимъ правомъ: позорный столбъ для должниковъ, битье этихъ послѣднихъ палками и т. д. Однако эти совпаденія не помѣшали ему заявить (стр. 87), что у гипотетическаго пра-народа не было еще никакого права, что это былъ, однимъ словомъ, народъ „безъ всякой практической жилки", діаметральная противоположность римлянамъ.

Лейстъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Прежде всего онъ устанавливаетъ рѣзкое различіе между схемами, въ которыя складываются права народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры, складываются независимо и подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого уровня, и между институціями, сущность которыхъ Лейстъ формулируетъ такъ [1]): „подъ институціями я разумѣю акты (Akty) и отношенія, которыя передаются народомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію съ извѣстной постоянной властью (mit gewisser fester Wirkung)". Эти институціи могутъ быть религіозными, могутъ быть просто обычаями, наконецъ, могутъ быть правовыми, и при томъ правовыми не только въ значеніи ius civile, но и въ смыслѣ thémis-fas.

Первое и, какъ мнѣ кажется, лучшее изъ сочиненій Лейста въ разсматриваемой нами сферѣ посвящено этому послѣднему праву. Въ основѣ развитія греческаго и римскаго Jus civile лежитъ право такъ сказать обрядовое, религіозное, жизнь, подчиненная требованіямъ, предъявленнымъ людямъ самимъ Богомъ; это индійское dharma, греческое thémis и лат. fas. „Соціальный строй, покоившійся на извѣстныхъ, самой природой установленныхъ элементахъ ratio", говоритъ Лейстъ (ibd. 17), принялъ духовную оболочку (ein geistliches Gewand) уже у предковъ грековъ и римлянъ. Онъ считался (подъ именемъ θέμις или fas) за установленіе боговъ, сообщенное людямъ черезъ посредство жрецовъ толкователей. Это Jus divinum, при всемъ разнообразіи его развитія у различныхъ племенъ, считалось общимъ достояніемъ gentes, которыя видѣли источникъ права въ охраняющемъ и карающемъ богѣ-отцѣ Зевсѣ. Подобное Jus gentium ничего не теряло въ своемъ значеніи и при существованіи частной законодательной власти (складывались-ли ея постановленія въ государственное обычное право или въ законъ). Старое Jus gentium стояло слишкомъ высоко для того, чтобы отойти на задній планъ передъ авторитетами маленькаго частнаго государства. Но оно состояло изъ немногихъ общихъ и неясно выраженныхъ положеній, и чувствовалась потребность дать ясныя опредѣленія все возраставшему числу отдѣль-

[1]) I. Civ. I, 7.

ныхъ пунктовъ и примѣнять кары, налагаемыя управляющими и судящими государственными властями ради сохранія порядка въ общинѣ. Таково положеніе вещей, которое надо имѣть въ виду, чтобы встать на правильную точку зрѣнія при выясненіи древнихъ основныхъ элементовъ греко-италійскаго права.

Изложенію древнѣйшаго божественнаго права посвящено „Alt-Arisches Jus Gentium“. Вся жизнь древнихъ арійцевъ (пользуюсь здѣсь этимъ терминомъ ради краткости) зиждилась на сохраненіи домашняго очага, на культѣ предковъ, ради котораго высшей цѣлью семьи признавалось продолженіе рода. Вслѣдствіе этого арійскій бракъ былъ учрежденіемъ священнымъ: мужъ и жена представлялись совмѣстно жрецами домашняго храма, посвященнаго душамъ умершихъ предковъ; это было divini et humani Juris communicatio; только законная жена имѣла право на совершеніе наравнѣ съ мужемъ домашнихъ обрядовъ, и потому брачная церемонія сопровождалась торжественными обрядами. Зажигая огонь на своемъ домашнемъ очагѣ, новобрачный становился законнымъ продолжателемъ рода, въ сохраненіи котораго такъ же, какъ въ жертвахъ предкамъ, состояли его главныя обязанности (ср. „La cité antique“ Фюстель де Кулянжа).

Despótes ведетъ домашнее хозяйство; это oikónomos. Въ то время, какъ въ древнѣйшую эпоху у древнихъ индійцевъ поселеніе отдѣльной родственной группы въ какой-нибудь grama было еще, кажется, очень свободно и совершалось на мѣстахъ, которыя легко покидались и легко избирались, въ то же время племена, прибывшія въ Грецію и Италію, явились сюда съ опредѣленной земельной организаціей. Отдѣльнымъ лицамъ была роздана по единому плану земля, и при этомъ не разъ случалось такъ, что часть земли, предназначавшаяся для обзаведенія собственнымъ домомъ, лежала въ центрѣ поселка, другая же находилась внѣ его, при чемъ и здѣсь для веденія хозяйства были необходимы жилыя постройки (I. Gent. 89).

Цѣлью жизни арійца было безсмертіе, но, по заявленію браминовъ, подъ которымъ подписались бы и греко-италійскіе жрецы: „ты возродишься въ своемъ потомствѣ; вотъ, смертный, твое безсмертіе“. „Да и на глазъ замѣтно“, продолжаетъ та же книга (афоризмы Апастамбы): „что сынъ воспроизводитъ своего отца; вѣдь сходство ихъ очевидно, и только тѣла у нихъ разныя. Тѣ сыновья, которые живутъ, умножаютъ, совершая обряды, изученные по ведамъ, славу и небесное блаженство своихъ почившихъ предковъ. Такимъ способомъ каждое послѣдующее поколѣніе умножаетъ славу и блаженство предковъ“. Но можетъ случиться, что боги не наградили бракъ сыновьями или даже вовсе не дали ему дѣтей. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Для этого есть нѣсколько выходовъ: или усыновленіе, или продолженіе рода черезъ дочь, когда таковая есть

на лицо, или соединеніе жены съ другимъ мужчиной, если отъ мужа у нея нѣтъ сына. Въ первомъ случаѣ сына даютъ отецъ и мать, почему усыновленный называется даннымъ (инд. *datta лат. datus) или, если родители покинули его, самоданнымъ (инд. svayamdatta, лат. a se ipso datus). То учрежденіе, по которому жена бездѣтнаго мужа должна сойтись съ другимъ мужчиной, основывается на убѣжденіи, что въ бракѣ жена становится собственностью не одного своего мужа, но всего рода; поэтому обязанность продолженія этого послѣдняго возлагается прежде всего на брата мужа. Продолженіе рода черезъ дочь, хорошо извѣстное въ древнеиндійскомъ и греческомъ правѣ и сохранившееся въ римскихъ легендарныхъ воспоминаніяхъ, является, по мнѣнію Лейста (Jus Gent. 108), однимъ изъ поразительныхъ явленій арійской родовой организаціи. По толкованіямъ браминовъ, отецъ, не имѣющій сыновей, можетъ сосватать свою дочь и, принесши жертвы Агни (т. е. богу домашняго очага) и Праджапати (богу произрастанія), обратиться къ жениху со словами: „пусть ради меня будетъ твое мужское потомство“. Сынъ, родившійся отъ такого брака, считался не внукомъ, но сыномъ своего дѣда, прямымъ продолжателемъ его рода.

На основаніи этого развитія родовой организаціи арійцевъ нельзя сомнѣваться, что римская формула pater est quem nuptiae demonstrant восходитъ уже къ индо-германской эпохѣ, такъ какъ въ основѣ всего ея быта лежитъ бракъ, совершавшійся съ церемоніями такого же исконнаго происхожденія. Сидѣніе на шкурѣ, соединеніе aquae et ignis, произношеніе формулъ (quando tu Gaius, ego Gaia): все это ведетъ свое происхожденіе отъ того времени, когда арійскій народъ составлялъ еще одно цѣлое, цѣлое культурное. Завѣдываніе домомъ возлагало на домохозяина, старшаго въ семьѣ, цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ обязанностей, какъ исполненіе культовыхъ обрядовъ, такъ и сохраненіе заповѣдей, изложенныхъ въ краткой формѣ сжатыхъ требованій. Эти заповѣди, по мнѣнію Лейста, распадаются на двѣ группы: къ первой относятся слѣдующія четыре заповѣди, восходившія къ временамъ еще до арійскимъ (urarisch): чти боговъ, почитай родителей, почитай отчизну, почитай гостя; вторая группа охватываетъ требованія, которыя приписываются миѳическому основателю человѣческихъ законовъ, Ману, и изложены не въ положительной, но въ отрицательной формѣ: держись въ чистотѣ, не распускай чувствъ, не убивай, не кради, не лги. Лейстъ думаетъ, что вторая группа происхожденія болѣе поздняго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что обѣ онѣ относятся ко временамъ обще-индо-германскимъ. Первая группа заповѣдей требуетъ почтенія къ богамъ, къ родителямъ (т. е. духамъ отца, дѣда и прадѣда) и болѣе древнимъ родственникамъ по прямой линіи, изъ чего развилось представленіе объ отчизнѣ, наконецъ ко всѣмъ нуждающимся въ защитѣ и помощи.

Такимъ образомъ домашній очагъ былъ окруженъ массой религіозныхъ (sacralrechtlich) институцій. Здѣсь уже успѣлъ развиться

строгій распорядокъ стола (Speiseordnung), въ основѣ котораго лежала та мысль, что домохозяинъ обязанъ добывать пищу для всѣхъ своихъ, а хозяйка должна ее приготовлять. Право на полученіе пищи принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи. Брачный союзъ хозяина и его жены представляется не ихъ личными отношеніями, но только средствомъ и предположеніемъ для сохраненія дома. Поэтому in domum deductio является настоящимъ исходнымъ пунктомъ семейной жизни, которому предшествуютъ, особенно въ бракѣ куплей (отъ котораго у арійцевъ сохранились только символы), двѣ подготовительныя ступени, заключеніе брака и вступленіе въ бракъ. Домъ въ полномъ смыслѣ этого слова переходитъ только къ сыновьямъ, и только эти послѣдніе могутъ быть наслѣдниками, между которыми дѣлится имущество отца; женщины сначала не имѣютъ выдѣленной собственности. У арійскихъ народовъ былъ въ большомъ ходу тотъ способъ возстановить угасающій родъ, о которомъ мы говорили выше, и который заключался въ признаніи сына дочери за собственнаго сына. Всѣ принадлежащіе къ семьѣ составляютъ общину (койнонію) съ опредѣленными религіозными обязанностями. Для обезпеченія ей расположенія боговъ и душъ предковъ учрежденъ домашній культъ, въ которомъ собственными жрецами служатъ домохозяинъ и его жена, и изъ котораго впослѣдствіи развился болѣе тѣсный кругъ родни ближней, въ отличіе отъ дальней.

Рядомъ съ домашней общиной стоитъ широкій кругъ всей родни, которая выдѣлилась мало по малу изъ одного дома; это братство, которое заключаетъ въ себѣ спеціально арійскіе зачатки общественнаго строя, начинаетъ складываться въ монархическую форму быта и сохраняетъ право и обязанность кровавой мести. Далѣе, къ роду примыкаетъ племя: это древне-арійскій военный строй, военная организація родственныхъ братствъ. Племя тоже принимаетъ монархическую форму, и племенные pati (phylobasileis), власть которыхъ представляетъ подражаніе власти домохозяина, ложатся въ основаніе арійскаго царскаго достоинства. Далѣе этого арійская государственная организація не пошла. За предѣлами племени арійцы знаютъ сначала только слабыя, произвольныя, международныя сношенія [1]).

Таковы тѣ результаты, къ которымъ пришелъ Лейстъ послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій. Картина, которую я начертилъ здѣсь въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, разработана имъ до мелочей, и мы не можемъ сомнѣваться, что большинство тѣхъ учрежденій, которыя онъ относитъ къ обще-индо-германской эпохѣ, дѣйствительно, къ ней и относятся. Отсылая читателей за подробностями къ подлиннику, я коснусь здѣсь только такихъ частностей, которыя показываютъ, что по учрежденіямъ индо-германцевъ прошла не разъ и не два чья-то опытная рука. Кому принадлежитъ эта рука, мы увидимъ ниже. Похоронный и свадебный ритуалъ древнихъ индій-

[1]) Leist. Altarisches Jus civile. II, 379—380.

цевъ разработанъ до мелочей и представляетъ много совпаденій съ ритуалами древнихъ народовъ, такихъ совпаденій, которыя не могутъ быть случайными и настолько сложны, что должны были имѣть не народное, а индивидуальное происхожденіе. Изъ этихъ совпаденій отмѣчу нѣкоторыя. Послѣ рожденія ребенка и послѣ смерти родственника семья или роженица считаются нечистыми и должны очиститься путемъ особаго жертвоприношенія. Время, въ которое семья считается нечистою, у грековъ, римлянъ и индійцевъ одинаково продолжается девять дней, причемъ особенно нечистыми признаются первые три. Черезъ годъ послѣ смерти покойникъ изъ разряда ближайшихъ родственниковъ переходитъ въ группу предковъ, изъ которыхъ три первые (отецъ, дѣдъ и прадѣдъ) еще называются по именамъ. Перенося покойнаго отца въ разрядъ усопшихъ предковъ, индійцы тѣмъ самымъ вводили прадѣда въ группу уже безыменныхъ духовъ предковъ. Поэтому въ первую годовщину смерти отца вся родня собиралась на торжественный обѣдъ, на которомъ совершалась тризна по покойномъ. Этотъ обѣдъ извѣстенъ и грекамъ, и римлянамъ подъ названіемъ perideipnon и solicernium; греки, которые культъ предковъ не выработали до такой ясности, какъ индійцы, исходили однако въ этомъ случаѣ изъ убѣжденія, что до году покойникъ еще не совсѣмъ умеръ и нуждается въ успокоеніи; по словамъ Платона, который сохранилъ самый яркій образъ древне-греческаго θέμις, онъ только черезъ годъ достигаетъ своей цѣли; на этомъ пиру присутствуютъ у всѣхъ трехъ названныхъ народовъ лишь тѣ родственники, которые носятъ у нихъ особыя наименованія, т. е. дѣти, внуки и правнуки, и въ развитіи этого родственнаго начала опять нельзя не видѣть древне-арійскаго учрежденія.

Теперь я укажу на очень знаменательное совпаденіе въ области арійскаго счисленія времени. Въ отличіе отъ семитическаго 12-ричнаго счисленія арійцы уже въ древнѣйшую эпоху своего совмѣстнаго жительства выработали систему счета по десяткамъ и сотнямъ. Уже давно сдѣлалось, кромѣ того, ходячей истиной, что впервые начали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ жители Месопотаміи, откуда начатки астрономіи перешли въ Египетъ и другіе центры древней цивилизаціи. Насколько все это справедливо, я не спорю, но только я думаю, что и арійцы, для которыхъ рожденіе ребенка представлялось дѣломъ такой первой важности, не могли не обратить вниманія на связь, существующую между лунными фазисами и теченіемъ утробной жизни ребенка. И вотъ они пришли къ убѣжденію, что „годъ беременности“ состоитъ изъ 10 лунныхъ мѣсяцевъ, а отсюда было не далеко до обобщенія, что годъ состоитъ всегда изъ 10 мѣсяцевъ. Слѣды этого лѣтосчисленія, уже очень вытѣсненнаго семитическими вліяніями, сохранились въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ не только въ Индіи, но и въ Греціи и въ Римѣ [1]). Объ этомъ есть прямыя сви-

[1]) Altarisches Jus Gentium. 266—268.

дѣтельства Овидія и Цицерона, а Авлъ-Геллій, черпавшій изъ старыхъ источниковъ, положительно утверждаетъ, что „во времена Гомера такъ-же, какъ въ эпоху Ромула, годъ состоялъ не изъ 12, но изъ 10 мѣсяцевъ". Въ брахманической литературѣ выраженія въ родѣ: „черезъ годъ родился ребенокъ" далеко не рѣдкость.

Слѣдующее совпаденіе, на которое я хочу указать, я беру изъ области нравственныхъ воззрѣній грековъ и индійцевъ. Платонъ передаетъ ученіе Мистерій, по которому убійцу постигаетъ въ аду возмездіе со стороны убитаго, убивающаго его здѣсь своей рукой; это ученіе даже по выраженіямъ согласно съ древне-индійской теоріей, высказанной въ одной изъ брахманическихъ книгъ. Обосновывая свою теорію загробной жизни, Платонъ, этотъ вѣрный хранитель древне-арійскихъ жреческихъ традицій, восклицаетъ: „все, что имѣетъ душу, измѣняется, потому что заключаетъ въ себѣ самомъ причину измѣненія". Съ этимъ взглядомъ Лейстъ сопоставляетъ [1]), и мнѣ кажется, не безъ основанія, браминскіе догматы: „никакое дѣйствіе не проподаетъ" и „преступленіе не можетъ оставить преступника".

Однимъ изъ способовъ взысканія долга въ Индіи былъ слѣдующій: кредиторъ въ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ браминской кастѣ, усаживается передъ домомъ должника и, держа въ рукахъ ядъ и кинжалъ, угрожаетъ лишить себя жизни, если должникъ пройдетъ мимо него. Съ этой минуты онъ начинаетъ поститься, и обычай заставляетъ неисправнаго должника, сидящаго такимъ образомъ подъ домашнимъ арестомъ, продѣлывать тоже самое. Кто дольше выдержитъ этотъ добровольный постъ, тотъ и выходитъ побѣдителемъ изъ этой странной борьбы. Въ древне-римскомъ правѣ существуетъ поразительное подобіе этому способу взысканія долга, состоящее въ такомъ же „перепощиваніи" лица, которое надо побудить къ тому или другому поступку [2]). Врядъ-ли здѣсь можетъ быть рѣчь о случайномъ совпаденіи.

Для того, чтобы дать образчикъ совпаденія между римскимъ и индійскимъ долговымъ правомъ, я приведу обще-арійское учрежденіе, заставляющее должника, отрицающаго свои обязательства, уплатить двойную сумму долга. Браминское положеніе гласитъ такъ: „кто лжетъ и уличенъ, долженъ заплатить деньги, и столько же дать царю" или такъ: „кто приноситъ ложную жалобу, долженъ уплатить вдвое противъ требуемой суммы"; римскій законъ принялъ почти ту же форму.

Я могъ бы привести еще очень много совпаденій изъ различныхъ областей древне-арійскаго права, такъ какъ до сихъ поръ я бралъ при-

[1]) Ibd. 280.
[2]) J. Gent. 475.

мѣры лишь изъ первой, важнѣйшей книги Лейста, но, чтобы не утомлять вниманія читателей, я ограничусь однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Уголовное право грековъ, какъ и индійцевъ, развилось изъ того убѣжденія, что изъ всѣхъ преступленій непростительно лишь одно: отцеубійство. Къ нему мало по малу примкнули другія преступленія путемъ правоваго развитія, характернаго для обоихъ народовъ: въ Индіи на равную ногу по своей преступности стало сначала убійство учителя, потомъ ученаго и брамина, а въ Греціи сначала убійство братьевъ и другихъ родныхъ, потомъ убійство сочлена той же филы и, наконецъ, убійство согражданина [1]). Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ обще-арійскую эпоху жрецъ еще не занималъ того положенія, до котораго онъ достигъ въ Индіи. Тѣмъ не менѣе, отрицать значеніе жрецовъ уже въ ту пору нѣтъ никакой возможности. Дѣйствительно, въ Индіи рядомъ съ жрецами стоятъ брамины, въ Римѣ flamines и pontifices, въ Греціи экзегеты и жрецы; и институтъ этихъ экзегетовъ, комментаторовъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей эпохѣ исторіи индо-германцевъ. „Основные элементы права, особенно арійскаго", говоритъ Лейстъ [2]): „предшествуютъ возникновенію народа (sind vorvolkliche). Они существовали уже тогда, когда были еще только арійскія семьи, роды и племена, еще не доросшіе до народовъ qui suis legibis vel moribus reguntur. Право еще не есть фиксированное въ мѣстныхъ территоріальныхъ границахъ и находящееся подъ свѣтской опекой народное сознаніе, но есть господствующая въ арійскихъ племенахъ религіозно-нравственно-правовая вѣра въ то, что извѣстный строй вещей богамъ угоденъ, но добиваться его каждому съ помощью боговъ предоставлено самому. Въ виду такого характера права было естественно, что первыми толкователями его были жрецы. Благодаря прежде всего имъ, нормы, сначала еще не установившіяся и не опредѣленныя, мало по малу пріобрѣли болѣе постоянную форму". Въ Греціи на экзегетахъ лежала прямая обязанность законодательства, въ Индіи браминамъ принадлежитъ огромная юридическая литература, въ Римѣ на pontifex'ахъ покоился pax deûm, обусловленный правильнымъ соблюденіемъ обрядовъ.

Въ виду того, что весь строй арійской жизни покоился на культѣ предковъ, а ему должна предшествовать теоретическая разработка ученія о загробномъ существованіи духа, разработка, связанная съ практической регламентаціей обрядовъ, я не колеблюсь приписать огромное значеніе въ дѣлѣ образованія обще-индо-германской культуры жрецамъ и говорить о жреческой организаціи индо-германцевъ.

---

[1]) Leist. ibd. 443.

[2]) Jus Civile II, 398.

Отдѣльные обряды и формулы могутъ заимствоваться и, дѣйствительно, переходятъ отъ народа къ народу, но если двѣ культуры построены на одномъ и томъ же принципѣ, здѣсь на одинаково развитомъ и систематически истолкованномъ культовъ предковъ,— то это можетъ объясняться двояко: или обѣ культуры являются наслѣдницами потомками третьей, или одна изъ нихъ принадлежитъ народу, совершенно усвоившему себѣ чужую культуру. Для насъ оба случая тождественны: въ обоихъ случаяхъ древность происхожденія того культурнаго строя, который изслѣдовалъ Лейстъ, отодвигается очень далеко, къ той эпохѣ, когда такія индо-германскія племена, какъ арійцы и италійцы, были еще сосѣдями.

Рамки своего изслѣдованія Лейстъ ограничилъ матеріаломъ древне-индійскимъ и греко-италійскимъ, исключивъ изъ подробнаго разсмотрѣнія другія народности. Какое-же положеніе по отношенію къ древней культурѣ заняли кельтскія и германскія племена? На это мы находимъ у Лейста слѣдующій отвѣтъ [1]): „Ирійская фамилія знаетъ систему близкаго родства, которая въ своихъ основныхъ элементахъ является очевидно тождественною съ системою индійскаго sapinda, греческихъ и римскихъ propinqui“. Ирійская организація рѣзко отличается отъ индо-греко-италійской только въ томъ отношеніи, что въ послѣдней выдвигается на первый планъ ея связь съ культомъ предковъ, тогда какъ въ первой осталось уже мало слѣдовъ ея. Арійская фамилія обнимаетъ отношенія между живыми людьми и даетъ основанную на нихъ систему наслѣдственнаго права. Въ этомъ можно видѣть доказательство того, что при множествѣ фундаментальныхъ совпаденій между арійскимъ и индо-греко-италійскимъ строемъ они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разошлись такъ же далеко, какъ ихъ языки. „Что касается германцевъ, то и въ отношеніи къ системѣ правового дѣленія на близкое и дальнее родство [2]), и въ другихъ отношеніяхъ германцы, равно какъ и славяне, стоятъ отъ индійской культуры дальше, чѣмъ кельты“. Такимъ образомъ, по словамъ Лейста (492), „die indo-gräcoitalokeltische Institution der Nahverwandtschaft zu den Germanen nicht gelangt, oder bei ihnen wieder verschwunden ist“. Нѣтъ сомнѣнія, что Лейстъ склоняется ко второй части дилеммы, и что въ германцахъ онъ видитъ одичалыхъ потомковъ культурныхъ предковъ. Такъ напр., „у германскихъ народовъ, у которыхъ вслѣдствіе суровости (Wildheit) времени на огромное большинство случаевъ убійства стали смотрѣть какъ на преступленія простительныя, вѣра не достигла точно установленной системы“ [3]). Подобно этому Лейстъ

---

[1]) Jus. Civ. I, 476.

[2]) Ibd. 491.

[3]) Jus Gentium 294.

думаетъ, что у германцевъ вся жреческая организація (das gesammte Priesterwesen) отошла на задній планъ [1]).

На славянскаго этнографа изслѣдованіе Лейста налагаетъ очень важныя задачи.—Не можетъ быть сомнѣнія, что ѳракійцы и геты держались культа предковъ, что при развитіи у нихъ жреческаго сословія и обилія мистическихъ культовъ мы встрѣчаемся съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ формъ религіознаго строя. У одной изъ ѳракійскихъ народностей (у агаѳирсовъ) мы видимъ и старую форму этого религіознаго закона. Я приведу здѣсь замѣчательное сообщеніе Аристотеля (Проблемы 28): „Почему нѣкоторыя пѣсни называются νόμοι. Не потому-ли, что до изобрѣтенія письменности пѣли законы, чтобы не забыть ихъ, какъ это и теперь еще въ обычаѣ у агаѳирсовъ!“

Славяне издавна сосѣдили съ различными ѳракійскими племенами; явившись на балканскій полуостровъ, они еще нашли тамъ остатки стараго ѳракійскаго населенія (бессовъ и др.) и заимствовали отъ нихъ мѣстныя названія, въ родѣ Эмона (Haemus), Осема (Asemus), Янтры (Iatrus), Пловдивъ (Филиппополь, ѳрак. Pulpudeva) и др. [2]). Да и не говоря объ этомъ сосѣдствѣ, и безъ того чрезвычайно любопытно прослѣдить принципы древнеславянской жизни, поскольку они выясняются изъ современной славянской этнографіи [3]).

---

[1]) Ibd. 349. Здѣсь я напомню совпаденіе древне-индійскихъ и древне-германскихъ заговоровъ, давно уже отмѣченное поразительное сходство (въ родѣ запрещенія бобовъ, мистической символики чиселъ) пиѳагоровскаго (жреческаго?) ученія съ до будійской системой самикъ, о которой прекрасное изслѣдованіе принадлежитъ Гарбе и т. д.

[2]) Jirecek. Fürstenthum Bulgarien. s. 4, 9 и др.

[3]) Въ послѣднее время вопросъ о родовомъ бытѣ у древнихъ славянъ возбудилъ опять живѣйшій интересъ среди ученыхъ въ трудахъ чешскихъ ученыхъ, Кадлеца и Пейскера, польскаго ученаго О. Бальцера, нѣмецкихъ—Кона и Мейтцена и др.; онъ подвергся всесторонней разработкѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь мы не имѣемъ возможности изложить современное положеніе этого вопроса. По Литовскому обычному праву интересны послѣднія работы г. Виторпа въ львовскомъ польскомъ журналѣ Lud. Очень цѣнный матеріалъ по литовскому обычному праву печатается ежегодно въ „Памятныхъ книжкахъ Ковенской губ.“ подъ редакціей г. Гуковскаго.

VI.

Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ [1]).

Мм. Гг. [2]).

Рѣшаясь выступить передъ вами съ отзывомъ о книгѣ, посвященной жгучему вопросу о національныхъ особенностяхъ, я чувствую себя обязаннымъ выяснить основанія, опредѣлившія мой выборъ. Мы такъ часто говоримъ о національной литературѣ, о національной политикѣ или даже церкви, что опредѣлить точнѣе, что именно мы разумѣемъ подъ національностью, показалось мнѣ весьма важной задачей. И что-же? Едва я приступилъ къ изученію различныхъ теорій о національныхъ особенностяхъ, я увидѣлъ, что всѣ онѣ построены на совершенно субъективныхъ допущеніяхъ, что всѣ онѣ проникнуты симпатіями и антипатіями къ той или другой народности, и что въ большинствѣ изъ нихъ кроется мистическая вѣра въ предназначеніе націй, та же вѣра, которая проникаетъ созданія польской лиры Красинскаго и Словацкаго, та же вѣра, которая внушила Бѣлинскому идею опредѣлить на трехъ страницахъ предназначеніе пяти народовъ (въ началѣ статьи о Державинѣ). Эти писатели, взявшіе на себя скромную роль историческаго Провидѣнія, давали полный просторъ субъективной фантазіи, и если я упоминаю о нихъ, то дѣлаю это только потому, что тѣмъ же субъективизмомъ проникнуты и всѣ извѣстныя мнѣ національныя теоріи новѣйшаго времени. Мой выборъ книги Vierkandt'a обусловленъ—я готовъ признаться въ этомъ—тоже субъективными симпатіями, но я не смущаюсь этимъ, такъ какъ до разрѣшенія вопроса о національныхъ особенностяхъ, мнѣ кажется, еще очень, очень далеко: для такого изслѣдованія не выработанъ даже методъ, а потому я нисколько не грѣшу передъ наукой, прося васъ, мм. гг., прослѣдить ходъ моихъ воззрѣній и указать мнѣ, въ чемъ я правъ или неправъ.

Прежде всего, я долженъ сказать, что позволю себѣ совсѣмъ миновать то множество статей о народныхъ свойствахъ различныхъ племенъ, которыми кишатъ популярно-научные журналы (напр. Revue des Revues). Не скрою отъ васъ, мм. гг., что всѣ эти статьи ужасно смахиваютъ на сочиненія гимназистовъ или гимназистокъ 4-го класса, гдѣ эти юные писатели изощряютъ свой умъ въ характеристикахъ

---

[1]) По поводу книги: Alfred Vierkandt Naturvölker und Kulturvölker. Ein Beitrag zur Socialpsychologie. Leipzig. 1896.

[2]) Читано въ засѣданіи Философскаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ 8 апр. 1899 г.

разнаго рода личностей, которыя получаютъ отъ нихъ похвальные или непохвальные отзывы, въ родѣ того, что „онъ былъ хорошій, честный, высокій, трудолюбивый, съ синими глазами". Такая поспортная классификація можетъ удовлетворить только самыхъ невзыскательныхъ читателей, которые готовы вѣрить на слово, что у всякаго человѣка и у всякаго народа есть свои „особыя примѣты". Поэтому я обращусь прямо къ теоріямъ, претендующимъ на научное значеніе. Тутъ мнѣ невольно приходится повторить истрепанную поговорку: „habent sua fata libelli". Дѣло въ томъ, что въ 1835 г. графъ Гобино выпустилъ большое, 4-томное сочиненіе: „О неравенствѣ человѣческихъ расъ", въ которомъ думалъ доказать, что все великое, что сдѣлано въ культурѣ человѣчества, принадлежитъ бѣлолицымъ племенамъ; среди же нихъ первое мѣсто уступлено услужливой природой намъ, арійцамъ; впрочемъ, не совсѣмъ намъ, короткоголовымъ и темноволосымъ славянамъ или германцамъ, а нашимъ предкамъ, обитателямъ сѣвера, длинноголовымъ, высокорослымъ, рыжеволосымъ и голубоглазымъ героямъ, которые только и ждали случая, чтобы подраться, и были одержимы какой-то маніей бродяжничества. Этимъ-то великимъ предкамъ нашимъ, этимъ „свѣтловолосымъ звѣрямъ", Ницше не пожалѣлъ уступить тоій „морали господъ", которая должна спасти міръ отъ рабскоій нравственности христіанства.

Книга Гобино прошла довольно незамѣтно: она отразилась на двухъ-трехъ работахъ антропологовъ, которые занимались арійскимъ вопросомъ и рады были найти союзника въ лицѣ многознающаго и краснорѣчиваго француза, надѣлявшаго ихъ излюбленныхъ аріійцевъ такими блестящими качествами (это были Пёше и Пенка). Но надо сознаться, что труды Пенки особой научностью не отличаются также. Какъ бы то ни было, до половины 90-хъ годовъ книга гр. Гобино покоилась мирнымъ сномъ въ пыли книжныхъ полокъ. Теперь (въ 1898 г.) потребовалось новое изданіе ея: пророкъ нашелъ вѣрныхъ учениковъ, и аріійцы возстановлены въ своемъ званіи умственныхъ вождей человѣчества. Умилительно слушать, съ какой нѣжностью говорятъ о нихъ ученые, повѣрившіе аріійцамъ въ кредитъ всякія достоинства. „Въ дѣйствительности, аріецъ способенъ ко всему, выше во всѣхъ отношеніяхъ: и въ земледѣліи, и въ промышленности, и въ торговлѣ, и въ мореплаваніи", восклицаетъ Лапужъ въ одноій изъ послѣднихъ книжекъ журнала: „Revue d'économie politique" (1897). На чемъ же основана такая высокая оцѣнка аріійцевъ, которые, дѣйствительно, обладали, повидимому, тѣми антропологическими свойствами, какія имъ приписываются обыкновенно по скольку можетъ идти рѣчь объ единомъ антропологическомъ типѣ какого-либо народа. На томъ, что по закону, установленному впервые нѣмецкимъ ученымъ Аммономъ [1]),

[1]) Revue internationale de Sociologie. Mars. 1898.

„повсюду, гдѣ народъ германскаго племени смѣшанъ съ брахицефальнымъ населеніемъ, длинноголовые концентрируются въ городахъ, которые вслѣдствіе этого болѣе длинноголовы, чѣмъ средній уровень деревни". Въ послѣднее время Лапужъ доказываетъ, что длинноголовые французскіе департаменты богаче короткоголовыхъ, что въ нихъ больше велосипедовъ, а это указываетъ на большую потребность ихъ населенія въ передвиженіи. Единственный выводъ, который можно сдѣлать отсюда, заключается, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ: между жизнью въ городѣ (или въ извѣстномъ департаментѣ) и длинноголовостью человѣка существуетъ какое-то соотношеніе; врядъ-ли можно заключить отсюда съ логической необходимостью, что города основываются и населяются длинноголовыми именно потому, что они особенно пригодны къ извѣстнаго рода дѣятельности. Но если бы даже это было такъ, все же психическое различіе короткоголоваго и длинноголоваго населеній сводилось бы къ разницѣ только качественной, а никакъ не количественной. Дѣйствительно, тотъ же Аммонъ констатируетъ, что въ городахъ Бельгіи и Англіи, гдѣ деревенское населеніе вообще длинноголово, головной показатель городского населенія вообще ниже; это объясняется этническими примѣсями, а въ нравственномъ отношеніи такая примѣсь отразилась чрезвычайно благопріятно, давъ германской пылкости характера больше равновѣсія. Значитъ, прибавляя къ расѣ той или другой крови, можно вызвать тѣ или другія духовныя измѣненія; это возможно только при условіи, что между расовыми психическими особенностями разница только въ степени, т. е. что у одной расы больше энергіи, у другой меньше. Если бы каждая изъ расъ представляла вполнѣ обособленный духовный типъ, никакихъ взаимодѣйствій быть не могло бы. Французское населеніе, какъ и населеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, состоитъ, говоря съ точки зрѣнія Аммона и Лапужа, изъ расъ долихоцефальной, брахицефальной и мезоцефальной (среднеголовой). Если это такъ, то можно говорить лишь о національныхъ особенностяхъ каждой изъ расъ, а никакъ не о національныхъ особенностяхъ французовъ вообще. Или же, если и эти ученые признаютъ за французами что-то такое, что слѣдуетъ отнести на счетъ ихъ національности, то эту послѣднюю нужно видѣть уже не въ антропологическомъ составѣ населенія, а въ чемъ-то другомъ. Другими словами, при этой точкѣ зрѣнія за предѣлами тѣхъ психическихъ свойствъ, какія вызваны физическимъ строеніемъ человѣка, останется еще цѣлый рядъ свойствъ, навязанныхъ человѣку его національностью и объединяющихъ людей разныхъ расъ, но одного народа, въ одно духовное національное цѣлое. Развивая эту мысль до конца, придется сказать, что цивилизація, созданная національнымъ духомъ народа, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми свойствами его, которыя находятся въ зависимости отъ головного показателя; другими словами, придется придти къ выводу, что между расой и національностью

нѣтъ ничего общаго. Одна и та же раса живетъ и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Бельгіи, и во Франціи; но каждая изъ этихъ странъ имѣетъ свой національный духъ. Или то, или другое: или расовыя, или національныя особенности. Допустимъ въ угоду обычному взгляду, что существуетъ послѣднія въ ущербъ первымъ. Это заставитъ насъ сказать, что національныя особеннности не кроются въ физической природѣ народа, а если это такъ, то онѣ вызваны его исторіей (исторіей, такъ сказать, *случайной*) или навѣяны ему извнѣ. Тутъ мы приходимъ къ другой теоріи, которую я позволю себѣ представить на вашъ судъ.

Въ 1897 г. въ двухъ номерахъ журнала „Revue philosophique“ извѣстный соціологъ Gustave Le-Bon, выступилъ съ изслѣдованіемъ „Соціализма по расамъ“. Какъ видно изъ введенія, онъ задумалъ доказать, что народныя учрежденія являются послѣдствіемъ наслѣдственной умственной организаціи народа, продуктомъ расы. Расъ чистыхъ съ точки зрѣнія антропологической теперь уже нѣтъ, но есть расы историческія, образовавшіяся благодаря случайнымъ переселеніемъ и завоеваніямъ. Эта пестрая амальгама, эта „смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“ оказывается, по мнѣнію Le-Bon, обладательницей извѣстныхъ неизмѣнныхъ идеаловъ, извѣстныхъ національныхъ особенностей, которыя служатъ неизмѣннымъ субстратомъ для чертъ перемѣнныхъ и подвижныхъ. Такимъ непремѣннымъ идеаломъ у романскихъ народовъ является подчиненіе личности государству (монархіи или республикѣ безразлично), у германскихъ наоборотъ: подчиненіе государства личности. Коллективизмъ и индивидуализмъ: вотъ національные идеалы съ одной стороны романскихъ, съ другой германскихъ народностей. „Каково бы ни было номинальное правленіе у латинскихъ народовъ“, говоритъ Лебонъ: „дѣятельность государства будетъ всегда имѣть у нихъ перевѣшивающее значеніе, роль частныхъ лицъ будетъ всегда ничтожна. У англо-саксонцевъ тѣ-же монархическое и республиканское правительства осуществляютъ идеалъ, діаметрально противоположный латинскому“. Такимъ образомъ взглядъ выраженъ чрезвычайно отчетливо. Но что подразумѣваетъ Лебонъ подъ расой? Очевидно, не физическій типъ племени, потому что латинскія расы (хотя бы французы) продуктъ смѣшенія германскихъ и кельтскихъ элементовъ, подвергшихся культурному вліянію изъ Рима. Съ другой стороны, и англо-саксы въ Америкѣ не единственные основатели Соединенныхъ Штатовъ, населеніе которыхъ представляетъ настоящій этнографическій музей европейскихъ народовъ. При такомъ положеніи вещей прямо поражаешься, когда читаешь слѣдующее замѣчаніе Лебона: „Характеръ такъ называемыхъ латинскихъ народовъ (здѣсь *примѣчаніе:* „если они не всегда латинскіе по крови, то все-же они латинскіе по своей цивилизаціи, а особенно по своимъ учрежденіямъ и воспитаніямъ“), т. е. характеръ ихъ языка, цивилизаціи

и воспитанія легко объясняетъ ихъ современное положеніе. Со времени Цезаря этотъ характеръ измѣнился мало. Они обладаютъ—особенно кельты—слѣдующими характерными особенностями: ихъ умъ очень живъ, воля и постоянство очень слабы".

При чемъ тутъ національныя особенности кельтовъ, если въ развитіи характера французскаго рода играла роль только латинская цивилизація его, общая и другимъ романскимъ націямъ, испанцамъ, итальянцамъ и румынамъ, хотя эти послѣдніе никакъ не укладываются въ рамки схемы Лебона? Допустивъ даже, что характеристика его вѣрна, все-же нельзя не видѣть, что онъ попалъ въ то же затрудненіе, въ какомъ запутались антропологи: съ одной стороны, особенности племенныя (германскія, кельтскія) происхожденія расового, съ другой—характеръ національный, продуктъ цивилизаціи. И что всего хуже: эта дилемма никакъ не допускаетъ компромисса. Національность—вродѣ короткаго мѣшка, куда нужно упрятать длиннаго человѣка: спрячешь ноги, высунется голова; скроешь голову, вылѣзутъ ноги. Остается согнуть человѣка, но и это не помогаетъ: мѣшокъ лопается по швамъ, какъ лопаются національныя теоріи Лапужа или Лебона.

Во всякомъ случаѣ, важно уже и то, что Лебонъ отводитъ исторіи извѣстное мѣсто въ образованіи національнаго характера народовъ. Отсюда одинъ шагъ до теоріи „культурно-историческихъ типовъ", выставленной съ такой эрудиціей покойнымъ Данилевскимъ въ книгѣ: „Россія и Европа", развитой моимъ уважаемымъ учителемъ Вл. Ив. Ламанскимъ въ этюдѣ о „Трехъ мірахъ арійско-европейскаго материка". При всемъ моемъ почтеніи къ авторитетамъ Данилевскаго и Вл. Ив. Ламанскаго, я долженъ сознаться, что эта теорія удовлетворяетъ меня не болѣе, чѣмъ всѣ остальныя. Я никакъ не могу понять, почему „начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа". Тѣ примѣры, которые приводитъ Данилевскій, представляются мнѣ прокрустовымъ ложемъ, на которую приходится уложить непослушную теорію. Теорія Данилевскаго прямо противоположна воззрѣніямъ Лебона: послѣдній видѣлъ національныя особенности латинскаго народа у романизированныхъ кельтовъ, первый отрицаетъ самую возможность романизированія. По крайней мѣрѣ, такъ нужно бы думать на основаніи указаннаго принципа, а также замѣчанія, что вліяніе одной цивилизаціи на другую можно уподобить прививкѣ: „за организмомъ оставляется его специфическая образовательная дѣятельность; только матеріалъ, изъ котораго онъ долженъ возводить свое органическое зданіе, доставляется въ бо́льшемъ количествѣ и въ улучшенномъ качествѣ". Если это такъ, то романскихъ народовъ, въ смыслѣ Лебона, быть не можетъ; но совершенно постольку же не можетъ существовать и ро-

мано-германскій культурно-историческій типъ, потому что между кельтами и германцами навѣки останется непроходимая пропасть, черезъ которую не перебросишь никакого моста въ видѣ наносной цивилизаціи. Да и самый критерій культурно-историческаго типа Данилевскаго представляется мнѣ чрезвычайно сомнительнымъ. Въ чемъ заключается самобытность народа? Въ „своемъ бытѣ и нравахъ, своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, своемъ складѣ мысли и чувствъ, какъ единственно ему свойственныхъ“ [1]). Конечно, все это довольно неопредѣленно, но я не стану останавливаться на этомъ, а только спрошу, съ какого времени начинается указанная національная самобытность. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующій законъ: „Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою—для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще по своимъ духовнымъ задаткомъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества“. Было время, когда греки, латиняне, кельты, германцы, славяне и многіе другіе народы составляли одно племя; они могли понимать другъ друга такъ же легко, какъ мы понимаемъ другъ друга, т. е. имъ не для чего было прибѣгать къ „глубокимъ филологическимъ изслѣдованіямъ“ или словарямъ. Къ тому же культура этого единаго племени, на выясненіе которой потрачена масса труда лингвистами и археологами, стояла уже на довольно высокой стадіи развитія: наши предки знали домашнихъ животныхъ, были знакомы съ земледѣліемъ и металлургіей. Я думаю, что имъ и самъ Данилевскій далъ бы „аттестатъ зрѣлости“ и выпустилъ бы ихъ изъ „младенческаго состоянія“. Значитъ, можно говорить о національныхъ особенностяхъ арійскаго племени; но къ нему принадлежатъ и греки, и римляне, которые, оказывается, представляютъ совершенно самобытныя единицы, отгороженныя другъ отъ друга національностью, которая превыше китайскихъ стѣнъ. Отсюда приходится сдѣлать выводъ, что національныя особенности могутъ совершенно стереться, какъ стерлись черты общаго арійскаго происхожденія въ нравственныхъ физіономіяхъ грековъ и римлянъ. Разъ это такъ, нечего уже и говорить о неизмѣнности національнаго типа; почтенная древность не признаетъ ни за однимъ народомъ чертъ, „ему единственно свойственныхъ“. Если разселеніе разъединило племена одного культурно-историческаго типа, какимъ несомнѣнно (съ точки зрѣнія разбираемой теоріи) былъ арійскій пра-народъ, то сосѣдство можетъ поставить нѣсколько племенъ въ одни условія жизни, заставить ихъ стремиться къ одной

[1]) Стр. 105.

цѣли и въ концѣ концовъ создать одну цивилизацію, при которой физическія племенныя различія не будутъ играть никакой роли. Не даромъ мужъ и жена, проживъ вмѣстѣ долгую жизнь, похожи другъ на друга. Не даромъ чехи и латыши очень мало отличаются своей нравственной физіономіей отъ нѣмцевъ, а древнѣйшая исторія германцевъ представляетъ чрезвычайно поучительныя данныя въ этомъ отношеніи: первоначальной формой германскаго государства былъ простой союзъ отдѣльныхъ племенъ, союзъ, при которомъ этническій составъ племени не имѣлъ никакого значенія. Такъ, въ маркоманскую войну (въ концѣ II в.) въ составъ большого германскаго союза, воевавшаго съ Маркомъ Авреліемъ, вошли и иранскіе аланы, въ IV в. императоръ Констанцій разбилъ квадовъ, жившихъ въ Седмиградіи и Венгріи въ перемежку съ сарматами; при этомъ оказалось, что иныя мелкія государства состояли опять таки изъ германскихъ и негерманскихъ элементовъ, которые уживались рядкомъ, не думая о „культурно-историческихъ типахъ“, которые были обязаны выработать. Въ началѣ V вѣка въ Испанію двинулись вандалы, и тутъ опять мы констатируемъ тотъ же фактъ; король вандаловъ назывался королемъ вандаловъ и аланъ, и въ названіи провинціи Каталаніи до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе о завоеваніи ея готами и аланами. Эти факты, число которыхъ можно бы значительно увеличить, показываютъ, что возможно полное сліяніе разноплеменныхъ народовъ, и что между цивилизаціей и національными особенностями, присущими единственно тому или другому народу, нѣтъ ничего общаго. Всѣ теоріи (Лапужа, Лебона, Данилевскаго) приходятъ, въ сущности, къ одному выводу: то, что позволяетъ отнести людей и народы къ одной группѣ, есть общность цивилизаціи. Развиваетъ-ли эта послѣдняя такія народныя особенности, которыя проходятъ черезъ всю его исторію, выражаются во всѣхъ проявленіяхъ и во всѣхъ членахъ народа? Только такъ, мнѣ кажется, и можно поставить вопросъ о національныхъ особенностяхъ.

Въ разсмотрѣнныхъ выше ученіяхъ, мнѣ кажется, мы имѣли дѣло съ мистикой. Есть еще одно мнѣніе, которое, не проповѣдуя догмата о томъ, что тотъ или другой народъ „аршиномъ общимъ не измѣрить“, „умомъ не понять“, что въ него можно только вѣрить, идетъ подъ флагомъ строго научной объективности. Въ видѣ представителя этого мнѣнія я разберу взглядъ покойнаго Градовскаго, высказанный имъ въ лекціяхъ о „Національномъ вопросѣ“ (1876). Лучшее выраженіе этого взгляда слѣдующее положеніе Градовскаго: „Типъ современнаго англичанина гораздо рѣзче отличается отъ типа современнаго француза, нежели типъ сакса пятаго столѣтія отъ типа франка того же времени“. Слѣдовательно, историческое развитіе приводитъ къ созданію типовъ, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить—и въ этомъ я вижу большую заслугу Градовскаго—что „простые физическіе, физіологическіе, такъ сказать, элементы не со-

ставляютъ народности; не должно смѣшивать народность съ племенемъ". Но дальше и Градовскій впадаетъ въ ту же ошибку, въ какую попали антропологи. Если національныя особенности складываются только въ исторической жизни, когда устанавливается масса опредѣленныхъ преданій, и если „огромное большинство европейскихъ народностей въ источникѣ своемъ разноплеменно", то, кажется, слѣдуетъ рѣзко подчеркнуть, что всѣ національныя особенности результатъ историческаго сожитія людей и племенъ, а не ихъ этническаго происхожденія. Вмѣсто этого Градовскій утверждаетъ, что „мы можемъ указать только въ каждомъ народномъ типѣ преобладающія черты того или другого племени". Каковы же признаки народности: не языкъ, потому что Швейцарія разноязычна, не религія, потому что у насъ въ современной Европѣ множество народностей, но одна „христіанская закваска", по выраженію Лилли („Книга о шиболлетахъ"), но національное сознаніе, сознаніе принадлежности своей къ одному и тому цѣлому. Таково воззрѣніе Градовскаго, которое, насколько мнѣ удалось замѣтить, представляется господствующимъ у образованной части нашего общества. Я позволю себѣ высказать предположеніе, что здѣсь скрывается заколдованный кругъ. Національное сознаніе могло быть только результатомъ національныхъ особенностей; національное сознаніе привело къ созданію національности и національныхъ особенностей. Другими словами: національныя особенности предшествуютъ объединенію людей, потому что вызываютъ это объединеніе, а это объединеніе приводитъ къ созданію національныхъ особенностей. Мало помогаетъ дѣлу, если даже сказать, что первоначально эти особенности были въ зародышѣ, и только потомъ „подъ вліяніемъ долгихъ историческихъ испытаній образуется національный типъ, и въ этомъ типѣ воплощается одна какая-либо сторона обще-человѣческихъ стремленій, свойствъ ума или фантазіи". Въ концѣ концовъ мы всегда придемъ къ такой группѣ людей, образованіе которой предшествовало даже зародышу національныхъ особенностей.

Мнѣ кажется, что дѣло проще. Національныхъ особенностей, которыя опредѣляютъ исторію народовъ, лежатъ въ „духѣ" его языка или вѣры, по моему мнѣнію, нѣтъ. Каждая корпорація, каждая среда, поставленная въ одинаковыя условія жизни, выработаетъ опредѣленный кодексъ воззрѣній и идеаловъ: русскій офицеръ можетъ походить на прусскаго гораздо больше, чѣмъ на своего статскаго соотечественника. Но у нихъ будетъ то общее, что оба они русскіе, русскіе не по своимъ національнымъ особенностямъ, а по національному самосознанію, которое, по выраженію Bernheim'a [1]), представляетъ своеобразное цѣлое (чувствъ и представленій), „оказывающее свое-

[1]) Lehrbuch der historischen Methode. 1899, стр. 451.

образныя вліянія вовнѣ и внутри, вовнѣ постольку, поскольку сознаніе, что та же сумма представленій существуетъ и въ другихъ соотечественникахъ, поддерживаетъ и подымаетъ патріотическое чувство у каждаго индивидуума“ [1]). Но эта сумма состоитъ изъ представленій, которыя вовсе не являются чѣмъ-то вполнѣ законченнымъ и неизмѣннымъ; вмѣстѣ съ прогрессомъ обще-человѣческой культуры можетъ измѣниться и національное самосознаніе, и тогда, можетъ быть, оба русскіе будутъ чувствовать себя уже не русскими, а какими-нибудь панславянами, космополитами. Отъ этого ихъ національныя особенности не измѣнятся: если отцы воспитали ихъ въ извѣстномъ кругу представленій, можетъ быть, и заимствованномъ у французовъ или англичанъ, они будутъ имѣть другія „національныя особенности“, чѣмъ какой-нибудь раскольникъ, вѣрный завѣтамъ старины. Говорятъ, что русскій языкъ отрывистый, короткій, нѣмецкій—любитъ длинные періоды, и что это различіе указываетъ на разницу въ мышленіи, которое у русскаго ясно и отчетливо, а у нѣмца отличается философскимъ пошибомъ. По моему, это замѣчаніе принадлежитъ къ типу воззрѣній Градовскаго: всякій языкъ начинается съ отрывистой рѣчи (санскритскій, гомеровскій греческій); попадая въ руки философовъ, онъ получаетъ отдѣлку: Платонъ писалъ періодами на томъ же языкѣ, на которомъ Гомеръ пѣлъ отрывистой рѣчью. Индійская философія замысловата, какъ нельзя больше и требовать, а санскритскій языкъ такъ и не выработалъ періода. Я повторилъ бы приблизительно то же, если бы мнѣ стали указывать на народную поэзію, этику и т. п. Я думаю даже, что самое національное сознаніе, которому, несомнѣнно, слѣдуетъ приписать большую роль въ образованіи обще-народныхъ вкусовъ и идеаловъ, развилось искусственнымъ образомъ подъ вліяніемъ необходимости защищаться отъ сплоченной массы враговъ: такъ развились германское и славянскія государства. Необходимость развитія нѣсколькихъ національныхъ заразъ прекрасно подмѣчена соціологомъ Гумпловичемъ [2]). Такимъ образомъ, чтобы ясно формулировать свой взглядъ, я позволю себѣ нарисовать слѣдующую, совершенно невѣроятную картину. Представьте себѣ, что собрали человѣчество со всего свѣта и стали людей одинаковаго умственнаго развитія класть въ одинъ ящикъ, какъ маріонетокъ; что потомъ эти ящики расположили въ одинъ длинный рядъ: низшее развитіе въ одномъ концѣ, высшее въ другомъ, а въ серединѣ промежуточныя ступени; тогда оказалось бы, что въ нижнихъ ящикахъ лежатъ люди, чрезвычайно похожіе другъ на друга, но по мѣрѣ

---

[1]) Ср. замѣчаніе Н. И. Карѣева: „Серьезныя изслѣдованія приводятъ насъ къ тому заключенію, что человѣческіе типы и темпераменты независимы отъ географическихъ и этническихъ условій“ („Основные вопросы философіи и исторіи“. 3-е изд. 1897, стр. 315).

[2]) Précis de Sociologie. Paris. 1896, p. 265.

повышенія ряда сходство все уменьшается и кончается полной дифференціаціей, полнѣйшей индивидуальностью, гдѣ уже не можетъ быть и рѣчи о національныхъ особенностяхъ. Кромѣ того, мы могли бы тогда придумать прямо рецепты для составленія національныхъ особенностей: напр., взять умственное развитіе такой-то степени, прибавить ту или другую религію и національное сознаніе, и получится представитель такого-то народа. Нечего и говорить, что такія національныя особенности не представляютъ чего-либо неизмѣннаго, національнаго; это—продуктъ постояннаго развитія, и остается найти только критерій для раздѣленія людей на культурныхъ и некультурныхъ. Мнѣ кажется, что Фиркандту посчастливилось найти его.

Онъ заключается въ различіи между произвольными и непроизвольными волевыми актами: въ первомъ случаѣ дѣйствіе вызывается раздраженіемъ, носитъ характеръ инстинктивный, во второмъ между внѣшнимъ раздраженіемъ и соотвѣтствующимъ ему волевымъ актомъ лежитъ длинный рядъ соображеній. Далѣе, въ первомъ случаѣ, связь идей, по терминологіи Вундта, ассоціативная, во второмъ—апперцептивная,—другими словами, пассивная, инстинктивная, и активная, произвольная. Духовная жизнь перваго типа руководствуется случайными внѣшними побужденіями, въ духовной жизни второго главная роль принадлежитъ внутреннимъ нормамъ, главная, но не исключительная, потому что на всѣхъ стадіяхъ культурнаго развитія люди не могутъ отдѣлаться отъ дѣйствій непроизвольныхъ, инстинктивныхъ. На нижнихъ культурныхъ стадіяхъ наблюдается внутреннее единство волевыхъ актовъ и умственной жизни; въ основаніи мышленія, воспріятія и чувствъ дикаря лежатъ извѣстные волевые акты. Изреченіе: „Чего хочешь, въ то и вѣришь“ опредѣляетъ миѳологическія представленія первобытныхъ народовъ, но оно оказывается справедливымъ и по отношенію къ народамъ культурнымъ, гдѣ также очень сильны разнаго рода предразсудки, непонятныя симпатіи и антипатіи, въ основѣ которыхъ лежатъ когда-то сказавшіяся требованія практической жизни.

Этотъ критерій опредѣляетъ и отношеніе индивидуума къ обществу въ обоихъ типахъ народовъ. Непроизвольныя дѣйствія и соотвѣтствующіе имъ акты сознанія проще, чѣмъ произвольныя, а потому оказываются въ большемъ согласіи у различныхъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что сходство отдѣльныхъ индивидуумовъ у первобытныхъ народовъ больше, чѣмъ у культурныхъ: у первыхъ властвуетъ все нивелирующій обычай, которому у вторыхъ оказывается все меньше и меньше почтенія. Такимъ путемъ Фиркандтъ приходитъ къ психологической классификаціи народовъ, въ основѣ которой лежитъ дѣленіе народовъ на двѣ группы. Къ первой группѣ, къ народамъ первобытнымъ, относятся тѣ, у которыхъ личность не развита, сознаніе связано; ко второй, народамъ полу- или вполнѣ культурнымъ, принадлежатъ тѣ, гдѣ личность находитъ свободное развитіе. Поэтому, къ числу вполнѣ-культурныхъ народовъ Фиркандтъ при-

числяетъ только древнихъ грековъ и западно-европейскіе народы новаго времени; средневѣковье и Римъ обладали, по его классификаціи, полу-культурой. Къ этой же группѣ относятся номады, кочующіе въ степной полосѣ стараго міра, а также тѣ осѣдлые народы, которые живутъ въ постоянныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ. Это—народы Судана, восточныя и доколумбовскія американскія государства. Отношеніе полу-культурныхъ къ вполнѣ-культурнымъ народамъ опредѣляется отношеніемъ низшей стадіи развитія къ высшей. Однако не всегда народы подымаются на эту высшую ступень развитія. Говоря о немъ, Фиркандтъ отстаиваетъ неравенство человѣческихъ породъ, для объясненія чего онъ приводитъ аналогію слѣдующаго рода: человѣка и антропоидную обезьяну можно возвести къ одному предку, но впослѣдствіи эти породы настолько разошлись, что антропоидная обезьяна уже никогда не можетъ разсчитывать возвыситься до человѣка. Подобно этому въ началѣ полная и половинная культура идутъ параллельно, даже прямо совпадаютъ, но впослѣдствіи расходятся такъ сильно, что далеко не каждый полукультурный народъ можетъ разсчитывать достигнуть полной культуры. Таковъ принципъ Фиркандта, который остается только примѣнить къ различнымъ народамъ прошлаго и настоящаго, чтобы получить опредѣленную, чрезвычайно интересную схему; но къ сожалѣнію онъ и самъ увлекается теоріей спеціальной одаренности племенъ, хотя ограничиваетъ ее не количествомъ одаренности, а направленіемъ способностей. Такимъ образомъ терминъ: „расовая одаренность“ Фиркандтъ предлагаетъ замѣнить словами: „расовый характеръ“ Онъ даже пытается опредѣлить этотъ характеръ: оказывается, что индѣйцу присуща извѣстная сдержанность и серьезность, монголу и негру постоянное стремленіе къ практически-полезному, при чемъ монголу свойственна болѣе производительность, а негру воспріимчивость. Полинезійскія племена отличаются необычайнымъ развитіемъ миѳологической фантазіи, которое нѣсколько сближаетъ ихъ съ семитами. Однако самъ Фиркандтъ склоненъ не придавать слишкомъ большого значенія „этимъ слабымъ слѣдамъ различія въ расовыхъ характерахъ“. Другое дѣло, когда рѣчь заходитъ о семитахъ и арійцахъ. Здѣсь изслѣдователь не колеблется приписать большую одаренность послѣднимъ. Для этого у него въ рукахъ оказываются данныя лингвистики, толкуемыя имъ и его авторитетами чрезвычайно субъективно, нравственныя воззрѣнія разсматриваемыхъ народовъ, отвращеніе семитовъ къ природѣ и преклоненіе передъ ней арійцевъ, что признается Фиркандтомъ несравненно болѣе высокимъ проявленіемъ человѣческаго духа; за то же говоритъ и абстрактное мышленіе арійцевъ, сказавшееся въ развитіи ихъ миѳологіи. Едва доходитъ рѣчь до этого мѣста, на сцену выступаютъ субъективизмъ и восклицательные знаки, а научность и выставленный вначалѣ критерій прячутся въ дальній уголъ въ качествѣ ненужнаго хлама. Повидимому, Фиркандту не пришло и въ голову спросить себя, существуетъ-ли

раса арійцевъ или семитовъ, можетъ-ли, наконецъ, культура одной расы передаваться другой; на послѣдній фактъ онъ ссылается часто и особенно охотно. Всѣ эти вопросы были мной затронуты раньше: поэтому, я перейду прямо къ слѣдующей главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о народахъ, усвоившихъ полную культуру. Внѣшними признаками этой послѣдней являются слѣдующіе три критерія: отсутствіе деспотизма, существованіе городовъ и наличность науки. Въ настоящее время она обнимаетъ всю западную Европу, исключая міры славянскій, венгерскій и магометанскій; изъ западной Европы полная культура распространилась въ тѣ страны, куда направлялась европейская колонизація (въ Сѣверную Америку, въ Австралію). Итакъ, мы, русскіе, не попали въ обѣтованную землю Фиркандта, ревниво оберегающаго ее для своихъ соотечественниковъ и западныхъ сосѣдей. Правда, въ видахъ справедливости ему нужно бы отнести сюда-же и итальянца, который по антропологической классификаціи Лапужа, „мыслитъ, какъ аріецъ, а дѣйствуетъ, какъ негръ“. Но не будемъ обижаться на ревниваго нѣмца, признаемъ себя полу-культурными „восточными человѣками“ и только разсмотримъ, нѣтъ ли промаха и со стороны самого высокоученаго „приватъ-доцента Технической школы въ Брауншвейгѣ“. Дѣло въ томъ, что и у насъ были люди, которыхъ культурная Европа слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Примѣръ недалекъ: Достоевскаго и Толстого за границей знаютъ, пожалуй, не хуже нашего. Неужели и это полукультурные люди, по терминологіи Фиркандта. Полагаю, что и самъ онъ далъ бы имъ мѣстечко въ своемъ Пантеонѣ, а они, занявъ это мѣстечко, сейчасъ же заявятъ, что среди полукультурнаго народа (чтобы сдѣлать уступку Фиркандту) могутъ существовать вполнѣ культурныя единицы [1]). Разъ это такъ, придется начинать сызнова: умственнаго развитія народа нѣтъ, но у каждаго изъ насъ есть свое умственное развитіе. Для того, чтобы опредѣлить его сравнительную высоту, можно воспользоваться критеріемъ, предложеннымъ Фиркандтомъ; можно также сказать, что мы всѣ стремимся въ своемъ развитіи къ предѣльному, одинаковому для всѣхъ пункту. Задача историка, мнѣ кажется, не заключается въ такомъ грубомъ, ремесленномъ обобщеніи; она гораздо тоньше: разсмотрѣть, при какихъ одинаковыхъ условіяхъ люди дистигаютъ одинаковой ступени развитія, опредѣлить то вліяніе, какое высшее развитіе можетъ оказать на низшее и, наоборотъ, показать трагическую судьбу высшаго сознанія среди низшихъ и еще цѣлый рядъ вопросовъ: вотъ что само собой напрашивается на работу изслѣдователя. Я не ставилъ себѣ этой задачи. Цѣль моя была проще и находилась въ прямой зависимости отъ моихъ спеціальныхъ занятій:

---

[1]) „Какъ русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна изъ европейскихъ литературъ, такъ и сама Россія, при всѣхъ своихъ особенностяхъ, есть одна изъ европейскихъ націй“. Вѣстн. Евр. 1888 г. февр., стр. 761 (слова В. Соловьева въ статьѣ: „Россія и Европа“).

мнѣ хотѣлось указать, что всѣ извѣстныя мнѣ ученія, доказывающія существованіе національныхъ особенностей, не выходятъ за предѣлы голословныхъ утвержденій, а значитъ, теорія о прирожденныхъ національныхъ особенностяхъ, опредѣляющихъ всю историческую жизнь народа, не можетъ стать на дорогѣ соціологическаго изслѣдованія первыхъ формъ быта.

VII.

О сношеніяхъ Босфорскаго царства съ варварскими народами [1]).

I.

Темный вопросъ о національности скиѳовъ и сарматовъ, въ которыхъ большинство представителей современной науки видитъ носителей иранскихъ нарѣчій на югѣ Россіи, представлялъ издавна арену для борьбы всевозможныхъ національныхъ пристрастій и тенденцій, тѣсно связанныхъ съ излюбленной спеціальностью того или другого ученаго. Въ зависимости отъ національности автора, скиѳы оказывались германцами (Боннель, Бергманъ) или славянами (Григорьевъ, Ловайскій, Самоквасовъ); въ зависимости отъ его ученой спеціальности тюрками (Вамбери); подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія, — финнами (Эйхвальдъ) или монголами (Нибуръ, Кипертъ, Нейманъ, Майръ, Мищенко и мн. др.). Опираясь на одну и ту же гипотезу, что „въ общей этнографіи южной Россіи не произошло никакой существенной перемѣны съ начала историческихъ временъ", Сенковскій признавалъ древнѣйшими обитателями Скиѳіи славянъ, финновъ и турокъ, а Вамбери рѣшительно видѣлъ въ нихъ однихъ тюрковъ. Защитники монгольскаго происхожденія скиѳовъ, исходившіе изъ указаній древнихъ писателей относительно наружности и быта этихъ племенъ, ограничивались такими общими разсужденіями, которыя не было трудности примѣнить и къ тюркамъ и къ любой другой кочевой народности. Наконецъ, сближенія археологовъ (Забѣлина, Прохорова, Самоквасова), ссылавшихся на сходство славянскихъ и скиѳскихъ орнаментовъ, сосудовъ и т. п., могутъ говорить, если даже они имѣютъ какую-нибудь доказательную силу, только въ пользу культурнаго вліянія одного народа на другой, а никакъ не за отожествленіе двухъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Итакъ, вращаясь въ области однихъ и тѣхъ же фактовъ, числомъ крайне ограниченныхъ, а по значенію слишкомъ неясныхъ, изслѣдователи по произволу приписывали скиѳамъ всевозможныя національности.

Къ сожалѣнію, не лучше обстояло дѣло и съ лингвистическими изслѣдованіями собственныхъ и географическихъ именъ, такъ или

[1]) Настоящая статья имѣетъ цѣлью представить возможность появленія на надписяхъ Босфорскаго царства именъ различныхъ „варварскихъ" народовъ. Самаго объясненія этихъ именъ авторъ здѣсь не даетъ, такъ какъ собранный имъ матеріалъ требуетъ еще значительной провѣрки и дополненія. *Прим. автора.*

иначе связанныхъ съ землями, занятыми скиѳами и сарматами. Отожествляя имя царицы саковъ Заринаи съ quasi славянскимъ Зорыня (фантастическое словопроизводство отъ корня зор, зоря), Григорьевъ строилъ теорію о славянскомъ происхожденіи скиѳскаго народа саковъ и подкрѣплялъ ее такими сопоставленіями, какъ Κοδραίος съ Кудря (кудрявый), Спаретра съ корнями спар (=свар, славянское названіе солнца) и етра (=ѧтрь), откуда вытекало, что „все значитъ Солнцева нутрь". Въ его глазахъ, городъ Роксопаке былъ передѣлкою какого-нибудь славянскаго эпитета города: напр., могъ возникнуть изъ слова Ршанская, Рушанская, которое въ свою очередь было связано съ племеннымъ названіемъ Русь.

Подобно этому, толкованіе собственныхъ именъ въ славянскомъ духѣ не затруднило и Куно, автора извѣстнаго сочиненія: „Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde" [1]), который посвятилъ цѣлую главу „Леттославянскимъ слѣдамъ въ Анатоліи" и производилъ названіе рѣки Surius отъ слова сыръ, Borgys отъ брѣгъ, Penios, притокъ Фазиса, отожествлялъ съ Пиной и также свободно и просто расправлялся съ личными именами. Можно сказать, не рискуя быть голословнымъ, что толкованія Неймана, Бергмана и др. въ монгольскомъ, германскомъ и др. направленіяхъ не болѣе удачны, чѣмъ объясненіе Григорьева, Куно и др. въ славянскомъ. Строго научную доказательность лингвистическія сближенія пріобрѣтаютъ только въ рукахъ Мюлленгофа и Вс. Миллера, которые указали на несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ личныхъ и географическихъ именахъ скиѳовъ и сарматовъ. На основаніи этихъ данныхъ, первый пришелъ къ выводу [2]) относительно иранскаго происхожденія скиѳовъ и сарматовъ, и этотъ выводъ сдѣлался ходячей монетой въ современной наукѣ, при чемъ въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ (Кречмера, Юсти) скиѳы оказываются остаткомъ иранскаго племени, вышедшаго изъ родины индо-германскаго племени, т. е. Южной Россіи.

Взглядъ Мюлленгофа, по которому, пользуясь словами Д'Арбуа де Жубенвиля [3]), „мѣсто скиѳовъ въ индо-европейской семьѣ опредѣляется съ достовѣрностью, которая, повидимому, выше всякихъ возраженій", этотъ взглядъ подвергся весьма существенной поправкѣ въ работахъ Вс. Миллера. Задавшись той же мыслью, что и Крекъ [4]), поставившій вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ привноснымъ культурнымъ элементомъ (Importware), Вс. Миллеръ отвѣтилъ на него, возражая проф. Юргевичу, слѣдующимъ образомъ: „обиліе наличныхъ иранскихъ именъ, напримѣръ, въ надписяхъ танаидскихъ (двѣ трети общаго числа варварскихъ именъ) и ольвійскихъ

[1]) I Theil. Die Scythen. Berlin. 1871.

[2]) Deutsche Altertumskunde. III. Berlin. 1892, стр. 122.

[3]) Les premiers habitants de l'Europe, изд. 2, томъ I, стр. 224.

[4]) Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, изд. 2 стр. 102.

(около половины), во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о значительности иранскаго элемента въ этихъ областяхъ“ [1]). Опредѣляя точнѣе эту мысль, г. Миллеръ прибавляетъ, что „слѣды иранскаго элемента всего ярче на нижнемъ Дону, въ Танаидѣ, и затѣмъ на нижнемъ Бугѣ и Днѣпрѣ въ области древней Ольвіи, въ странѣ скиѳовъ-земледѣльцевъ“ [2]). Разъ это такъ, мы пріобрѣтаемъ твердую основу для предположенія, что иранскіе элементы въ Танаисѣ происхожденія или сарматскаго, или восточно-скиѳскаго, но никакъ не западно-скиѳскаго, какъ предполагаетъ г. Миллеръ [3]), который вообще склоненъ приписывать скиѳамъ кочевникамъ иную національность, чѣмъ скиѳамъ осѣдлымъ—западнымъ. Опираясь на Геродотово дѣленіе Скиѳіи на древнюю, занятую скиѳами пахарями, и на новую, заселенную кочевыми племенами скиѳовъ, и на иранскій характеръ этническихъ легендъ западныхъ скиѳовъ, характеръ, которымъ не отмѣчена легенда восточныхъ, г. Миллеръ высказывается въ пользу предположенія, что царскіе и кочевые скиѳы принадлежали не къ арійскому племени [4]). Однако противъ перваго факта можно возразить предположеніемъ, что царскіе скиѳы, считавшіе своими рабами скиѳовъ кочевниковъ, пасли свои стада въ безлѣсной странѣ, простиравшейся отъ рѣки Пантикапы до рѣки Герра, а скиѳы-кочевники были въ буквальномъ смыслѣ ихъ рабами, пастухами ихъ стадъ, а вовсе не отдѣльнымъ скиѳскимъ племенемъ. Это предположеніе, высказанное впервые, если я не ошибаюсь, Краутомъ [5]), представляется мнѣ очень вѣроятнымъ: дѣло въ томъ, что Геродотъ [6]) не разъ упоминаетъ объ отдѣльныхъ скиѳскихъ царствахъ, о начальникахъ отдѣльныхъ околодковъ и т. п.; извѣстный разсказъ его о похоронахъ царя [7]) относится опять-таки къ скиѳамъ-кочевникамъ, рабамъ царственныхъ скиѳовъ, такъ какъ они названы отдаленнѣйшимъ народомъ, подвластнымъ царскимъ скиѳамъ, а жили они въ области Герра, рѣки, которая на пути къ морю разграничивала земли скиѳовъ кочевниковъ и царственныхъ. Поэтому я думаю, что о политическомъ подчиненіи однихъ скиѳскихъ племенъ (западныхъ) другимъ (восточнымъ) Геродотъ не упоминаетъ нигдѣ: напротивъ, всѣ извѣстія о скиѳахъ, кончая даже мемуарами Августа на Анкирскомъ памятникѣ, говорятъ о царяхъ, а не о царѣ скиѳовъ. Точно также у Мемнона, писателя начала нашей эры, мы встрѣчаемъ

---

[1]) Вс. Миллеръ. Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. Жур. Мин. Нар. Просв., ч. 247, стр. 268—269. Ср. Его же, Осетинскіе этюды. Часть 3, стр. 79.

[2]) Осет. этюды III, 82.

[3]) Эпиграф. слѣды, 280.

[4]) Осет. эт. III, 121.

[5]) C. Krauth. Das Scythenland nach Herodotes. Jahrbücher für classische Philologie. 1890, стр. 1—25.

[6]) IV, 62, 66.

[7]) IV 71.

упоминаніе о скиѳскихъ царяхъ въ слѣдующемъ отрывкѣ [1]), приведенномъ въ изданіи г. Гана: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ [2]): „На войнѣ Митридатъ покорилъ также и царей, управляющихъ странами, прилегающими къ Фазису до склоновъ Кавказскихъ горъ, увеличилъ тѣмъ свое могущество и въ высшей степени хвастался этимъ. Поэтому римляне очень недовѣрчиво относились къ его намѣреніямъ и требовали, что онъ *скиѳскимъ царямъ* возвратилъ прежнія ихъ владѣнія, но онъ мало обратилъ вниманія на приказаніе ихъ и пріобрѣлъ въ союзники парѳянъ, мидянъ, царя Арменіи Тиграна, *скиѳскихъ царей* и царя иберовъ“. Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь не о скиѳахъ, населявшихъ въ это время нынѣшнюю Добруджу, но о жителяхъ области Сакасены, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ и Плиній. Во всякомъ случаѣ, трудно понять, почему тѣ самые скиѳскіе цари, за которыхъ заступались римляне, оказались союзниками Митридата. Нельзя ли это недоумѣніе устранить при помощи гипотезы, что скиѳы, цари которыхъ упоминаются здѣсь какъ бы въ двухъ разныхъ мѣстахъ, и дѣйствительно жили въ разныхъ областяхъ: одни у Дуная, другіе у Куры. Изъ надписи № 185, помѣщенной въ сборникѣ г. Латышева: „Inscriptiones“ т. I, мы знаемъ, что скиѳы, воевавшіе съ Митридатомъ Евпаторомъ, считались непобѣдимыми, что у нихъ въ центрѣ страны (ἐν μέσαντὰν Σκυθάν), однако на Таврическомъ полуостровѣ, были крѣпости Неаполь и Хавен. Здѣсь же мы видимъ и политическое дробленіе скиѳовъ: на Діофанта, полководца Митридатова, напалъ съ большой толпой скиѳскій царь Παλακος; будучи разбиты, они возстали, имѣя во главѣ Савмака, воспитанника и убійцу царя Перисада (τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτερισάντων); такимъ же образомъ и во время Геродота скиѳы не представляли единаго политическаго цѣлаго. Слѣдовательно, если „западная часть скиѳской территоріи была освящена преданіемъ“ настолько, что скиѳы-кочевники хоронили въ ней своихъ царей, то это происходило не изъ политической традиціи, не потому, что они питали уваженіе къ мѣстнымъ святынямъ и хоронили своихъ царей тамъ, гдѣ покоились, какъ думаютъ, прежніе властители подчиненной имъ области, а по какой-либо иной причинѣ, напримѣръ, благодаря единству этнографическому и религіозному, связывавшему всѣхъ скиѳовъ. Не даромъ Геродотъ подчеркиваетъ общность культовъ у скиѳовъ. Перечисливъ скиѳскія божества, онъ говоритъ: „эти божества почитаютъ у *всѣхъ* скиѳовъ, а такъ называемые царственные скиѳы приносятъ жертвы еще и Посейдону“ [3]). Въ слѣдующей главѣ исто-

---

[1]) Fragm. XV. XXX, 2.

[2]) Тифлисъ, 1884, на стр. 94—95.

[3]) IV, 59.

рикъ прибавляетъ, что способъ „жертвоприношенія у всѣхъ скиѳовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же". А это скорѣе ручается за этническое родство западныхъ и восточныхъ скиѳовъ, чѣмъ наоборотъ.

Что касается второго замѣчанія г. Миллера по поводу иранскаго характера легендарной пра-исторіи скиѳскихъ западныхъ племенъ въ отличіе отъ восточныхъ, то слабость этого возраженія прекрасно ощущается и имъ самимъ, потому что онъ не рѣшается съ увѣренностью выводить отсюда, что скиѳы кочевники отличались отъ западныхъ въ этническомъ отношеніи [1]). Развѣ нельзя думать, что первыя двѣ легенды явленія совсѣмъ иного порядка, чѣмъ третья, лишенная фантастическаго элемента, и развѣ не возможно, что будь у скиѳовъ-кочевниковъ записана миѳическая исторія съ элементомъ фантазіи, она сразу оказалась бы отмѣченной иранизмомъ. Позднѣйшіе пришельцы, скиѳы восточные, сохранили болѣе живое воспоминаніе о своемъ прибытіи къ берегу Чернаго моря.

Изъ разсказа Геродота о походѣ Дарія на скиѳовъ, вообще переполненнаго неясностями и прямыми небылицами [2]), слѣдуетъ съ полной очевидностью, что въ это время, по крайней мѣрѣ, скиѳы не составляли одного государства. Рѣчь идетъ только о царственныхъ скиѳахъ, которые рѣшили въ союзѣ съ савроматами, единственнымъ народомъ, отозвавшимся на ихъ призывъ къ борьбѣ съ Даріемъ, обороняться у рѣки Дона; однако и эта часть восточныхъ скиѳовъ была разбита на три отряда, находившіеся подъ главенствомъ царей Скопасиса, Иданѳирса и, вѣроятно, царя же Таксакиса.

Такимъ образомъ, если у насъ нѣтъ основанія, какъ мнѣ думается, утверждать, что западные и восточные скиѳы составляли одно политическое цѣлое, то должна быть какая-нибудь иная причина; почему Геродотъ такъ часто прибѣгаетъ къ термину: скиѳскій, говоря о народахъ, живущихъ, на первый взглядъ, разнымъ обычаемъ и принадлежащихъ, какъ полагаютъ многіе изслѣдователи, даже къ разнымъ расамъ. Геродотъ въ названіи скиѳы не видѣлъ географическаго термина, какъ его предшественники и черезъ нѣсколько вѣковъ послѣдователи. Еще Гекатей Милетскій называлъ меланхленовъ скиѳскимъ народомъ, можетъ быть, подчиняясь господствующему взгляду грековъ, не успѣвшихъ проникнуть въ глубь восточно-европейскаго материка и видѣвшихъ въ скиѳахъ его исключительное населеніе населеніе. Однако Геродотъ, рѣзко полемизировавшій со своими предшественниками [3]), точно разграничиваетъ скиѳовъ отъ другихъ племенъ и никоимъ образомъ не подразумѣваетъ подъ ними термина географи-

[1]) Осет. эт. III, 130—131.

[2]) Разборъ разсказа Геродота объ этомъ походѣ и попытка выяснить происхожденіе легендъ, съ нимъ связанныхъ, принадлежитъ G. Mair'у въ статьѣ: „Der Feldzug deç Dareios gegen die Skythen" (Salz. Programm. 1886, особ. стр. 17).

[3]) IV, 8, 36.

ческаго. Заявленіе Гекатея о скиѳской національности меланхленовъ онъ измѣняетъ весьма многозначительнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что меланхлены народъ не-скиѳскій, но только ведутъ скиѳскій образъ жизни [1]). И, повидимому, Геродотъ чрезвычайно ясно представлялъ себѣ, что надо подразумѣвать подъ этимъ послѣднимъ: скиѳскіе нравы, скиѳская одежда, наконецъ скиѳскій языкъ для него вполнѣ опредѣленныя величины, съ которыми онъ увѣренно оперируетъ при опредѣленіи не-скиѳской національности того или другого племени. Выше было уже отмѣчено, что онъ приписываетъ всѣмъ скиѳамъ одинаковые религіозные культы; что касается скиѳскаго быта, то по понятіямъ Геродота, обнаруженнымъ имъ въ описаніи Дарієва похода, онъ сводится къ слѣдующему [2]). Дарій переправился черезъ Дунай и намѣревался разрушить за собой мостъ, но его удержалъ отъ этого вождь митиленянъ, заявивъ царю, что онъ готовится вторгнуться въ такую страну, гдѣ онъ не найдетъ ни вспаханнаго поля, ни населеннаго города. Пусть разсказъ Геродота о походѣ Дарія допускаетъ какія угодно сомнѣнія, но несомнѣнно одно, что въ глазахъ нашего историка характерная скиѳская жизнь начиналась сейчасъ же за Дунаемъ. Это не противорѣчитъ и другимъ показаніямъ его: такъ, каллипиды и алазоны „ведутъ такой же образъ жизни, какъ и скиѳы, но хлѣбъ они сѣютъ и употребляютъ въ пищу“. Къ сѣверу отъ алазоновъ обитаютъ скиѳы-пахари. Казалось бы, что здѣсь мы встрѣчаемся съ вполнѣ земледѣльческимъ населеніемъ, но вышеприведенное замѣчаніе Геродота объ употребленіи хлѣба въ пищу, какъ будто чуждомъ скиѳамъ, находитъ себѣ примѣненіе и въ описаніи жизни скиѳовъ-пахарей: они сѣютъ хлѣбъ „не столько для употребленія въ пищу, сколько для продажи“ [3]). По всей вѣроятности, то же населеніе скиѳовъ-земледѣльцевъ тянулось полосой и на западъ отъ Днѣпра, граница съ юга и сѣвера съ иноплемен-

---

[1]) IV, 105.

[2]) IV, 97.

[3]) IV. 17. Утверждая, что въ терминѣ скиѳъ кроется этнографическое объединеніе всѣхъ скиѳовъ, Рейхардтъ (Die Landeskunde von Skythien nach Herodot. Halle. 1889, стр. 103) дѣлаетъ интересное замѣчаніе: „грекъ могъ назвать γεωργοί только настоящихъ земледѣльцевъ; для обозначенія перехода отъ номадной къ земледѣльческой жизни онъ выбралъ характерное названіе ἀροτῆρες. Эти номады даютъ себѣ трудъ только взрыть почву и разбросать въ ней сѣмена, а остальное предоставляютъ благодѣтельной природѣ“. Такимъ образомъ земледѣльцамъ скиѳамъ Рейхардтъ отводитъ только узкую полосу въ плодородной долинѣ Днѣпра.

Одно этнографическое цѣлое видитъ въ скиѳахъ и Ѳ. А. Браунъ; его соображенія см. въ „Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній“ (Спб. 1899), стр. 76 и сл. По мнѣнію O. Genesta „Osteuropäische verhältnisse bei Herodot“ (Qnedlinburg Programm. 1883), стр. 11, настоящими земледѣльцами были именно скиѳы ἀροτῆρες, а не γεωργοί, о земледѣліи которыхъ можно заключить только по имени. Это опровергается вышеизложеннымъ.

ными народами. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Страбонъ, который, говоря, что иберы живутъ по обычаямъ скиѳовъ и сарматовъ, своихъ единоплеменниковъ, прибавляетъ: „но все же и эти послѣдніе иберы занимаются земледѣліемъ".

Такимъ образомъ я рѣшаюсь утверждать, что подъ скиѳами (восточными и западными безразлично) Геродотъ подразумѣвалъ отдѣльное племя съ однимъ жизненнымъ строемъ, однимъ языкомъ. Въ глазахъ Страбона скиѳы также представляли одно этническое цѣлое. Иначе, нельзя было бы объяснить такихъ выраженій, какъ „Γῆται и Λῆται, народы скиѳскаго происхожденія" [1]) или „сарматы (тоже *скиѳское* племя)" [2]). Плиній точно также говоритъ о народахъ „скиѳскаго племени" удинахъ, живущихъ гдѣ-то у Каспійскаго моря, на одномъ изъ заливовъ котораго тотъ же писатель помѣщаетъ и скиѳовъ: „первый заливъ называется скиѳскимъ, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ его живутъ скиѳы, которые имѣютъ постоянныя сношенія между собой при помощи лодокъ; на западной сторонѣ живутъ кочевники и савроматы подъ разными названіями, а на восточной — абсои (absoi), которые также различно называются. Направо отъ устья, на краю пролива, лежитъ страна удиновъ, скиѳскаго племени" [3]). Подъ abso'ями, несомнѣнно, подразумѣваются осетины, старое названіе которыхъ овсы и опсы сохранилось у грузинскихъ историковъ. Что касается этническаго содержанія имени скиѳовъ, то извѣстное замѣчаніе Плинія о томъ, что имя скиѳовъ переходитъ и на сарматовъ, и на германцевъ, позволяетъ думать, что онъ поступалъ осторожно, употребляя слово „скиѳы". Тѣмъ не менѣе, данныя Страбона и Плинія, привлеченныя къ разрѣшенію этнографическихъ вопросовъ относительно скиѳовъ, конечно, имѣютъ только второстепенное значеніе. У Іосифа Флавія, скиѳы — едва ли не этнографическій терминъ, синонимъ извѣстнаго кочевого быта; именно, въ этомъ только смыслѣ и можно, кажется, понять его опредѣленіе аланъ, какъ скиѳскаго племени [4]), опредѣленіе, въ которомъ есть однако большая доля правды; и тѣ, и другіе были иранскаго происхожденія. У Каспійскаго моря помѣщаетъ скиѳовъ (у береговъ и устьевъ его) и Діонисій Періегетъ, который знаетъ также скиѳскія равнины, гдѣ протекаетъ Танаисъ.

Такія тонкія замѣчанія, что андрофаги одѣваются по-скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный; или что гелоны говорятъ одни по-скиѳски другіе по-гречески, а будины, хотя ведутъ такой же образъ жизни, какъ и гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ,—эти замѣчанія показываютъ, что Геродотъ имѣлъ въ виду одинъ, а не нѣсколько скиѳскихъ языковъ, а это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если мы

[1]) XI, 5, IX, 1.
[2]) XI, 2, 1.
[3]) IV, 15, 3.
[4]) VII, 7, 4.

признаемъ, что скиѳы составляли одно культурное цѣлое, объединенное общностью языка, одежды, культа и быта. А такъ какъ савроматы „говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ“ [1]), то мы приходимъ дедуктивнымъ путемъ къ тому выводу, что скиѳскій языкъ былъ языкомъ иранскимъ, ибо иранство сарматовъ—фактъ, вполнѣ доказанный. Однако, этотъ выводъ ничуть не исключаетъ возможности того, что въ скиѳское этнографическое цѣлое входили элементы не сплошь иранскіе: страннымъ образомъ тѣ слова, которыя Геродотъ прямо выдаетъ за скиѳскія, хотя бы названія боговъ въ IV. 59, не объясняются изъ иранскихъ языковъ [2]). Точно такими же не-иранскими оказываются имена царей изъ до-Геродотовскаго періода скиѳской исторіи, имена въ родѣ Σαύμος. Σκύλης, Γνούρος и др. Конечно, это вовсе не указываетъ на неиранскій характеръ скиѳскаго языка, подобнотому, какъ названія славянскихъ божествъ въ родѣ Мокоши, Симаргла, Хорса, Велеса и даже Перуна или имена славянскихъ князей въ родѣ Бориса, Глѣба, Олега вовсе не говорятъ за то, что приверженцы этихъ боговъ и подданные этихъ князей не были славянами и не говорили на славянскомъ языкѣ Но, во всякомъ случаѣ, аналогія позволяетъ намъ думать, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ элементомъ привноснымъ, съ той Importware, о которой упоминаетъ Крекъ. Остатки всевозможныхъ народностей, нѣкогда населявшихъ южную Россію, напр. киммерійцевъ, тавровъ, агаѳирсовъ, можетъ быть, даже ѳракійцевъ, подверглись, если можно такъ выразиться, оскиѳленію и усвоили скиѳскій языкъ и обычай. Поэтому вавилонская передача иранскаго имени скиѳовъ saka, которому на эламскихъ надписяхъ соотвѣтствуетъ śakka, черезъ этническое названіе Gimirri [3]), соотвѣтствующее греч. Κιμμέριοι, указываетъ не только на то, что скиѳы явились замѣстителями киммерійцевъ на занятой ими территоріи, но и на то, что киммеріійцы слились со скиѳами до такой степени, что имя одной народности можно было перенести на другую. Покойный бар. Усларъ (въ сочиненіи: „Древнія извѣстія о Кавказѣ“) прибѣгаетъ къ армянскому языку для объясненія Геродотова названія амазонокъ οἰόρπατα (οἰορ по-скиѳски мужъ, а πατα убивать).

Новѣйшее изученіе кавказскихъ языковъ, повидимому, обѣщаетъ обогатить насъ такими данными, которыя чрезвычайно ярко отмѣтятъ участіе въ скиѳской культурѣ цѣлаго ряда народностей, которыя имѣли своихъ представителей среди „варварскихъ“ элементовъ Ольвіи и Танаиса. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько сопоставленій, сдѣланныхъ въ недавнее время г. Лопатинскимъ въ примѣчаніяхъ къ статьямъ мѣстныхъ кавказскихъ ученыхъ. Такъ, греческая надпись, найденная около Екатеринодара, но происходящая,

[1]) IV, 117.

[2]) Осет. эт. III, 132.

[3]) P. Hüsing Die iranischen Eigennamen in den Achämenideninschriften. Norden. 1897, стр. 42.

по мнѣніе ея издателя, г. Сысоева [1]), изъ Горгиппіи или Танаида, и относящаяся по даннымъ эпиграфическимъ, къ III вѣку по Р. Хр., содержитъ, кромѣ варварскихъ именъ, извѣстныхъ и по надписямъ, изданнымъ г. Латышевымъ, нѣсколько совершенно новыхъ именъ; въ томъ числѣ Βάγου (род. отъ Βάγης или Βάγος), Δάζει (им. Δάρεις), Θχήτλεις Νιχέκου. Какого бы ни было происхожденія эта надпись, которую, кажется, слишкомъ смѣло считать вывезенной изъ сравнительно дальней мѣстности только потому, что мѣстность ея нахожденія низменная и болотистая, и значитъ, врядъ ли могла служить для поселенія, для насъ важно то, что среди тѣхъ именъ, съ которыми мы встрѣчаемся и на танаидскихъ надписяхъ, и которыя мы съ бо̀льшей или меньшей долей вѣроятности можемъ отожествить съ иранскими, мы находимъ и такіе элементы, которые уже не могутъ считаться иранскими. Заслуга разъясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ принадлежитъ г. Лопатинскому въ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Сысоева. Такъ странно звучащее имя Θχήτλεις объясняется изъ кабардинскаго нарѣчія, гдѣ тхіль'ытх значитъ писецъ; отчество этого лица Νιχέκου образовано отъ корней нехӯ „ясный, свѣтлый“ и ко „сынъ“. Привожу другіе толкованія г. Лопатинскаго: „Δάζει можетъ быть произведено отъ черк. гл. *дезен* подбрасывать, подкидывать, стало быть — подбрасывающій“, съ именемъ Βάγου сопоставляется фамильное названіе узденей Баhо (по-русски Баговъ) и народца баговцевъ, абазинскаго племени, жившаго въ трехъ небольшихъ селеніяхъ на верховьяхъ р. Ходзъ. Далѣе, грузинскими и армянскими именами г. Лопатинскій объясняетъ еще нѣсколько именъ, встрѣченныхъ доселѣ на надписяхъ Босфорскаго царства. Таково имя Ζαζζοῦς, сравнимое не только съ родовымъ именемъ западной вѣтви курдскаго народа заза, но и съ употребительнымъ прежде, да и теперь, у грузинъ личнымъ именемъ Заза; Σαμβατίων до сихъ поръ сохранилось у армянъ въ формѣ Смбат, извѣстно у адербейджанскихъ татаръ и у грузинъ; Ἀταμάζας=Адамидзе, отчество, сохранившееся въ Грузіи до настоящаго времени и произведенное отъ adam (человѣкъ). Въ другомъ мѣстѣ [2]) г. Лопатинскій дѣлаетъ попытку разъясненія географическихъ названій съ помощью кавказскихъ языковъ. Если мы вспомнимъ, какой дурной славой пользовалось сарматское болото (Азовское море?), черезъ которое отъ зловонія не могла пролетѣть ни одна птица, какъ разсказываетъ Каллимахъ (ок. 260—230 г.) со словъ какого-то Гераклида [3]), то насъ не удивитъ разъясненіе греческаго названія Азовскаго моря Μαιῶτις или Μαιῆτις λίμνη, предложенное г. Лопатинскимъ. По его гипо-

[1]) В. Сысоевъ. Греческія (и римскія) надписи. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк. XXII, 50 стр.

[2]) Сборн. Матер. и т. д., т. XXI, стр. 77—78.

[3]) К. Ганъ. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Ч. I. Тифлисъ. 1884, стр. 43.

тезѣ, составныя части этого слова сохранились въ языкѣ адыговъ въ формахъ: меі вонь и јате болото, тина, лужа, такъ что все слово означаетъ „вонючую лужу". Такого же адыгскаго происхожденія имя народа псесы (ψησσοί) о которомъ говоритъ одна босфорская надпись, упоминаютъ Аполлодоръ и Плиній. Дѣло въ томъ, что „рѣка Кубань по-адыгски называется *Псыз*" и псы въ этомъ языкѣ имѣетъ значеніе воды, рѣки, и отъ него же произведено названіе рѣки Ψάτης на азіатскомъ берегу Босфорскаго царства [1]).

Эти факты показываютъ, что, кромѣ иранцевъ, по близости отъ Танаиса жили въ ту эпоху, къ какой относятся надписи, послужившія матеріаломъ для изслѣдованій Вс. Миллера, еще элементы неиранскіе, грузины, адыги, армяне и др. Это необходимо принять въ расчетъ при изученіи варварскихъ именъ. Сношенія грековъ съ Кавказомъ относятся къ эпохѣ, чрезвычайно далекой, а на торговый характеръ этихъ сношеній въ предѣлахъ Кавказа указываютъ разнообразныя данныя, связанныя съ городомъ Діоскуріей, лежавшимъ на Колхидскомъ берегу. Этотъ городъ, извѣстный уже Скилаксу, служилъ во времена Страбона весьма важнымъ торговымъ центромъ „для живущихъ выше и по сосѣдству съ нимъ народовъ" „Говорятъ, — продолжаетъ Страбонъ [2]), — что тамъ собирается 70 (по другимъ, которые менѣе правдивы, даже 300) народовъ; всѣ они говорятъ на различныхъ языкахъ, такъ какъ довольствуются своей обособленностью и, вслѣдствіе своей дикости, живутъ замкнуто, не сообщаясь съ другими. Большею частью они сарматы, но они всѣ народы Кавказа". Плиній выдаетъ намъ источникъ Страбона, который въ глазахъ этого послѣдняго принадлежалъ къ числу „менѣе правдивыхъ". Когда Плиній писалъ свою исторію, этотъ городъ былъ уже опустошенъ, но „прежде былъ такъ извѣстенъ, что, по словамъ Тимосѳена, тамъ собиралось до 300 народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, и впослѣдствіи еще мы (римляне) вели тамъ свои дѣла съ помощью 130 переводчиковъ" [3]). Благодаря выгодному положенію города не вдалекѣ отъ устьевъ Ріона, греки могли уже рано проникнуть въ глубь Кавказа: о *множествѣ* народовъ, живущихъ на Кавказскихъ горахъ, о большихъ горныхъ озерахъ знаетъ уже Аристотель [4]), а Эратосѳенъ, по словамъ Страбона, былъ настолько знакомъ съ географіей Кавказа, что замѣтилъ, что „отъ горы Каспій проходитъ гористая

[1]) Съ этимъ ср. Псыхужъ-рѣка въ Кабардѣ (бѣлая рѣка) у русскихъ извѣстная подъ именемъ Бѣлой. Е. Вейденбаумъ. Матеріалы для ист.-географ. слов. Кавказа. Ч. I, 30. Сб. мат. XX.

[2]) XI, 2, 16.

[3]) H. N. VI. 5, 1.

[4]) Meteorolog. I 13.

дорога изъ Колхиды къ Каспійскому морю". Въ области греческихъ миѳовъ мы встрѣчаемся съ миѳомъ о Фриксѣ, который поражаетъ своей, такъ сказать, спеціально кавказской окраской. Докторъ Пфафъ въ своей статьѣ: „Матеріалы для древней исторіи осетинъ" [1]) выразилъ даже предположеніе, будто „изъ сказаній о нартѣ Батрасѣ явствуетъ, что пра-отцы осетинъ имѣли сношенія съ древними греками, въ ту отдаленную эпоху, когда оба эти народа жили еще въ Азіи,—иначе не могло бы быть сходства въ основной идеѣ сказанія о Батрасѣ со сказаніемъ о Прометеѣ". Однако врядъ ли это не увлеченіе: та близость, на каторую намекаетъ Пфафъ, не идетъ, насколько я, по крайней мѣрѣ, знаю, далѣе обычной близости, существующей между родственными „бродячими" сюжетами. Легенда о Фриксѣ въ этомъ отношеніи интереснѣе. Прежде всего знаменательно, что первый писатель, подробно разсказывающій о Фриксѣ, Аполлоній Родосскій, авторъ „Аргонавтики". Вотъ это мѣсто „Аргонавтики" въ переводѣ г. Гана: „Какой то эолійскій Фриксъ пріѣхалъ изъ Греціи въ Азію; объ этомъ вы и сами, навѣрное, раньше знали; Фриксъ пріѣхалъ въ городъ Айэта [2]) на баранѣ, котораго Гермесъ сдѣлалъ золотымъ". Дальнѣйшій разсказъ, повѣсть о приключеніяхъ Фрикса въ землѣ Колхидской, не представляетъ здѣсь интереса, такъ какъ я имѣю въ виду прежде всего отмѣтить ту связь, которую миѳъ о Фриксѣ устанавливаетъ между этимъ послѣднимъ и бараномъ. Не довольствуясь тѣмъ, что Фриксъ ѣхалъ на баранѣ или, какъ говорили нѣкоторые уже во времена Діодора Сицилійскаго, „плылъ на кораблѣ, имѣвшемъ на носу изображеніе барана", этотъ послѣдній былъ связанъ съ миѳомъ посредствомъ раціоналистической прибавки воспитателя Фрикса, Крія (барана), кожа котораго послѣ смерти была вызолочена и прибита въ храмѣ [3]). Важно то, что культъ Фрикса, съ храмомъ на границѣ Иберіи и Колхиды [4]), равно какъ и культъ Язона, съ храмами, „которые встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Арменіи, Мидіи и сосѣднихъ странъ", былъ широко распространенъ въ предѣлахъ Малой Азіи: о слѣдахъ похода Фрикса и Язона говорили, по словамъ Страбона, у береговъ Синопы, вокругъ Пропонтиды и Геллеспонта до острава Лемноса. Тацитъ [5]), подтверждая разсказъ своего предшественника, дѣлаетъ очень знаменательное добавленіе къ нему, говоря, что имя Язона такъ же, какъ и оракулъ Фрикса, поль-

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Т. IV. Тифлисъ. 1870.

[2]) Здѣсь Страбонъ дѣлаетъ важное примѣчаніе: „всѣ вѣрятъ, что царь Айэтъ царствовалъ въ Колхидѣ, гдѣ имя это до сихъ поръ еще въ употребленіи" (тамъ же, 56).

[3]) Діод. Сицил. IV, 47.

[4]) Страб. I, 2, 39.

[5]) Annal. VI, 34.

зуются большой извѣстностью въ Колхидѣ, гдѣ культъ барана былъ національнымъ явленіемъ. „Никто изъ нихъ не согласится", говоритъ Тацитъ: „принесть въ жертву барана, потому, что вѣрятъ будто Фриксъ ѣздилъ на немъ".

Вотъ нѣсколько важныхъ, на мой взглядъ, данныхъ, подтверждающихъ мою мысль о какой-то странной близости между Фриксомъ и бараномъ и позволяющихъ судить о туземномъ кавказскомъ происхожденіи одного изъ древнѣйшихъ греческихъ миѳовъ. Однако самое интересное мѣсто я сберегъ подъ конецъ, потому что едва-ли не въ немъ заключается ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Такъ наз. Псевдо-Плутархъ, жизнь котораго относятъ ко II-му вѣку по Р. Хр., разсказываетъ, что надъ рѣкой Дономъ подымается гора, на туземномъ языкѣ называемая Вриксава (Βριξάβα), что значитъ: „рогъ барана". Она получила это названіе по слѣдующей причинѣ. Фриксъ, потерявши въ Черномъ морѣ свою сестру Геллу и, естественно, очень огорченный этимъ, остановился на вершинѣ одной горы. Когда его увидѣли тамъ нѣкоторые варвары и вооруженные поднялись туда, баранъ съ золотымъ руномъ, осмотрѣвшись кругомъ и замѣтивъ толпу приближавшихся, разбудилъ человѣческимъ голосомъ спящаго Фрикса и унесъ его къ Колхамъ, а холмъ вслѣдствіе того получилъ названіе „лобъ барана". Тамъ растетъ трава, которую варвары называютъ φρίξα. Если разбирать это слово; то оно значитъ: „ненавидящій злыхъ". Она похожа на руту; если она достанется дѣтямъ отъ перваго брака, то мачехи никакого вреда имъ причинить не могутъ. Узкая спеціальность травы φρίξα внушаетъ мысль о связи ея чудодѣйственной способности съ миѳомъ о Фриксѣ, который, какъ извѣстно, пострадалъ отъ козней своей мачехи Ино; такимъ образомъ, по моему, было бы совершенно несправедливо раздѣлять имена Фрикса и этой травы φρίξα, но также рискованно отдѣлять и гору Врикса̀ву (κριοῦ μέτωπον) отъ имени колхидскаго героя. Послѣднее слово, названіе горы, послужило г. Вс. Миллеру, который сравнилъ его съ осет. ӱӓрігксіӯӓ—рогъ барашка [1]), однимъ изъ доказательствъ того, что въ эпоху псевдо-Плутарха осетины доходили до Дона. Съ именемъ Ἰάσων, кажется, возможно сопоставить горгиппійское имя Ἴαξ, которое въ настоящее время предполагается В. В. Латышевымъ на трехъ надписяхъ [2]), и имя Ἰάσων [3]).

Я не буду дѣлать попытокъ этимологическаго объясненія словъ Φρίξος, Φρίξα (которое никакъ не можетъ значитъ ненавидящій злыхъ) и Βριξάβα. Если родство этихъ словъ достаточно обосновано

---

[1]) Въ „Русско-Осетинскомъ словарѣ" Іосифа, еп. Владикавказскаго, 1884, находимъ: ягненокъ ӱœрггk оргг но рогъ-ска и рожокъ-сгка. Если сіӯӓ г. Миллера и сгка еп. Іосифа одно и то же слово, то на чьей же сторонѣ ошибка? У Шёгрена нѣтъ ни того, ни другого слова.

[2]) Древности Южной Россіи № 17. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ Южной Россіи въ 1892—94 годахъ, стр. 69.

[3]) Изъ Херсонеса Таврическаго ibid., стр. 15.

предшествовавшими разсужденіями, то мы имѣемъ передъ собой свидѣтельство о древнихъ культурныхъ связяхъ, соединявшихъ народы Кавказа, съ одной стороны, между собой и, съ другой стороны, съ греками, греческими колонистами. У того же Аполлонія Родосскаго, автора „Аргонавтики", гдѣ мы впервые встрѣчаемъ миѳъ о Фриксѣ и чуть ли не самое имя его, находимъ любопытное подтвержденіе этого предположенія. Аргонавты „пріѣхали къ широкой рѣкѣ Фазису, къ крайнимъ предѣламъ Понта". Они поплыли по этой рѣкѣ, „налѣво отъ нихъ поднимался высокій Кавказъ и лежалъ городъ Айэта, ἡ Κοταΐς πόλις, направо же поле Арея" и т. д.[1]). Много лѣтъ спустя, Стефанъ Византійскій вспомнилъ о колхидскомъ городѣ Кутѣ, гдѣ родилась будто бы Медея, и назвалъ ея жителей именемъ Кутайосъ. Право первенства на сторонѣ Аполлонія, а его городъ Κοταΐς напрашивается на сравненіе съ современнымъ Кутаисомъ, который лежитъ какъ разъ на правомъ берегу Ріона, т. е. налѣво отъ ѣдущихъ вверхъ по рѣкѣ. Что касается возможности переживанія имени города, то кромѣ лежащихъ сравнительно неподалеку Трапизонта и Синопа, укажу еще на крѣпость Σαραπανή, до которой былъ судоходенъ, по словамъ Страбона, тотъ же Фазисъ, и которая по грузинскимъ источникамъ называется Шарапани[2]), городъ на одномъ изъ притоковъ Ріона. Названіе Эривани восходитъ къ еще болѣе отдаленной эпохѣ, лѣтъ за 700 до Р. Хр. М. В. Никольскій, ученый издатель клинообразныхъ надписей Закавказья[3]), отождествляетъ съ именемъ и мѣстоположеніемъ нынѣшней Эривани ту Eriaini, о которой идетъ рѣчь въ одной изъ надписей врага Саргона, урартскаго героя Русы[4]), а въ качествѣ „одного изъ паразительныхъ примѣровъ той цѣпкости, съ какой могутъ удерживаться многія тысячелѣтія одни и тѣ же географическія названія, несмотря на громадныя этнографическія и политическія перемѣны", онъ приводитъ[5]) тотъ фактъ, что „и по сіе время часть Арменіи въ предѣлахъ Эриванской губерніи называется у армянъ *Айраратскою областью*", что соотвѣтствуетъ ассирійскому названію этой страны Урарту, еврейскому Араратъ и греческому Ἀλαρόδες. „Что же касается до горы Арарата, — замѣчаетъ г. Никольскій, то ея названіе очевидно позднѣйшаго, а именно христіанскаго происхожденія вслѣдствіе перенесенія на эту гору сказанія книги Бытія о всемірномъ потопѣ".

[1]) Ганъ, 48.

[2]) См. карту послѣ 64-ой стр. Сборн. Мат. т. XXII (1897).

[3]) Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. V. Москва, 1896, стр. 98—99.

[4]) О немъ см. статью М. В. Никольскаго „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ Россіи" въ „Древностяхъ Восточныхъ"; т. I. М. 1893, стр. 412—414.

[5]) „Древн. Вост."; I, 388.

Предшествующія разсужденія имѣли въ виду двѣ мысли. Если греки еще въ III вѣкѣ до Р. Хр. знали внутренній Кавказъ и вели обширную торговлю съ ея народами черезъ городъ Діоскурію, то ихъ сношенія могли привести къ культурному обмѣну Кавказа съ Европой, создать торговые пути черезъ Кавказскіе хребты, по которымъ съ юга на сѣверъ и обратно могла распространяться однообразная культура, оставившая свои отслоенія и въ культурномъ инвентарѣ, и въ словарѣ припонтійскихъ иранцевъ, а оттуда проложившая дорогу на сѣверъ, къ литовцамъ и финнамъ. Если торговлей съ греками былъ пробужденъ предпріимчивый духъ грузинъ, то эти послѣдніе могли пускаться въ самостоятельныя морскія предпріятія, могли заѣзжать въ Азовское море, могли оставить и свои имена въ спискѣ архонтовъ, чиновниковъ и жителей Танаиса, Горгиппы и др. городовъ Босфорскаго царства. Къ сожалѣнію, пока еще отъ этой серіи „возможностей“ цѣлая пропасть до достовѣрностей. Младенческое состояніе грузинской филологіи не даетъ изслѣдователю ни нити, чтобы онъ могъ пробраться по лабиринту этихъ трудныхъ, но важныхъ вопросовъ, ни прочныхъ фактовъ, на которыхъ онъ могъ бы стать твердой ногой. Отсутствіе критической провѣрки грузинскихъ источниковъ (припомнимъ постоянный споръ относительно достовѣрности Картлисъ-Цховреба), недостаточность научныхъ пособій для изученія этого языка, не говоря уже о выясненіи его основныхъ и заимствованныхъ элементовъ, не позволяютъ осторожному изслѣдователю ни одного шага къ разрѣшенію поставленныхъ выше задачъ [1]). Между тѣмъ изъ Діоскуріи въ Кавказскія горы шла соль изъ Пантикапеи, которая сама брала съ Кавказа шкуры. По словамъ Бакрадзе [2]), остатки греческихъ архитектурныхъ памятниковъ покрываютъ нынѣшнюю Абхазію, Мингрелію, Гурію, Верхнюю Имеретію и перевалъ тебердинскій на Кавказѣ. По его убѣжденію, греческія колоніи въ Колхидѣ „имѣли въ краѣ два торговыхъ тракта: одинъ вверхъ по Кодору и потомъ черезъ хребетъ по Тебердѣ, путь и нынѣ усѣянный руинами греческихъ построекъ, другой по Фазу на Кутаисъ, Сарапану или грузинскій Шарапани, Сурамскій перевалъ, Карталинію, Мцхетъ, Тифлисъ и далѣе“. Доказательства всего этого предстоитъ будущему.

Перехожу къ другой мысли, которую я имѣлъ въ виду, говоря о миѳѣ о Фриксѣ. Если удастся констатировать близость извѣстныхъ культовъ у сѣверно и южно-кавказскихъ племенъ, то мы получимъ право говорить о нѣкоторомъ единствѣ всей кавказской культуры, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ особенно дикихъ племенъ, въ

[1]) Только изслѣдованіе варварскихъ именъ прольетъ свѣтъ на эту темную область; имя Ἀρμάθης, найденное на одной изъ старыхъ надписей, несомнѣнно— грузинское Armaz.

[2]) О до-исторической археологіи вообще и Кавказской въ особенности Тифлисъ. 1877, стр. 43.

родѣ чеченцевъ и лезгиновъ, изъ которыхъ послѣдніе были, впрочемъ, извѣстны грекамъ во времена Страбона. Мнѣ кажется, что Краутъ [1]) достаточно вѣско отмѣтилъ ту связь, которая еще раньше Геродота соединяла сѣверные кавказскіе народы съ болѣе южными, въ рукахъ которыхъ находились кавказскіе проходы. Исходя изъ извѣстнаго разсказа Геродота [2]) о томъ, что скиѳы, возвращаясь послѣ 28-лѣтняго пребыванія въ Мидіи, встрѣтились на родинѣ съ многочисленнымъ вражескимъ войскомъ, происшедшимъ отъ связей ихъ женъ съ рабами, Краутъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что скиѳы могли пройти всѣмъ войскамъ черезъ Кавказъ (впередъ они шли по правой сторонѣ его [3]), т. е. вдоль Чернаго моря, гдѣ живутъ болѣе культурныя племена абхазцевъ, черкессовъ, убыховъ [4]), мингрельцевъ и грузинъ) только при одномъ условіи, если кавказскіе проходы не были въ рукахъ ихъ враговъ.

Итакъ, въ спискахъ варварскихъ именъ не будетъ чудомъ встрѣтить имя грузинскаго или черкесскаго происхожденія, какъ не должно насъ удивлять, если мы встрѣтимся и съ финскимъ именемъ. Но рядомъ съ элементами сравнительно новыми мы можемъ встрѣтить и имена, восходящія къ очень глубокой древности: это имена семитическія, ассирійскія и еврейскія. Для того, чтобы объяснить возможность появленія первыхъ, приходится коснуться древнѣйшей исторіи скиѳовъ, на которую проливаютъ яркій свѣтъ новѣйшія открытія ассиріологовъ. Подъ конецъ царствованія ассирійскаго царя Саргона царство Урарту подверглось сильнѣйшему давленію со стороны сѣверныхъ пришельцевъ, киммерійцевъ. На оракулахъ, обращенныхъ къ богу солнца, киммерійцы, а равно ашкузеи, сапарда, мидяне являются въ союзѣ съ маннеями постоянными зачинщиками недоброжелательныхъ Ассиріи дѣйствій на берегахъ озера Уруміи, и Ассаргадону пришлось хорошо познакомиться съ киммерійцами и ашкузеями. „По малоазіатскимъ извѣстіямъ, подтверждаемымъ указаніями Ассурбанипала, мы знаемъ, — говоритъ Винклеръ [5]), — что киммерійцы были оттѣснены на западъ; согласно Геродоту, ихъ отодвинули скиѳы. Новѣйшія находки убѣждаютъ насъ въ томъ, что показанія малоазіатскихъ грековъ о движеніи киммерійцевъ заслужи-

[1]) Fleckeisens Jahrbücher für class. Philol. 1890, стр. 15.

[2]) IV, I.

[3]) Гер. IV, 12.

[4]) Въ странѣ убыховъ Берже упоминаетъ о городѣ Вардане, торговой пристани всего племени. Это названіе напоминаетъ какъ иранскія личныя имена Варданъ, такъ и осетинское названіе Кубани Варданъ. Или это случайное созвучіе? Ад. Берже. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ (написано въ 1858 г.).

[5]) Его статья „Kimmerier, Aśguzäer, Skythen“ въ „Altorientalische Forschungen“ I, 1897, стр. 484—496. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я также пользуюсь этой статьей, указаніемъ на которую обязанъ любезности Б. А. Тураева.

ваютъ довѣрія“ (здѣсь Винклеръ, равно какъ Сэйсъ и Марквардтъ, отождествляетъ ассирійское названіе вождя киммерійцевъ, Tugdammí, съ именемъ, сохраненнымъ, хотя и съ опиской, Страбономъ, именно съ Λύγδαμις, вмѣсто котораго слѣдуетъ читать Δύγδαμμις; разсказы объ этихъ лицахъ у ассиріійцевъ и Страбона также почти совпадаютъ). Уже съ помощью извѣстныхъ ранѣе пособій мы установили, продолжаетъ Винклеръ, что киммерійцы на азіатской почвѣ прежде всего должны были столкнуться съ Урарту, а значитъ старались утвердиться вокругъ озера Ванъ, тогда какъ болѣе къ востоку, на озерѣ Урумія, ашкузы (aśkuza) надвигались на царство Манъ. Новѣйшія находки подтверждаютъ это и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на частности. Среди солнечныхъ оракуловъ попались два экземпляра, рисующія отношенія Ассаргаддона къ ашкузамъ. Въ первомъ изъ нихъ выражается опасеніе, какъ бы ашкузы, живущіе въ предѣлахъ области Манъ, стоявшей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Ассиріи, не совершили вторженія въ страны Ассиріи. Съ этимъ оракуломъ авторъ приводитъ въ связь одно мѣсто изъ надписей Ассаргадона, гдѣ этотъ послѣдній хвалится тѣмъ, что онъ „разсѣялъ маннеевъ, непокорныхъ кутеевъ [1]), разбилъ полчища ашкуза Jśpakai, союзника, который не могъ имъ помочь“. Это мѣсто Винклеръ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что маннеи, въ странѣ которыхъ засѣли ашкузы, примкнули или были принуждены примкнуть къ этимъ послѣднимъ, чтобы совершить нападеніе на ассирійскую область, гдѣ и потерпѣли пораженіе. Вождемъ ашкузовъ здѣсь

[1]) „Kutû ein Kutäer, d. h. einer von den unbotmässigen Nordvölkern, ein Barbar (heute würde es heissen: ein Kurde); der Sinn immer noch nicht erkannt“, стр. 486 прим. 2. Въ видѣ робкой догадки рѣшаюсь сопоставить съ этимъ именемъ kutû этническое названіе, сохраненное намъ классическими писателями: Κυταῖος, житель города Куты, родины Медеи (Стеф. Византъ.), Κύταια у Евстафія, ἐπ'ἠπείροιο Κυταίϊδος и ἡ Κυταιὶς πόλις у Аполлонія Родосскаго. Напоминая то, что я говорилъ выше о миѳѣ Фрикса, его общекавказскомъ распространеніи и связи съ городомъ Кутаисомъ, я позволяю себѣ высказать догадку относительно того, что старое названіе одной изъ 16 провинцій Дуруперана, который на югъ простирался до озера Вана и Курдскихъ горъ, именно названіе khouth стоитъ въ связи какъ съ ассирійскимъ kutû, такъ и съ греческимъ Κυτα. Весьма многозначителенъ тотъ фактъ, что имена этой провинціи khouth, (kholth, или khothadsor) происходятъ, по категорическому заявленію С. Мартена Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie T. I. 1818, p. 98—(100), отъ имени горы Кута (Khoutha), „qui étoit dans son voisinage“. Племя Кутаръ упоминается въ житіе св. Нарзеса, патріарха армянскаго, въ качествѣ союзниковъ персидскаго царя Сапора вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ закавказскихъ народностей (Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie T. II. 1869, стр. 34; ср. т. I, стр. 266, гдѣ въ исторіи Фауста Византійскаго Эминъ указываетъ и варіантъ Куторъ къ формѣ Кутаръ). Царевичъ Вахуштъ называетъ Кутаисъ Кутатисн (Brosset, Description géographique de la Géorgie. 1842, стр. 372—373), но, повидимому, въ грузинскихъ же источникахъ встрѣчается и варіантъ Кутаисн (см. уже упомянутую карту). Во всякомъ случаѣ форма Кутатисн какъ бы указываетъ на то, что она происходитъ изъ двухъ частей Кута и тисн.

названъ Jśpakai, но былъ-ли онъ предводителемъ одного только полчища ашкузовъ, или палъ въ битвѣ съ ассирійцами, но только въ другомъ оракулѣ царемъ ашкузовъ названъ уже Bartatua. Этотъ царь, имя котораго замѣчательно совпадаетъ съ Геродотовымъ грецизированнымъ именемъ Πρωτοθύης [1]), посватался къ дочери Ассаргадона, который и выспрашиваетъ бога солнца о томъ, будетъ-ли ему вѣрнымъ другомъ новый зять. Имя народа пишется двояко: aś-gu-za-ai (надпись Ассаргаддона) и iś-ku-za-ai (оракулъ). Откинувъ начальный гласный, приставленный семитическимъ закономъ къ группѣ согласныхъ въ началѣ слова, мы получаемъ форму śkûz, которая соотвѣтствуетъ греческому названію скиѳовъ: Σκύθαι. По извѣстному разсказу Геродота, скиѳы начали тѣснить киммерійцевъ не при Бартатуа, но при его сынѣ Мадуѣ. По остроумному замѣчанію Винклера, Геродотъ могъ бы поразсказать еще кое-что о Прототуѣ и его царствѣ: „иначе было бы совершенно непонятно упоминаніе объ отцѣ при имени Мадуя".

Не вдаваясь въ подробное изложеніе чрезвычайно интересной статьи Винклера, ограничусь указаніемъ на то, что скиѳы вошли въ тѣсный союзъ съ ассирійцами и съ Лидіей, которую давили киммерійцы, тогда какъ эти послѣдніе были вынуждены въ силу вещей держаться царства Урарту, исконнаго врага Ассиріи. И вотъ царь Урарту, Сардури, въ концѣ концовъ призналъ гегемонію Ассиріи, а киммерійцы совсѣмъ подвинулись на западъ и исчезли изъ виду исторіи, подвергнувшись, по всей вѣроятности, ассимиляціи съ ассирійцами. По мнѣнію Винклера, это произошло около 640 года; скиѳы уже вполнѣ были на сторонѣ ассирійцевъ, и въ новыхъ возстаніяхъ противъ нихъ уже не упоминается объ участіи ашкузовъ. Новымъ доказательствомъ сильнаго ассирійскаго вліянія на скиѳовъ служитъ повѣствованіе Геродота о поведеніи этихъ послѣднихъ во время нападенія Кіаксара на Ниневію. „Когда послѣ побѣды надъ ассиріянами Кіаксаръ осаждалъ Нинъ, появилось большое скиѳское войско подъ предводительствомъ царя Мадіи, сына Протоѳіи" [2]). То, что затѣмъ разсказываетъ Геродотъ, обычное въ его манерѣ отступленіе о предварительной исторіи скиѳовъ въ Азіи; продолженіе повѣствованія о встрѣчѣ Кіаскара со скиѳами начинается только со 106-ой главы, какъ на это указываетъ и Винклеръ. „Кіаксаръ и мидяне пригласили ихъ однажды на пиръ, напоили и перебили. Такъ мидяне спасли царство и снова пріобрѣли власть такую, какую у нихъ была прежде; кромѣ того, они покорили нынѣ и подчинили себѣ ассиріянцевъ, за исключеніемъ вавилонской области". Прямой выводъ, который, отсюда можно сдѣлать, тотъ, что взятіе Ниневіи было тѣсно связана съ побѣдой

[1]) Μαδυης Πρωτοθυεω παις. Her. I, 103.

[2]) I, 130. переводъ г. Мищенки, какъ и въ другихъ цитатахъ изъ Геродота.

надъ скиѳами, и что скиѳы дѣйствовали сообща съ ассирійцами. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Э. Мюллера, будто скиѳы, подобно потопу, хлынули на города Ассиріи, грабя и разоряя ея и вызвавъ этимъ ея паденіе [1]). Это мнѣніе, основанное, между прочимъ, на предположеніи, будто скиѳы (тѣ же г о т ы!) называли сами себя M a n d a, а у ассирійцевъ были извѣстны подъ именемъ u m m a n M a n d a (орда Манда) или G i m i r a i, опровергаетъ себя само, разъ доказано, что manda, которое на надписи Ассурбанипала [2]) означаетъ народъ царя Тугдаммй, или киммерійцевъ, ассирійцы подразумѣвали вовсе не с к и ѳ о в ъ (противъ чего говоритъ и свидѣтельство Геродота), а вообще варварскія народы сѣверо-востока, въ томъ числѣ - въ архаистическомъ словоупотребленіи—и мидійцевъ [3]); поэтому Астіагъ (Jstuwiga), сынъ Кіаксара, названный на надписи (Набонида) м а н д о й, былъ вовсе не скиѳомъ и не киммерійцемъ, а именно мидійцемъ; за каторагo его выдаетъ и Геродотъ.

То, что̀ важно для интересующаго меня вопроса, сводится къ установленію культурной связи между Ассиріей и скиѳами, которую Винклеръ [4]) относитъ уже къ 680—670 годамъ до Р. Хр.; на чемъ основано предположеніе Юсти [5]), будто послѣ своего пораженія со стороны Кіаксара множество скиѳовъ перешло въ мидійскія войска, я не знаю; по крайней мѣрѣ, самъ Юсти, весьма точный въ своихъ библіографическихъ указаніяхъ, не даетъ въ этомъ важномъ мѣстѣ никакой ссылки. Между тѣмъ, если бы была какая-нибудь возможность установить этотъ фактъ, мы видѣли бы одинъ изъ источниковъ иранскихъ именъ среди скиѳовъ, источникъ, на который ссылается и г. Вс. Миллеръ [6]). Самъ Геродотъ говоритъ только о возвращеніи скиѳовъ на родину послѣ тяжкой борьбы съ мидійцами.

Въ 1898 году Фр.-Гоммель сдѣлалъ смѣлую попытку объяснить изъ иранскаго языка извѣстную часть гетитскихъ и вообще малоазіатскихъ и даже израильскихъ личныхъ и географическихъ именъ [7]).

[1]) Крайне некритическая замѣтка этого автора „D a s E n d e A s s y r i e n s“ помѣщена въ журналѣ „Z e i t s c h r i f t f ü r A s s y r i o l o g i e“, т. 13, 1899, стр. 325—327. Такого же мнѣнія о вредной дѣятельности скиѳовъ въ Ассиріи держится и Юсти въ „Grundriss der iranisch.“ II (1897), 412.

[2]) Винклеръ, I, 492.

[3]) N. Winckler, Altorient. Forsch. II, 1898, стр. 140.

[4]) Altorient. Forsch. II, 104.

[5]) Тамъ же, 412.

[6]) Ср. Этнограф. слѣды иранства, стр, 280. Въ „О с е т. э т ю д“. (III, 136) г. Вс. Миллеръ говоритъ объ этомъ такъ „если мы вспомнимъ, что скиѳы въ VII вѣкѣ своими толпами обрушились на Мидію и Малую Азію и прохозяйничали тамъ чуть-ли не въ теченіе цѣлаго поколѣнія, что съ азіатскими скиѳами (саками) не мало воевалъ и Киръ,.... что Дарій Гистаспъ называетъ саковъ своими данниками, то не трудно допустить возможность появленія персидскихъ именъ и у *царскихъ* (европейскихъ) скиѳовъ“.

[7]) „Hethiter und Skythen und das erste Auftreten der Iranier in der Geschichte“ Sitzungsberichte d. kön. böhmischen Gesellsch. d. Wissensch Cl. für Phil., Gesch. etc. 1898, № 6.

Правда, его методъ оставляетъ желать очень многаго. Уже въ самомъ началѣ своей статьи авторъ, вслѣдъ за своими предшественниками, Баллемъ и Ленорманомъ, сопоставляетъ гетитское имя Kundaśpi (854 г. до Р. Хр.) съ иран. Gundâsp=Viñdâçpa и гетитское Kuśtaśpi (740 г. до Р. Хр.) съ иран. Gustâsp=Vistâçpa. Не отрицая того, что во второй части этихъ именъ -asp скрывается нѣчто напоминающее иран. aspa (конь), я обращу вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, ярко рисующій методъ Гоммеля и его предшественниковъ, что формы Gundâsp и Gustâsp сравнительно поздняго, уже ново-персидскаго происхожденія, тогда какъ еще въ пехлеви сохранились имена V(i)śtāsp, откуда старшее армянское заимствованіе Vstasp, и Vind—(ново-перс. Bindōi, армянъ Vndoy). Группа vin пережила, по мнѣнію Гюбшмана [1]), не измѣнившись въ новѣйшее gun, еще ту эпоху, когда группы vr и vim перешли въ gur gum. Можно констатировать, что первый переходъ (vin-gun) завершился къ 7 столѣтію, когда въ Коранъ попало персидское слово gunāh (пехлев. vinās) въ арабской формѣ jūnah, но, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права переносить формы Gundâsp и Gustâsp за VII—VIII вѣковъ до Р. Хр.

Съ такой же увѣренностью Гоммель утверждаетъ, что царскія династіи Митанни (между Евфратомъ и Белихомъ за 1400 л. до Р. Хр.), Вана (VII—IX в. до Р. Хр.), вавилонскихъ касситовъ (1700—1200 до Р. Хр.) и гетитовъ эпохи Рамзеса II (ок. 1300 до Р. Хр.), были происхожденія иранскаго, при чемъ династіямъ Митанни и гетитовъ онъ склоненъ даже приписывать прямо скиѳское происхожденіе. Однако сопоставленія въ области Митанскихъ именъ отличаются такимъ произволомъ, что выводы автора, въ сущности говоря, не основаны ни на какихъ данныхъ. Напр., что общаго между Artaśśumara, если даже мы отдѣлимъ начальное arta-, дѣйствительно, напоминающее употребительную у иранцевъ первую часть именъ, съ скиѳскимъ Ὀσμάρακος которое, по мнѣнію Юсти [2]), возникло изъ пехлевійскаго hušmār [3]). Что же касается новоперс. śumār (число), на что могъ бы сослаться Гоммель, то эта форма, какъ показываютъ остальныя иранскія нарѣчія, возникла изъ smar [4]), и потому не находится ни въ какомъ отношеніи къ Artaśśumara. При помощи всякихъ натяжекъ, сокращеній (Argištiś—„пожалуй, сокращеніе изъ Ariagisti-s“, котораго среди иранскихъ именъ, кстати, и нѣтъ!) и прочихъ тенденціозныхъ пріёмовъ Гоммель разыскиваетъ слѣды иранства по Малой Азіи и Палестинѣ и заходитъ въ такую даль вѣковъ, что не колеблется открывать ихъ, „по крайней мѣрѣ“ за 1600 лѣтъ до Р. Хр. въ Вавилоніи. Носителями древнѣйшаго иранскаго элемента

[1]) Persische Studien, стр. 158—162.

[2]) Iranisches Namenbuch, стр. 236.

[3]) Я думаю, что ее проще отожествить съ пехлев. ōśmār (Horn, Grundriss d neupers. Etymol. 1893, стр. 176).

[4]) Horn, 176. Hübschmann, 80—81.

оказываются скиѳы. На бѣду, Юстинъ упоминаетъ о походѣ скиѳовъ на царя Везосиса (Сезостриса) и о дѣйствіяхъ этого послѣдняго противъ скиѳовъ; отзвуки тѣхъ же преданій о сношеніяхъ скиѳовъ съ Египтомъ записаны Геродотомъ, Страбономъ и Діодоромъ. Не провѣривъ ихъ достовѣрности, Гоммель относится къ нимъ съ полной вѣрой, характеризующей всѣ его выводы, но ничего не дающей трезвой наукѣ [1]). Итакъ, мы должны идти другимъ путемъ, что-бы встрѣтить какіе-нибудь намеки на сношенія Россіи и Кавказа съ древними месопотамскими культурами, сношенія, которыя могли отозваться на бытѣ и тѣхъ народовъ, которые видѣли въ скиѳахъ представителей высшей культуры, заимствовали у нихъ представленіе о большемъ комфортѣ, объ утонченномъ искусствѣ и роскоши. Благодаря клинообразнымъ надписямъ ванскихъ царей, представителей ассирійской культуры, въ Закавказьѣ, хотя сами они враждовали съ Ассиріей,— благодаря этимъ надписямъ, изслѣдованнымъ М. В. Никольскимъ въ цѣломъ рядѣ статей, мы знаемъ „что ванскіе цари владѣли двумя единственно доступными путями изъ нынѣшней Турціи на Кавказъ, имѣли въ Закавказьѣ 3 главныхъ центра своего господства, два въ долинѣ Аракса и одинъ на Гокчѣ, владѣли также обоими главнѣйшими проходами черезъ Малый Кавказъ на сѣверъ, хотя мы не знаемъ, были-ли они по ту сторону Малаго Кавказа“ [2]). Предполагая, что районъ вліянія ассирійской культуры простирался по этимъ именно путямъ на сѣверъ Кавказскаго перешейка, мы поймемъ появленіе ассиро-вавилонскихъ орнаментовъ въ южнорусскихъ степяхъ, среди такъ называемыхъ скиѳскихъ древностей. Другихъ прочныхъ данныхъ по древнѣйшей исторіи Кавказа ассиріологія пока не даетъ. Правда, съ статьѣ г. Грена [3]) мы находимъ рѣшительное утвержденіе, что уже на надписяхъ Тиглатъ-Пилесера I (въ XII в. до Р. Хр.) на западѣ Кавказа указывается „сильная, впрочемъ, феодальная монархія Курти или Колхида, на престолѣ которой сидѣла греческая династія“, но это заявленіе нужно принимать cum grano salis. Г. Гренъ, увлекшись обычнымъ у археологовъ желаніемъ начинать исторію страны съ глубочайшей древности, слишкомъ скоро принялъ на вѣру осторожную гипотезу своихъ источниковъ. Страна Курти или, какъ предлагаютъ читать

[1]) Съ чрезвычайной поспѣшностью, по нѣкоторымъ случайнымъ и сомнительнымъ сходствамъ, г. Гренъ въ своей, въ общемъ, весьма интересной и поучительной статьѣ: „Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка съ древнѣйшихъ временъ“ (Кіев. Унив. Изв. 1895. № 7 и 8) приходитъ къ выводу о сходствѣ черноморскихъ языковъ (абхазскаго, черкесскаго убыхскаго и абадзехскаго) съ хамитскими (египетскимъ). Пользуюсь случаемъ отмѣтить, что г. Гренъ также сопоставляетъ Кутаисъ и Κυταῖς у Аполлонія; я не согласенъ съ нимъ только въ опредѣленіи мѣстоположенія этого города.

[2]) „Древняя страна Урарту и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ“. (Землевѣдѣніе. 1895, кн. I, стр. 1–24).

[3]) „Краткій очеркъ“ и т. д. стр. 41.

это имя, Курхи простиралась къ югу отъ озера Вана; названіе ея обитателей переносится большинствомъ ассиріологовъ на современныхъ курдовъ, территорія которыхъ, дѣйствительно, совпадаетъ съ областью Курти (или Курхи, даже Кирхи) [1]). Во всякомъ случаѣ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что до времени открытія новыхъ надписей мы лишены всякихъ положительныхъ данныхъ для разъясненія древнѣйшей исторіи Кавказа. Слѣдуетъ прибавить, что и археологическія находки, сдѣланныя на Кавказѣ, донынѣ скрываютъ всякіе слѣды ассиро-вавилонской культуры на внутреннемъ Кавказѣ. Такъ напримѣръ, Р. Вирховъ, изслѣдователь Кобанскаго могильника (въ 30 верстахъ отъ Владикавказа), поражается тѣмъ фактомъ, что левъ, играющій такую видную роль въ ассиро-вавилонскомъ искусствѣ, никогда не встрѣчается въ пластикѣ древняго Кавказа. То же явленіе констатируется имъ и по отношенію къ изображенію быка. „Было-ли бы мыслимо,—замѣчаетъ Вирховъ [2]),—чтобы на Кавказѣ не найдено было ни малѣйшаго намека на это, если бы здѣсь существовало значительное (massgebend) ассирійское вліяніе". При всемъ различіи въ доисторическихъ культурахъ сѣвернаго Кавказа и Закавказья ихъ сближаетъ одна общая черта, полная независимость отъ ассирійскаго искусства. Приписывая доисторическую культуру Закавказья (Калакента и др.) армянамъ, а культуру у озера Вана представителямъ царства Вана (между прочимъ, самому царю Урсѣ или Русѣ), Вирховъ (стр. 60) приходитъ къ выводу, что армянское искусство древнѣе ванскаго, которое уже въ сильной мѣрѣ испытало ассирійское вліяніе.

Въ сущности говоря, это заключеніе не обязательно для насъ. Изъ отсутствія слѣдовъ ассирійскаго вліянія на Кавказѣ [3]) мы можемъ

[1]) Подробности объ этомъ ср. въ очень интересной и ученой статьѣ М. Штрека: „Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien Kurdistan und Westpersien nach babylonisch-assyrischen Keilinschriften" въ журналѣ „Zeitschrift für Assyriologie„ т. 13 (1898), стр. 57—110 (особенно стр. 102—103). По его мнѣнію, сопоставленію имень Курти съ Κολχίς высказанное Тиле только въ видѣ догадки, должно быть отвергнуто.

[2]) Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. (Abhandlungen Берлинской Акад. Наукъ, 1895), стр. 10.

[3]) То же стремленіе начать исторію страны (въ данномъ случаѣ, Грузіи) съ древнѣйшихъ временъ характеризуетъ и замѣтку г. А Хаханова: «Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру» (Этногр. Обозр. 1895. № 2, стр. 132 и сл.; тоже по французски въ Actes du X Congrès International des orientalistes. Sec. VII). Категорическія выраженія этого ученаго, когда онъ говоритъ объ ассирійскомъ вліяніи на Кавказѣ, не могутъ устранить сомнѣнія, связанныя съ вышеизложенными фактами. Такъ напр., изъ того, что, по мнѣнію гр. Уварова, сургаеа moneta, найденная въ Мцхетскомъ могильникѣ могла быть привезена изъ Индіи (хотя при распространеніи этой раковины въ видѣ монеты этого могло и не быть), г. Хахановъ дѣлаетъ выводъ, что „археологическія раскопки подкрѣпляютъ извѣстія древнихъ писателей о сношеніи Грузіи съ Индіей". Какихъ именно писателей и какія извѣстія, г. Хахановъ не указываетъ.

сдѣлать троякій выводъ: или его не было вовсе, или, дѣйствительно, искусство Кавказа извѣстно намъ въ такихъ древнихъ формахъ, когда ассирійское искусство со своимъ львомъ и быкомъ еще не выработалось, а вліяніе его не могло сказаться или наконецъ и это очень важно для интересующей насъ темы—найденные предметы восходятъ къ эпохѣ, когда преданія ассирійскаго искусства уже давно отошли въ вѣчность. Едва ли послѣдняя часть проблемы и не является разрѣшеніемъ вопроса. Мцхетскій могильникъ, древность котораго такъ велика, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (напр. г. Хаханова), именно въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько положительныхъ данныхъ: „монету Августа, оттискъ съ парѳянской монеты II вѣка по Р. Хр., рѣзной каменьсъ грубымъ изображеніемъ Аѳины съ побѣдой на рукѣ, что опредѣляетъ время некрополя первыми вѣками по Р. Хр.". Далѣе на одномъ цилиндрическомъ бронзовомъ сосудѣ находится латинская надпись: „изъ мастерской Кальпурнія" [1]). Выводъ гр. И. Толстого и г. Кондакова подтверждается сдѣланной генераломъ Бартоломеемъ въ 1867 году находкой греческой надписи 75 года по Р. Хр. неподалеку отъ Мцхета на мѣстѣ древней крѣпости, о постройкѣ которой и сообщается въ надписи [2]). Именно, эта мѣстность извѣстна въ Грузіи подъ именемъ Накулбакеви (бывшее торговое мѣсто), и здѣсьто, по указанію г. Іоселіани, оканчивалась древняя Армастика Плинія и Страбона, городъ Армазъ, Вахушта. „Въ этой крѣпости или укрѣпленномъ городѣ стоялъ идолъ Армазъ, низвергнутый св. Ниною и впослѣдствіи на мѣстѣ капища построена церковь во имя св. Нины, донынѣ уцѣлѣвшая".

Итакъ, суммируя эти данныя, мы имѣемъ основаніе утверждать, что и названіе Накулбакеви и находки въ Самтавро тѣсно связаны съ городомъ Армастикой, хорошо извѣстнымъ грекамъ и римлянамъ; другими словами, Мцхетскій могильникъ не можетъ говорить ни за, ни противъ ассирійскаго вліянія на Кавказѣ. Къ такому же сравнительно позднему времени издатели [3]) „Русскихъ древностей" относятъ Кобанскій могильникъ и прочіе некрополи Кавказа, которые всѣ описаны ими среди древностей эпохи переселенія народовъ. Ничего не говоря объ ассирійскомъ вліяніи [4]), эти некрополи тѣмъ не

[1]) „Русскія древности въ памятникахъ искусства". Т. III стр. 126.

[2]) „Двѣ классическія надписи, найденныя въ Закавказскомъ краѣ", сообщеніе г. Бартоломея въ Общ. Собр. Кавказскаго отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 11 дек. 1867 г., стр. 4—5.

[3]) Стр. 108 и слл.

[4]) Ассирійское вліяніе на искусство скиѳовъ констатируется тѣми же изслѣдователями не разъ (Русск. Древн. вып. II, стр 78, 97), но едва-ли можно сомнѣваться, что львы Александропольскаго кургана ведутъ свое происхожденіе оттуда же, откуда и Керченская ваза съ изображеніемъ охотящихся персовъ, т. е. изъ Персіи. Поэтому эти факты не даютъ для моей темы ничего существеннаго.

менѣе даютъ весьма цѣнные факты, оправдывая высказанное выше предположеніе о возможности сохраненія горскихъ именъ среди варварскихъ именъ на надписяхъ Босфорскаго царства. Древности южной Россіи начала нашей эры проходятъ по всѣму Сѣверному Кавказу, забираясь въ самые глухіе уголки главнаго хребта, служа памятникомъ живыхъ сношеній грецизированнаго Босфорскаго царства съ горскими племенами бассейновъ Терека и Кубани.

Переходимъ къ третьему этническому элементу (первые два грузинскій и горско-кавказскій, подъ которымъ здѣсь легче всего подразумѣвать черкесскій), который могъ оставить свои слѣды среди варварскихъ именъ босфорскихъ, ольвійскихъ и кавказскихъ надписей. Этотъ элементъ—іудейскій. Благодаря нѣсколькимъ замѣчательнымъ трудамъ, сдѣланнымъ въ послѣднее время, мы достаточно освѣдомлены какъ съ той ролью, которая принадлежала евреямъ на Кавказѣ, такъ и съ древностью ихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ. Г. Вс. Миллеръ въ введеніи къ изданію еврейско-татскихъ текстовъ [1]) не восходитъ при опредѣленіи древности еврейскаго населенія на Кавказѣ дальше VII вѣка по Р. Хр., но онъ констатируетъ бо́льшую распространенность, сравнительно съ современной, религіи Моисея въ Дагестанѣ и восточномъ Кавказѣ еще за 200—300 лѣтъ до нашего времени и, пользуясь арабскими и еврейскими извѣстіями объ обращеніи хазаръ въ іудейство, старается доказать, что это событіе произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ именно кавказскихъ евреевъ. Эти послѣдніе сохранили преданіе, связывающее начало ихъ переселенія на Кавказъ съ паденіемъ Израильскаго царства отъ руки Ассирійскаго царя, и если даже мы отнесемся скептически къ преданію, пережившему десятки вѣковъ, мы не можемъ не вѣрить свидѣтельству книги Есѳири (3,8) о томъ, что евреи проживали во всѣхъ сатрапіяхъ Персіи. По мнѣнію В. Миллера [2]) несомнѣннымъ фактомъ является то, что дѣйствительно въ той части Мидіи, которая впослѣдствіи называлась Атурпатаканомъ, а въ настоящее время извѣстна подъ названіемъ Адербейджана, существовало значительное еврейское поселеніе, которое и было колыбелью кавказскихъ евреевъ. „Въ пехлевійскихъ источникахъ эпохи Сассанидовъ [3]) не разъ упоминается о евреяхъ въ Персіи. Такъ, Іездегердъ I (339—420) относился къ евреямъ съ большимъ расположеніемъ, тогда какъ всего черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти евреи подверглись сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны фанатическаго царя Іездегерда II (438—457), а Перозъ (459—486) даже казнилъ ихъ

[1]) Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка. Спб. 1892.

[2]) Тамъ же, стр. XIII и прим. 4.

[3]) Въ виду важности источниковъ, которыми пользуется г. В. Миллеръ, приведу по его сочиненію названіе статьи Дармстетера, изъ которой онъ черпаетъ нижеприводимыя свѣдѣнія (Darmesteter. Textes pehlevis rélatifs au judaisme. Revue des études juives. t. XIX, 1889, p. 41).

политическаго главу, эксиларха, и нѣсколько ихъ раввиновъ". Въ связи съ этими преслѣдованіями г. Миллеръ ставитъ еврейскую колонизацію въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа, но нѣтъ сомнѣнія, что главная масса ея относится къ гораздо болѣе раннему времени. Даже оставляя въ сторонѣ „Исторію Моисея Хоренскаго", какъ памятникъ неустановленнаго времени и не выясненной достовѣрности, хотя ея показанія относятъ начало еврейскихъ поселеній въ Арменіи ко временамъ Навуходоносора, и хотя она, повидимому, хорошо знаетъ судьбы евреевъ въ Арменіи, то гонимыхъ, то переводимыхъ изъ одного города въ другой [1]), мы имѣемъ нѣсколько очень цѣнныхъ данныхъ въ исторіи Фауста Византійскаго (360 -370 г. по Р. Хр.). Разсказывая о нашествіи Сапора на Армению, онъ перечисляетъ тѣ города, которые подверглись разграбленію со стороны персовъ; во всѣхъ нихъ евреевъ оказывается столько же или даже больше, чѣмъ армянъ. По этому поводу мы находимъ у Фауста извѣстіе, повторяющееся и у Моисея Хоренскаго съ тою только разницей, что для Фауста это начало еврейскихъ поселеній въ Арменіи, тогда какъ Моисей уже родъ Багретіадовъ производитъ отъ евреевъ, и потому его слава, что Тигранъ во время похода въ Палестину вывелъ оттуда множество евреевъ, указываютъ на разнохарактерные источники, которые приходилось компилировать Моисею. Вотъ что говоритъ Фаустъ Византійскій: „Всѣ эти многочисленные евреи, уведенные персіянами изъ Арменіи, были выведены изъ Палестины великимъ армянскимъ царемъ Тиграномъ (I в. до Р. Хр.) во время плѣненія еврейскаго первосвященника Гиркана, котораго онъ также отвелъ въ Армению". Еврейскія поселенія въ Грузіи относятся Вахуштомъ [2]) ко временамъ Навуходоносора, когда евреи, бѣжавшіе отъ этого царя, были поселены мцхетскими мамасакли въ Кахетіи. Это преданіе, сходное, какъ мы видѣли, съ пережившими до нынѣ сказаніями горскихъ евреевъ [3]), повторяется въ другомъ сочиненіи того же автора „Исторіи Грузіи", при чемъ здѣсь Вахуштъ прибавляетъ что два грузинскіе евреи присутствовали при распятіи Христовомъ и принесли изъ

[1]) Всѣ данныя о евреяхъ изъ Исторіи М. Хоренскаго извлечены въ превосходномъ изданіи Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи: „Регесты и надписи". Т. I. Спб. 1899.

[2]) „Description géographique de la Géorgie" par M. Brosset Spb. 1842, стр. 285 въ описаніи Кахетіи.

[3]) Оно повторяется въ той же формѣ въ хроникѣ: „Жизнь Грузіи" („явились въ Грузію также евреи, гонимые Навуходоносоромъ, и поселились въ Занави"). Это мѣсто царевичъ Вахуштъ скомбинировалъ съ другимъ извѣстіемъ той же хроники, стоящимъ всего нѣсколькими строками выше: „прибыли въ Грузію со стороны моря Гургани турки... и съ разрѣшенія мцхетскаго мамасахлиса и съ согласія всѣхъ картвельцевъ поселились выше отъ Мцхета" и т. д. См. Сборн. Матер. XXII, 12.

Іерусалима ризу Христову въ Мцхетъ, и что послѣ разрушенія Іерусалима Веспасіаномъ еврейскіе бѣглецы явились въ Мцхетъ и поселились тамъ вмѣстѣ со своими единовѣрцами, пришедшими въ прежнія времена. Источникъ, которымъ пользовался здѣсь Вахуштъ, т. е. хроника: „Картлисъ-Цховреба“ (Жизнь Грузіи), восходитъ въ свою очередь къ памятнику очень древнему, на который и ссылается грузинская хроника. Это недавно найденное „Житіе св. Нины“, происхожденіе котораго относится г. Хахановымъ [1]) къ VII вѣку на томъ основаніи, что до времени царя Стефаноса II (639 - 663) сборникъ („Обращеніе Грузіи“ и „Житіе св. Нины“ составляютъ одинъ сборникъ, найденный г. Такайшвили въ 1890 году) даетъ съ нѣкоторой подробностью важныя историческія извѣстія, а потомъ для VII -IX вѣка ограничивается однимъ сухимъ перечнемъ эриставовъ. Изъ этого „Житія св. Нины“ и заимствована, по славамъ изслѣдователя [2]), глава о хитонѣ Господнемъ, принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ евреемъ Элiозамъ. Въ этомъ памятникѣ біографія просвѣтительницы Грузіи изложена отъ лица очевидцевъ, свидѣтельствующихъ объ ея апостольской дѣятельности и чудесахъ. Рядъ подробностей въ этихъ записяхъ указываетъ на то, что въ VII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, евреи считались древними обитателями городовъ Грузіи. Такая подробность, что св. Нина, попавъ въ Урбнисѣ (нынѣ селеніе горійскаго уѣзда Тифлисской губ.) въ еврейскій кварталъ, говорила по еврейски [3]), прекрасно согласуется съ фактами ея предшествовавшей жизни: когда св. Нинѣ было 12 лѣтъ, ея родители переселились въ Іерусалимъ, который нерѣдко и прежде служилъ мѣстожительствомъ для ея родителей. Встрѣча Нины съ евреями въ Урбнисѣ, разсказъ о которой вложенъ въ уста Міамфорѣ, армянкѣ, въ услуженіе которой святая была отдана патріархомъ, не могъ быть интерполированъ въ еврейскомъ смыслѣ; подробность о евреяхъ не могла быть вставлена въ него впослѣдствіи, потому что они не были ни мало заинтересованы въ ней. Возможно только предположить, что въ VII вѣкѣ, когда составленъ памятникъ, Урбнисъ такъ кишѣлъ евреями, что при упоминаніи о посѣщеніи города св. Ниной трудно было позабыть и еврейскій кварталъ. Въ такомъ случаѣ все же нужно думать, что и раньше VII вѣка евреи свили себѣ прочное гнѣздо въ Грузіи. Но гораздо вѣроятнѣе, что уже въ пору первой записи разсказа Міамфоры упоминаніе о евреяхъ было внесено въ него, и это подтверждается двумя другими свидѣтельствами о евреяхъ въ Мцхетѣ, занесенными въ то же житіе. „Глава 7-ая, которую описала еврейка по

[1]) Въ статьяхъ: „Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, сент. и „Источники по введенію христіанства въ Грузіи“. Древности Восточныя. Т. I. Москва 1893, стр. 299 - 347.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, сент. стр. 156.

[3]) „Источники по введ. христіанства въ Грузіи“, стр. 320, 322 и 326.

имени Сидонія, дочь священника Абіатара, принимаетъ за первооснову для своего разсказа о судьбѣ Хитона Господня во Мцхетѣ, что въ эпоху Распятія Христова во Мцхетѣ жилъ дѣдъ Сидоніи, Озія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ 140 г. до Р. Хр. евреи жили въ Самсунѣ (Амисѣ), городѣ, область котораго простиралась на западъ до р. Галиса, такъ что эта рѣка представляла границу между Синопомъ и Амисомъ. Филонъ (legat od Gajuw, § 36) утверждаетъ, что евреи живутъ по (южному) берегу Понта до его самаго восточнаго угла (ἄχρι Βιθυνίας καὶ τῶν τοῦ Πόντου μυχῶν [1]). Въ виду того, что по тому же извѣстію пришествіе св. Нины на Кавказъ совершилось въ 358 году нашей эры, конечно, указанная степень родства не можетъ быть принята; остается въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрнаго факта лишь то, что св. Нина встрѣтила въ Грузіи приверженцевъ въ средѣ евреевъ, которые относили свое пребываніе на Кавказѣ ко временамъ древнимъ, по крайней мѣрѣ, уже къ началу нашей эры [2]). 11-я и 12-я главы Житія разсказываютъ о томъ какъ Нина чудомъ исцѣлила слѣпорожденнаго еврея, и о томъ, какъ священникъ Абіатаръ изъ мцхетскихъ евреевъ крестилъ грузинскаго царя. Достовѣрность новооткрытыхъ памятниковъ грузинской словесности подтверждается до мелочей свидѣтельствами римскихъ и византійскихъ писателей, которые, не имѣя точныхъ географическихъ представленій о мѣстодѣйствіи излагаемыхъ ими событій, ничего не разсказываютъ о евреяхъ. Тѣмъ не менѣе, данныя Житія такъ хорошо согласуются между собой, что врядъ ли мы можемъ сомнѣваться, что, дѣйствительно, въ началѣ нашей эры евреи распространились по Кавказу. Какъ далеко они заходили въ своихъ культурныхъ и торговыхъ сношеніяхъ на сѣверъ, неизвѣстно; не знаемъ и того, если мы даже примемъ гипотезу г. Миллера о вліяніи кавказскихъ евреевъ на хозаръ, къ какому времени надо отнести начало сѣверно-кавказскихъ сношеній съ евреями. Несомнѣнно только одно, что въ Крыму, на Дону и на Таманскомъ полуостровѣ евреи водворились очень рано, и было бы, пожалуй, рискиванно совершенно отдѣлять два однородные факта, другими словами, евреевъ на Тамани не ставить въ связь съ евреями въ Мцхетѣ, съ одной стороны, и съ крымскими и танаидскими, съ другой. При характерной способности еврейскаго племени быстро распространять свои колоніи, примѣняясь ко всякимъ условіямъ быта и принимая языкъ и внѣшній бытъ народовъ, среди которыхъ ихъ забрасываетъ судьба, мы не думаемъ, чтобы евреи, водворившись въ Арменіи, въ Адербейжанѣ и Грузіи, не постарались немедленно проникнуть далѣе на сѣверъ, къ Тамани и Дону. Но, конечно, кромѣ этой волны, еврейскаго движенія мы въ

[1]) См. объ этомъ E. Schürer Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. III. 1898, стр. 3—5; на стр. 18 о евреяхъ въ Боспорскомъ царствѣ.

[2]) Это подтверждается еврейской надписью изъ *Мцхета* на арамейскомъ языкѣ, которую проф. Хвольсонъ относитъ къ IV—V вѣку. Надпись гласитъ: „это могила дорогого отца Іегуды, прозваннаго Гуркъ“ и т. д.

правѣ допустить существованіе и другихъ волнъ, забрасывавшихъ безпріютныя массы еврейства и въ Римъ, и въ Грецію, и на Понтъ.

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ реальнымъ фактамъ, остановимся прежде всего на двухъ надписяхъ изъ Керчи, бросающихъ яркій свѣтъ на бытъ евреевъ въ этомъ городѣ [1]). Въ первой надписи, датированной 377 годомъ (80 по Р. Хр.), какая-то Христа, вдова Друза, отпускаетъ на волю своего воспитанника Ираклa; она ссылается на одобреніе своихъ наслѣдниковъ, Ираклида и Еликоніады, и поручаетъ отпускаемаго опекѣ іудейской синагоги. Во второй надписи, относимой къ тому же времени, личныя имена не сохранились, но опять встрѣчается упоминаніе о синагогѣ іудеевъ. Хотя имена не указываютъ на еврейское происхожденіе лицъ, ихъ носившихъ, а подъ іудеями мы можемъ подразумѣвать и христіанъ, какъ это было въ ходу у писателей, полемизировавшихъ съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе самый фактъ появленія христіанъ въ Керчи въ 80 г. по Р. Хр. ручался бы за то, что среди населенія этого города были и евреи, главные носители и піонеры новой въ первый вѣкъ ея существованія. Однако врядъ ли христіанство успѣло пустить въ 80 году такіе прочные корни въ жизни босфорскаго города, чтобы въ надписи могла идти рѣчь объ общинѣ христіанъ, которая, къ тому же, никогда, кажется, и не называлась синагогой. Поэтому я держался бы того мнѣнія, что въ концѣ I вѣка нашей эры въ Керчи была уже цѣлая іудейская колонія [2]). Къ III вѣку г. Латышевъ относитъ обломки трехъ погребальныхъ плитъ, которыя на основаніи изображенія на нихъ семисвѣчника и полустертаго имени Σαμου(ηλ)ου на одной изъ нихъ приписываетъ также евреямъ. Нагробныя надписи въ Чуфутъ-Кале начинаются со 157 года по Р. Хр. и тянутся до 1773 года, отмѣчая этимъ непрерывность еврейскаго населенія въ глухомъ уголку Крыма. Кромѣ этихъ надписей, о евреяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря говорятъ Житіе херсонскихъ священномучениковъ, упоминающее о томъ, что въ возмущеніи язычниковъ противъ христіанскихъ епископовъ (6 дек. 300 г.) въ Херсонесѣ Таврическомъ принимали участіе и евреи [3]), и въ концѣ того же вѣка блаженный Іеронимъ. „Мы узнали отъ еврея, который былъ нашимъ учителемъ въ Священномъ Писаніи,—говоритъ онъ,—„что такъ (т. е. Сефарадъ) называется Босфоръ, и, какъ іудеи, онъ сказалъ, что эта та страна, въ которую переселилъ плѣнниковъ Адріанъ". Если въ этомъ сообщеніи и есть правда, то она относится, вѣроятно, не къ Киммерійскому Босфору,

[1]) Эти надписи, какъ и другія данныя, заимствую изъ вышеуказаннаго изданія Еврейскаго общества.

[2]) Такъ же смотритъ и извѣстный эбраистъ Шюреръ какъ въ своей книгѣ, такъ и въ статьѣ: „Die Juden im bosporanischen Reiche" (L. B. Берлинской Акад. 1897). Списокъ еврейскихъ именъ на греческихъ южно-русскихъ надписяхъ данъ мною въ газетѣ „Восходъ" (21 февр. 1902 г.).

[3]) „Регесты и надписи" I, 42.

такъ какъ здѣсь евреи извѣстны уже въ I вѣкѣ. Переходя къ Таманскому полуострову, отмѣчу еврейскую надпись IV—V вѣка: „Менахимъ сынъ Амца...“ и извѣстіе хронографа Ѳеофана, которое, хотя и выходитъ за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія, тѣмъ не менѣе даетъ любопытное указаніе на еврейскій элементъ на восточномъ берегу Чернаго моря въ VII вѣкѣ (извѣстіе относится къ 671 г.). „Къ восточной части на прибрежіи при Фанагоріи и окрестностяхъ, около живущихъ тамъ евреевъ находятся также и многія другія племена“ [1]). Семитическія имена среди варварскихъ именъ южно-русскихъ надписей уже давно указаны г. Соболевскимъ въ рецензіи г. Кулаковскаго на I томъ Сборника Б. Латышева. Дѣло будущаго изслѣдованія провѣрить и дополнить ихъ списокъ. Я надѣюсь скоро представить въ печати разборъ около 30 именъ (съ IV в. до Р. Хр.), которыя, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія.

Намъ остается разсмотрѣть еще два источника, откуда въ Босфорское царство могли приходить варварскія имена: какъ съ Арменіей, такъ и съ Персіей его соединяли разнообразныя связи. Сношенія аланъ-осетинъ съ армянами послужили предметомъ для тщательнаго изслѣдованія г. Миллера въ 3-мъ выпускѣ его „Осетинскихъ этюдовъ“. [2]). Первое достовѣрное извѣстіе о походѣ аланъ на Арменію принадлежитъ классическимъ писателямъ, Іосифу Флавію и Тациту [3]), по словамъ которыхъ аланы въ 72 г. по Р. Хр. совершали въ союзѣ съ грузинами (иберами) набѣгъ на Мидію и дошли до Арменіи. Оказывается, что аланы опустошили всю страну и увели къ себѣ толпы плѣнныхъ изъ Мидіи и Арменіи. Туземная армянская исторія въ лицѣ Моисея Хоренскаго сообщаетъ объ этомъ событіи болѣе пространный разсказъ, разукрашенный разными подробностями. Согласно этой версіи, неизвѣстной и грузинскимъ источникамъ армяне взяли въ плѣнъ сына аланскаго царя и для его освобожденія сестра юноши Сатинекъ предлагаетъ свою руку армянскому царю Арташесу. Въ недавнее время въ дисертаціи г. Халатьянца: „Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго“ (М. 1896) достовѣрность повѣствованія Моисея подверглась сильному подозрѣнію. Г. Халатьянцъ [4]) доказываетъ, хотя, на мой взглядъ, и не всегда убѣдительно, что въ основѣ разсказа Моисея лежитъ извѣстіе Іосифа Флавія, скомбинированное въ легендѣ Сати-

[1]) Регесты, I, 43.

[2]) Здѣсь на стр. 17—38 изложены извѣстія грузинской исторіи объ осетинахъ. Въ настоящее время они сведены М. Джанашвили подъ общимъ заглавіемъ: „Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи“ (Сборн. Мат. вып. XXII) и „Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѳіи, Осетіи, Хазаріи, Дидоэтіи и Россіи“ (Сборн. Мат. вып. XXVI).

[3]) См. Ю. Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ, 1899, стр. 9—12.

[4]) „Армянскій эпосъ“, стр. 243.

никъ съ преданіями книги „Эсѳирь“ [1]). Послѣднее очень правдоподобно: царица Астинэ (въ армянскомъ переводѣ Библіи), жена Артаксеркса, сильно напоминаетъ Сатиникъ, мудрую дѣву аланъ. Сомнительно только то, чтобы Моисей безъ всякаго повода ввелъ въ свой разсказъ эпизодъ о бракосочетаніи Аланки съ армянскимъ царемъ. Здѣсь могъ быть отзвукъ какого нибудь дѣйствительнаго историческаго событія, преданія, связаннаго съ нашествіемъ осетинъ на Арменію въ I вѣкѣ нашей эры. Въ 133 году аланы опять вторгаются въ Арменію и Мидію, призванные противъ Парѳянъ царемъ Иверіи, Фарасманомъ II [2]). Къ концу II вѣка грузинская исторія относитъ новыя столкновенія аланъ съ грузинами и армянами. При царѣ Амзаспѣ II (182—186) осетины (оссы) вторглись въ Грузію, но были поражены; въ союзѣ съ армянами Амзаспъ двинулся на осетинъ и проникъ въ ихъ землю; но впослѣдствіи армяне измѣнили свое отношеніе къ Грузіи, призвали на помощь римское войско и оссовъ и разбили Амзаспа [3]). Въ IIII вѣкѣ „во время войны армянскаго царя Хосрова съ сасанидомъ Арташиромъ, сыномъ Сасана, союзникъ армянъ, грузинскій царь Асфагуръ (262—265) открылъ ворота Кавказа и пропустилъ оссовъ, лековъ и хазаръ, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать противъ персовъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти армянскаго царя Хосрова, персы овладѣли Арменіей, то союзникъ его Асфагуръ грузинскій бросился въ Осетію, чтобы собрать тамъ войско, и умеръ въ этой странѣ“ [4]). На этомъ мы и оставимъ исторію сношеній осетинъ съ армянами. Важно то, что, по мнѣнію армянскихъ и грузинскихъ историковъ, осетины издревле находились въ сношеніяхъ и съ армянами, и съ грузинами, и съ прочими народностями Кавказа.

На прямыя сношенія сарматскихъ племенъ съ Персіей мы имѣемъ драгоцѣнное указаніе не только въ извѣстномъ разсказѣ Геродота о караванахъ, которые шли изъ Ольвіи къ исседонамъ, но и въ слѣдующемъ сообщеніи Страбона о сарматскихъ народностяхъ аорсовъ и сираковъ, кочевавшихъ у Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ „Аорсы занимаютъ большую часть страны и владѣютъ длиннымъ берегомъ Каспійскаго моря, ведутъ на верблюдахъ торговлю индійскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ армянъ и мидянъ; будучи богатыми, носятъ золотыя украшенія“ [5]). О каспіяхъ разсказываетъ Эліанъ [6]): они ловятъ въ какомъ-то огромномъ озерѣ большую рыбу, называемую остроносой (стерлядь?), солятъ и сушатъ ее;

[1]) Тамъ же, стр. 263 и 267.
[2]) Ю. Кулаковскій, Аланы, стр. 12—13.
[3]) В. Миллеръ. Осет. этюды III, 28.
[4]) Тамъ же, стр. 28—29.
[5]) XI, 5, 8.
[6]) XVII, 32.

затѣмъ „навьючиваютъ на верблюдовъ и везутъ въ Екбатаны".

Эти данныя достаточно ясно указываютъ, какимъ образомъ персидскія имена могли попасть на южно русскія надписи.

Таковы этническіе элементы, которые входили въ періодъ съ IV вѣка до Р. Хр. до IV в. по Р. Хр. въ составъ культуры, которую я позволю себѣ назвать греко-скифской и которая воспринимала двоякаго рода вліянія: одно изъ нихъ шло съ юга, изъ греческихъ городовъ, другое съ востока; это послѣднее направлялось двумя путями: одинъ шелъ черезъ Кавказъ, гдѣ передаточными пунктами служили армяне, грузины и иныя кавказскія горскія племена, другой направлялся изъ Средней Азіи и здѣсь передатчиками служили, по всей вѣроятности, родственные скиѳамъ саки, находившіеся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ гирканцами и парѳянами [1]).

Нашъ обзоръ не полонъ: литовцы и финны, равно какъ и славяне, могли также оставить свои слѣды на надписяхъ, но пока не выяснится размѣръ ирано-финскихъ, славянскихъ и литовскихъ отношеній, мы не имѣемъ возможности утверждать это положительно. Словарныя совпаденія и сходство орнаментовъ [2]) говорятъ, кажется, за то, что сношенія шли скорѣе на сѣверъ, имѣя односторонній характеръ, чѣмъ распространялись въ обѣ стороны одинаково. Такъ складывался восточно-европейскій культурный міръ.

---

[1]) В. В. Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, стр. 58.

[2]) Говоря о серебряной бляхѣ изъ Краснокутскаго кургана, издатели „Древностей скиѳо-сарматскихъ" (стр. 104) выражаются такъ: „тождество по рисунку этого предмета съ рѣзными коньками русскихъ избъ обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что оно является связующимъ звеномъ между урало-алтайскими художественными типами и звѣринымъ орнаментомъ европейскаго сѣвера".

VIII.

Къ вопросу о ѳракійцахъ [1]).

Кромѣ иранскихъ народностей, скиѳовъ и сарматовъ, славяне приходили на югѣ и на востокѣ въ соприкосновеніе съ близкородственнымъ имъ по языку и быту народомъ ѳракійцевъ. Свѣдѣнія Геродота объ этомъ народѣ были гораздо точнѣе и обильнѣе, чѣмъ о скиѳахъ. Кромѣ Геродота, ѳракійцы были хорошо извѣстны Ѳукидиту и другимъ греческимъ писателямъ, потому что афинянамъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ ѳракійскимъ царствомъ одризовъ, а черезъ него и съ другими враждебными или подвластными племенами. Благодаря всему этому, мы знаемъ довольно хорошо бытъ ѳракійцевъ, можемъ прослѣдить довольно подробно ихъ историческія судьбы и изучить ихъ географическое распредѣленіе; на-

[1]) Изъ обширной культуры о ѳракійцахъ привожу то, чѣмъ мнѣ удалось воспользоваться:

W. Tomaschek. Die alten Thraker. I. Eine etnologische Untersuchung (Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. der Wissenschaft. zu Wien. B. 128. 1893). II. Die Sprachreste. 1 Hälfte Glossen aller Art und Götternamen (ibid. B. 130. 1893), 2 Hälfte Personen-und Ortsnamen (ibid. B. 131, 1894).

K. Müllenhoff. Deutsche Alterthumskunde. III. B. Berlin. 1892 стр. 125—163.

Roesler. Das vorrömische Dacien. (Sitzungsber. d. Wien. Akad. B. 45. 1864).

A. Hock. Das Odrysenreich in Thrakien im V und IV Jahrh. v. Chr. (Hermes. B. 26. 1891).

D. Kalopothakes. De Thracia provincia Romana. Lipsiae. 1893.

P. Cretschmer. Einleitung in die Geschichte d. Griechischen Sprache. Göttingen. 1896, стр. 171—244.

F. Solmsen. Zum Phrygischen. Того же. Thrakisch-Phrygisches (обѣ статьи въ 34 томѣ журнала Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1895—1897 г.г.).

H. Kiepert. Lehrbuch. d. alten Geographie. Berlin. 1878, стр. 320—338.

E. Maass. Orpheus, München. 1895.

E. Keil. De Thracum auxiliis. Berlin. 1885 (перечисленіе ѳракійскихъ отрядовъ въ римскихъ войскахъ).

C. Gooss. Die römische Lagerstadt Apulum in Dacien. Schässburg. 1878 (интересный очеркъ XIII римскаго легіона, квартировавшаго въ Дакіи и жившаго въ I в. по Р. Хр. долгое время въ Вѣнѣ, а потомъ въ Apulum, тепер. Карлсбургѣ на Марошѣ, колоніи, достигшей наибольшаго расцвѣта при Септиміи Северѣ).

Fr. Hiller von Gaertrinken. De Graecorum fabulis ad Thraces petrinentibus. Berlin. 1896 (хорошій обзоръ литературы, отрицаніе ѳракійскаго происхожденія нѣкоторыхъ миѳовъ).

Рядъ интересныхъ статей по археологіи Ѳракіи помѣщенъ въ журналѣ „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“ (София. 18 томовъ): таковы, напр., статьи В. Добруски „Исторически погледъ върху нумизматиката на тракийскитѣ царое“ (въ 14 томѣ), его же „Тракийски конници“ (т. 11 и 12) и др. См. также книгу г. Смирнова „Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ“ (Казань. 1900).

конецъ, до насъ дошли кое-какіе, хотя и очень скудные остатки ихъ языка. Въ виду того, что исконное жительство ѳракійцевъ приходится въ область карпатовъ, а значитъ по сосѣдству съ предположенной нами родиной славянскаго племени, мы должны обратить особенное вниманіе на быть и языкъ ѳракійцевъ; можетъ быть изслѣдованіе, направленное въ эту сторону, дастъ намъ какія-нибудь указанія на взаимныя отношенія племенъ. Многое говоритъ за то, что родиной ѳракійцевъ является страна къ западу отъ Карпатъ и самые Карпаты. Прежде всего, самое названіе этихъ горъ широко распространено въ географическихъ именахъ ѳракійцевъ, гдѣ мы находимъ не только Καρπάτης ὄρος, но племена Καρπο-δάκαι (или Κάρποι), Καρπιανοί, и мѣстечко на Темѣ Καρπουδαῖμον. Далѣе, намъ извѣстно, что часть европейскихъ ѳракійцевъ испытывала Drang nach Osten: одно за другимъ слѣдуютъ выселенія ѳракійскихъ племенъ въ Малую Азію; сначала выходятъ фригійцы и армяне, потомъ виѳинцы, мизы и т. д. Спрашивается, почему эти выселенія были направлены на востокъ, а не на югъ. Кречмеръ совершенно вѣрно, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что въ эпоху ихъ страна на югъ отъ ѳракійцевъ была уже густо заселена. Кѣмъ? Конечно, греками. Такимъ образомъ ѳракійцы, подвигаясь при раздѣленіи индо-европейскаго племени вслѣдъ за греками, заняли мѣста къ сѣверу на нихъ. Какъ извѣстно, родина грековъ на Балканскомъ полуостровѣ лежала въ доисторическое время сѣвернѣе, чѣмъ въ историческое. Такимъ образомъ становится вполнѣ понятнымъ, почему древнѣйшее поселеніе ѳракійцевъ относится нами по близости отъ Карпатъ. Бытъ этого народа вполнѣ согласуется съ такимъ мѣстожительствомъ его: мы видимъ горныя племена, чуждыя стремленію къ мирной земледѣльческой жизни, и преданныя, какъ настоящіе горцы, войнѣ, разбою да скотоводству. Несмотря на постоянныя сношенія съ греками, ѳракійцы такъ и остались чужды ихъ утонченной культурѣ и вплоть до римскаго завоеванія оставились совершенно первобытнымъ народомъ, чуждымъ всякаго политическаго благородства. Очень важно для насъ, изслѣдователей славянскихъ древностей, то обстоятельство, что несмотря на свою многочисленность, ѳракійцы мало различались въ быту. Вотъ какъ выражается объ этомъ Геродотъ: „ѳракійскій народъ самый многочисленный на свѣтѣ, послѣ индійцевъ; если бы онъ держался вмѣстѣ или находился подъ властью одного государя, онъ былъ бы прямо непобѣдимымъ и самымъ сильнымъ, но такъ какъ имъ невозможно дойти до этого, то они даже слабы. Обычаи у нихъ у всѣхъ совершенно одинаковые, хотя они и распадаются на множество племенъ“ [1]). Писатель, значительно болѣе поздній, именно Павзаній повторяетъ слова Геродота о многочисленности ѳракійцевъ, которые уступаютъ въ этомъ отношеніи только кельтамъ, и мы можемъ нѣсколько провѣрить слова этихъ историковъ на основаніи численнаго

[1]) Гер. V. 3.

состава ѳракійскаго войска. Такъ, во вторую половину V в. до Р. Хр. одризскій царь Ситалкъ могъ выставить 150,000 человѣкъ, изъ которыхъ одна треть состояла изъ кавалеріи; даже при Буривистѣ въ I в. до Р. Хр. имѣли 200-тысячное войско; наконецъ, по словамъ Страбона, ѳракійцы, жившіе къ югу отъ Дуная и раздѣлявшіеся на 22 народности, могли въ крайнемъ случаѣ выставить 200.000 пѣхоты и 15.000 конницы [1]). Въ 26 году по Р. Хр. Тиверій произвелъ наборъ среди ѳракійцевъ, но встрѣтился съ возстаніемъ; тѣмъ не менѣе, уже въ 49 г. мы имѣемъ извѣстія о когортѣ ѳракійцевъ. Ко времени Тиверія и относится приведенное сообщеніе Страбона въ VII книгѣ, написанной между 17 и 21 гг. по Р. Хр. Что касается однородности быта у ѳракійцевъ, то сличеніе народныхъ обычаевъ, которое мы дадимъ ниже, вполнѣ подтверждаетъ заявленіе Геродота. Изъ исторіи ѳракійцевъ мы видимъ, что европейскія племена постоянно поддерживаютъ взаимныя отношенія: такимъ образомъ культурныя пріобрѣтенія, сдѣланныя однимъ изъ племенъ, должны были съ большой вѣроятностью перейти и къ другимъ; а отсюда, можетъ быть, и къ славянамъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на географическомъ распредѣленіи ѳракійскихъ племенъ, такъ какъ это не имѣетъ особеннаго значенія для слав. древностей. За то мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на отношеніи ѳракійцевъ къ ихъ малоазіатскимъ соплеменникамъ, ѳригійцамъ и армянамъ. Связь ихъ съ ѳракійцами ощущалась самими древними писателями; уже Геродотъ [2]) заявляетъ, что „ѳригійцы, какъ говорятъ македоняне, назывались Βρίγες все время, пока живя въ Европѣ, они были сосѣдями македонянъ; перейдя въ Азію, они вмѣстѣ съ мѣстомъ перемѣнили и свое имя, и стали называться Φρύγες. Армяне сидѣли около ѳригійцевъ будучи отъ рода ѳригійцевъ“ (ἐόντες Φρυγιῶν ἄποικοι). Это заявленіе „отца исторіи“ вполнѣ подтверждается данными языкознанія, а въ послѣднее время и нѣкоторыми археологическими находками, которыя здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, могутъ имѣть громадное значеніе: именно географическая и именная номенклатура европейскихъ ѳракійцевъ и фригійцевъ одна и та же: и тамъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ именное названіе Βρῦγοι (или Βρύγοι) и Φρύγεδ [3]); по мнѣнію Кречмера [4]) греческіе колонисты, натолкнушись въ Малой Азіи на ѳригійцевъ, познакомились съ ихъ именемъ еще въ формѣ Bhruges, которое въ ихъ устахъ превратилось въ Phruges=Φρύγες. Что касается личныхъ и мѣстныхъ именъ, то фракійцы, сохранившіе старину болѣе, чѣмъ ихъ болѣе даровитые и развитые соплеменники фригійцы, предпочитаютъ сложныя имена того же типа, съ какимъ мы встрѣчаемся у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, а фригійцы, склонны къ име-

[1]) Tomaschek. т. 128. стр. 114.
[2]) VII, 73
[3]) Tomaschek. ibd. 28—29.
[4]) Ibd. 229

намъ болѣе краткимъ и сокращеннымъ. Однако, и ѳракійцамъ не были вовсе чужды одноосновныя прозвища, и мы находимъ у обоихъ народовъ такія имена, какъ Κοτυς, Δᾶος, Δεῖδας, имена на -atos (др.-фриг. τεγατος, ѳрак. τορκοῦατος и др.) и др. съ другой стороны, и фригійцы сохранили въ слабыхъ остаткахъ древнія двуосновныя имена, вродѣ женскаго имени Αρεζαστιν или географическихъ названій Σαλαμβρία (=ѳрак. Σαλυμβρία—„городъ Салиса"; фриг. βρία=ѳрак. βρέα), Αβρόστολα (ѳрак. Δουρόστολος Manegordum и др. [1]). Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ геогр. названія прямо указываютъ на то, что здѣсь нѣкогда жили фригійцы. Такъ названіе рѣки Στρῡμών слѣдуетъ, согласно съ Томашекомъ [2]), считать фригійскимъ; дѣйствительно, это имя весьма обычно во фригійскомъ языкѣ, гдѣ мы находимъ нимфу Στρυμώ, дочь Скамандра, селеніе Στρύμη и городъ Στρυμόνιον. Въ сущности говоря, можно было бы считать названіе Στρῡμών словомъ чисто ѳракійскимъ, произведеннымъ отъ корня streu, распространеннаго въ германскихъ, литовскихъ и славянскихъ яз. (strom, струя, non strumyk, но въ пользу мнѣнія Томашека говоритъ то обстоятельство, что имена рѣкъ зачастую переживаютъ всякія перемѣны населенія. Подобно этому, мы видимъ, что до сихъ поръ уцѣлѣли въ славянскомъ языкѣ ѳракійскія названія рѣкъ (Marisos—Марошъ, Picnus—Пек, Timacus—Тимокъ, Almus—Ломъ, Cebrus—Цибрица, Utus—Видъ, Asamus—Осемъ или Осма, Jatrus—Янтра) [3]), тогда какъ названія городовъ переживаютъ въ самомъ рѣдкомъ случаѣ (напр. ѳрак. Durostorum—среднеболг. Drster). Переходя къ археологическимъ даннымъ, мы должны упомянуть о раскопкахъ, совершенныхъ во Фригіи въ недавнее время. Въ одномъ изъ раскопанныхъ невысокихъ холмовъ, которыхъ весьма много во Фригіи, были найдены горшечныя издѣлія, и между прочимъ весьма характерные горшки съ клювомъ (δέπος ἀμφικύπελλον), какія найдены только въ 5 и 6 слояхъ Гиссарлыка, обыкновенно, принимаемаго за древнюю Трою; развитіе керамики этой мѣстности отъ перваго до шестого слоя идетъ такъ правильно, что невозможно приписывать издѣлія перваго и шестого разнымъ народамъ; второй слой признается за гомеровскую Трою; такимъ образомъ установляется культурная близость фригійцевъ съ троянцами; идя тѣмъ же путемъ дальше, мы приходимъ къ подтвержденію со стороны археологіи ученія о выселеніи фригійцевъ и троянцевъ изъ Ѳракіи. Дѣло въ томъ, что въ одномъ изъ такихъ же холмовъ, какіе разсѣяны во множествѣ въ области древней Фригіи, а также въ Болгаріи, Валахіи, Молдавіи и всей вообще области древней Ѳракіи, именно въ холмѣ около Салоникъ (а здѣсь-то и жили, по заключенію Томашека, древніе фригійцы), который по своему устройству совершенно походилъ на фригійскій,

[1]) Kretschmer. 201—203.

[2]) Ibd, 58.

[3]) Ср. Kiepert 332, прим. 5; а также 334, прим. 5.

найдены горшечныя издѣлія, не отличающіяся отъ троянскихъ по техникѣ обжиганія [1]). Разумѣется, всѣ эти данныя пока еще весьма шаткаго свойства, но дальнѣйшимъ трудамъ, можетъ быть, удастся освѣтить этотъ важный вопросъ. Для насъ онъ имѣетъ значеніе постольку поскольку связываетъ культуру европейскихъ ѳракійцевъ съ бытомъ восточныхъ народовъ; этимъ путемъ могли доходить и до насъ, славянъ, кое-какія восточныя вліянія и культурныя пріобрѣтенія. Во всякомъ случаѣ уже древнее преданіе соединяло троянцевъ съ ѳракійцами, хотя до насъ это преданіе дошло въ совершенно извращенномъ видѣ. Именно, по словамъ Геродота, мизы и тевкры передъ троянской войной перешли черезъ Босфоръ въ Европу и покорили всѣхъ ѳракійцевъ до Іонійскаго моря и рѣки Пенея [2]).

Очень важно для славянскихъ древностей родство армянъ съ ѳракійцами, которое подтверждается, кромѣ прямыхъ историческихъ указаній, замѣчательной близостью древне-армянскаго языка съ ѳракійскимъ и фригійскимъ. Эвдоксъ прямо заявляетъ, что Ἀρμένιοι δὲ τὸ μὲν γένος ἐκ Φρυγίας καὶ τῇ φωνῇ πολλὰ φρυγίζουσι; Страбонъ приводитъ даже преданіе, согласно которому армяне произошли отъ двухъ ѳессалійцевъ, проходившихъ съ войскомъ Александра черезъ Арменію, а ѳессалійцы даже ссылались въ подтвержденіе этого преданія на близость своего костюма къ армянскому, и дѣйствительно нѣкоторыя географическія совпаденія указываютъ на древнее пребываніе армянъ въ Греціи: такъ, рѣка Пеней когда-то носила другое, чисто армянское названіе Ἀράξης, въ Ѳессаліи былъ городъ Ἀρμένιον и т. д. [3]). Путь армянскаго переселенія былъ, по Томашеку, слѣдующій: отъ Босфора онъ шелъ на востокъ по рѣчнымъ долинамъ Пафлагоніи по направленію къ рѣкѣ Галису (арм Аli-„Соленый"), затѣмъ черезъ позднѣйшую θέμα τῶν Ἀρμενιακῶν въ долину рѣки Лика, отсюда черезъ ущелье Сатала къ верхнему Эвфрату и наконецъ на равнину Айраратскую алародіевъ. Занятіе этой страны и прочихъ горныхъ областей до озера Ванъ совершилось, вѣроятно, только въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Хр., такъ какъ до этого времени клинообразныя надписи не сохранили ни малѣйшихъ слѣдовъ армянскихъ именъ. Уже въ очень раннюю эпоху армянскій языкъ проникся персидскими заимствованіями, но подъ ихъ густымъ слоемъ ему все же удалось сохранить кое-что весьма древнее; такъ напр., приращеніе гласной передъ глагольной основой въ образованіи прошедшихъ временъ роднитъ его особенно близко съ языками греческимъ и арійскимъ; и въ словарѣ уцѣлѣлъ порядочный запасъ стараго. Изученіе фригійскаго языка, отъ котораго дошли надписи греческими буквами, изслѣдованіе армянскаго словаря съ точки зрѣнія культурныхъ словъ могло бы принести большую пользу для изслѣдованія древнѣйшей культуры сѣверно-индо-европейской группы наро-

[1]) Kretschmer. 172—182.

[2]) VII. 20.

[3]) См. Kretschmer. 208—210.

довъ. Такъ, мы находимъ въ арм. ju-ка (рыба), которое ближе всего къ лит. слову žùk (mistras) (Fischmeister) и др.-прус. suckans (вин.-мн. = рыбы); eln (олень)=лит. elnis, отъ котор. род. ед. elin=слав. иелене; hun (дорога)=слав. пѫть, haçi (ясень)=др.-верх.-нѣм. asc, лит. ůsis, слав. ясень; get (рѣка=ѳрак. βέδυ)=вода; gin (цѣна)=слав. вѣно, гр. ὦνος, лат. venum и т. д.; gini (вино)=греч. οἶνος, алб. vene (вино); veç (шесть)=др.-прус. wus-chr-s (шестой) и др. [1]). Здѣсь мы должны указать на близость ѳракійскаго языка къ армянскому въ словарномъ отношеніи: цѣлый рядъ ѳракійскихъ словъ и именъ, собранныхъ съ небывалой до того времени подробностью Томашекомъ во второй части его изслѣдованія, находитъ себѣ объясненіе только изъ армянскаго языка. Такъ, имя ѳрак. племени Трэровъ значитъ собственно „пастухи“ (отъ корня trâ—образованіе съ суффиксомъ -ter: trâter откуда по законамъ армянскаго языка trair, какъ изъ pater—арм. hair; корень tra существовалъ въ арм. языкѣ, какъ это видно изъ сущ. erê—„скотъ“ = зенд. thrâya „пища“ [2]); царь Гетовъ носитъ имя χαρναβῶν, которое тожественно съ армянскимъ словомъ charu-a-ban (человѣкъ, который въ своей рѣчи громоздитъ одно слово на другое [3]); изъ множества индо-евр. словъ, сходныхъ съ ѳрак. βρίλων (брадобрѣй) отъ корня bri (брить), ближе всего подходятъ арм. birel, brel (sarculos abscindere); ѳрак. gestistyrum (locus possesorum) состоитъ изъ двухъ частей: gestistyrum (что и въ именахъ: Δουρό-στορος, Καπούστορος, Βήλαστύρας), а въ словѣ gesti рядомъ съ др.-перс. vista (ὁ κεκτημένος) мы находимъ армянскую перетасовку v въ g; ѳрак. σιρῶς (подземный домъ)=арм. sirim (sepulcrum); дакское растеніе κοτίατα (или κοτήατα) похоже на арм. xot (трава, свѣжескошенное сѣно); другое растеніе φιθοφθέθελα объясняется тоже изъ арм. (арм. pretur—перо, thithelu. thifhl „листикъ, шелуха“). Такимъ образомъ языки фригійскій и армянскій могутъ указывать, до извѣстной степени, на сношенія слав. съ ихъ сосѣдями, ѳракійцами, когда мы находимъ въ нихъ одинаковыя культурныя слова. Переходя къ европейскимъ ѳрак., мы остановимся только на тѣхъ изъ ихъ племенъ, которыя сыграли болѣе или менѣе видную роль въ судьбахъ народовъ, на время объединяли родственныя племена, входили въ сношенія съ чужеродными сосѣдями. Первымъ изъ такихъ племенъ являются одризы, жившіе по рѣкѣ Hebrus и его притокамъ τονζος и Erginias (теперь р. Марица, Тунджа и Ергини) и имѣвшіе при впаденіи Тунджы Гебръ столицу Одриса (Ὄδρυσα), которая на языкѣ сосѣдняго ѳракійскаго племени Бессовъ носила названіе Измдата (ш. Адріанополь). Томашекъ остроумно сопоставляетъ названіе Ὄδρυσα со слав. рѣкой Одрой, упоминая при этомъ, что и въ Дакіи была крѣпость Ὀδρίονζο, но нѣмецкія названія Одра (наприм. Odag-

[1]) Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik. passim.

[2]) Tomaschek. B. 128, s. 56.

[3]) Ibd. 93.

га, у Адама Бременскаго) показываетъ, что форма одра не первоначальная, и что, стало быть, сопоставленіе Томашека лишено основанія. Въ этой-то мѣстности, примыкавшей къ Македоніи, и развились первыя поползновенія ѳракійцевъ на подчиненіе себѣ сосѣднихъ племенъ и на образованіе большой монархіи. Геродотъ ничего не говоритъ о царствѣ Одризовъ, но уже при жизни его, приблизительно въ половинѣ V в. до Р. Хр., это царство, основанное, по разсказу Ѳукидида, ѳракійцемъ Тересомъ, достигло довольно большого могущества. Высшаго расцвѣта оно достигло при царяхъ Тересѣ, Ситалкѣ и Котисѣ. Тересъ дѣлалъ попытки расширить предѣлы своего государства до самаго моря насчетъ племени Тиновъ (Θύνοι), жившихъ на пропонтидѣ, а на сѣверъ онъ доходилъ до самаго Дуная и даже, что для насъ очень важно, заключилъ родственный союзъ со скиѳами, выдавъ свою дочь за скиѳскаго царя Аріапейтеса [1]). Эти сношенія продолжались и по смерти царя Тереса, при его сынѣ и преемникѣ Ситалкѣ, который впервые заявилъ притязанія на Македонію и такимъ образомъ началъ войну, которая, сто лѣтъ спустя, привела къ паденію одризскаго царства. Интересной подробностью въ исторіи этого государя являются его сношенія съ сѣвернымъ ѳракійскимъ племенемъ Гетовъ. Въ войнѣ съ македонянами, которую Ситалкъ началъ въ 429 г., войско этого царя состояло не только изъ Ѳракійцевъ между Гемомъ и Родопой до Чернаго моря и Геллеспонта, но и изъ Гетовъ, живущихъ по берегу Чернаго моря между Гемомъ и Дунаемъ [2]). Кромѣ того, въ качествѣ наемниковъ къ нему присоединились независимые горные ѳракійцы съ Родопы. Благодаря такому могуществу Ситалка, царство одризовъ тянулось при немъ по берегу моря отъ Абдеры (противъ остр. Ѳасоса) до устья Дуная. Всѣ сосѣднія ѳрак. племена боялись враждебныхъ намѣреній Ситалка; въ одномъ изъ походовъ противъ Трибалловъ онъ былъ убитъ въ сраженіи въ 424 г. Послѣ неважнаго періода въ царствѣ Одризовъ опять появляется могущественный и хитрый государь, Котисъ I (383—359). Его ловкая политика сумѣла охранить царство отъ все усиливавшихся притязаній царя македонскаго Филиппа; въ борьбѣ съ нимъ и съ аѳинянами проходитъ все царствованіе Котиса; объ его сношеніяхъ съ сѣверными соплеменниками мы ничего не слышимъ, и въ послѣдній разъ мы находимъ гетовъ въ войскѣ одризовъ при Сеутесѣ I въ концѣ V в. [3]). Это была фальшивая политика: вмѣсто того, чтобы объединить сѣверъ, одризкіе цари устремили все свое вниманіе на югъ, гдѣ болѣе способные и болѣе искусные въ военномъ дѣлѣ противники очень скоро превратились изъ побѣжденныхъ въ побѣдителей. Такимъ образомъ, немного спустя послѣ смерти Котиса, въ 341 году одризское царство подпадаетъ подъ власть царя Филиппа, который основываетъ цѣлый рядъ укрѣпленій въ странѣ ѳракійцевъ, а населеніе при-

[1]) Höck 77.
[2]) Höck 79.
[3]) Höck. 85.

нуждаетъ къ десятинной подати. Одризское царство не разъ возстановлялось и позже, но никогда оно не достигало той высоты могущества, какъ въ V и IV вв.

Для характеристики ѳрак. культуры того времени является очень интересной личность Котиса. Мы видимъ настоящаго дикаря. Вся его политика ограничивается постоянной хитростью съ сосѣдями, постояннымъ стремленіемъ ссорить аѳинянъ съ Филиппомъ и увѣрять обоихъ въ своей дружбѣ. Въ своей личной жизни Котисъ поражалъ своимъ пьянствомъ, кровожадностью, деспотизмомъ; однимъ словомъ мы видимъ настоящаго царя какихъ-нибудь зулусовъ, который для развлеченія своего рубитъ головы подданнымъ. Внутренняя политика формулировалась откровеннымъ заявленіемъ одного изъ одризскихъ царей, что онъ живетъ тѣмъ, что захватитъ въ странѣ. Тѣмъ не менѣе сумма доходовъ доходила при царѣ Сеутесѣ до огромной цифры въ 1.000 талантовъ, такъ что ѳракійское царство считалось самымъ богатымъ изъ государствъ Іонійскаго и Чернаго морей. За то безъ взятокъ въ немъ нельзя было дождаться никакого правосудія; по выраженію Ѳукидида [1]) ѳракійцы усвоили себѣ правило больше брать, чѣмъ давать (λαμβάνειν μᾶλλον ἢ διδόναι). Государство съ такими принципами не могло опереться ни на что, кромѣ меча, и потому, когда явился мечъ болѣе сильный, въ лицѣ Филиппа, оно быстро и безповоротно пало. Рядомъ съ Одризами слѣдуетъ упомянуть объ ихъ заклятыхъ врагахъ, Бессахъ, въ странѣ которыхъ находилось главное святилище ѳракійцевъ, прорицалище Діониса (τοῦ Διονύσου τὸ μαντήϊον) [2]). Весьма важно, что, кромѣ Бессовъ (Βῆσσοι, Βῆσσοι, Βέσσοι, Βέσοι, Besus—Vesus) къ западу отъ Одризовъ, были еще другіе Бесы (Βίεσσοι), которыхъ Птоломей помѣщаетъ между источниками Тисы и Вислы, значитъ въ нынѣшнихъ Бескидскихъ горахъ. Историческое значеніе Бессовъ все болѣе возрастаетъ по мѣрѣ приближенія ко времени римскаго завоеванія; они становятся носителями національной идеи, будучи хранителями національной религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это самые страшные разбойники, дикари, λῃστρικαί τινες καὶ λῃστρικοί (по выраженію Страбона); во главѣ крупнаго паннонско-далматинскаго возстанія при имп. Августѣ стоялъ Ὁλοσσαΐτης Θρᾷξ Βῆσσος ἱερεὺς τοῦ παρ᾽ αὐτοῖς Διονύσου; римлянамъ долго не удавалось смирить возстаніе; бессы дѣлались все смѣлѣе, пока не были перебиты врасплохъ, возвращаясь съ какого-то грабежа. Однако значеніе бессовъ не уменьшилось, и при Овидіи [3]) они являются главнымъ ѳракійскимъ народомъ наряду съ Гетами. Для насъ бессы важны въ томъ отношеніи, что они славились своими металлическими издѣліями, и что ихъ кузнецы бродили съ мѣста на мѣсто, какъ теперь цыгане. Археологическимъ путемъ можно было бы прослѣдить, какъ далеко заходили издѣлія бессовъ; до сихъ поръ этого изслѣдованія, къ сожалѣнію,

[1]) II, 97.
[2]) Herod. VII, 111.
[3]) Trist. III, 10, 5. IV, 1, 67.

еще не сдѣлано. Что эти издѣлія могли проникать и на сѣверъ и на востокъ, вполнѣ возможно при частыхъ сношеніяхъ ѳракійцевъ со скиѳами, съ кельтами и друг. племенами. Такъ, при преемникѣ Александра Великаго, Лизимахѣ, возстановленное царство одризовъ распространило свое вліяніе по всему западному прибрежью Чернаго моря до Дуная; когда Лизимахъ двинулся на приморскіе греческіе города, они тотчасъ же нашли поддержку и у ѳракійцевъ, и у скифовъ. Въ 310 г. ѳракійскій князь Аріофарнъ, по всей вѣроятности, гетъ [1]), принялъ участіе со своимъ 40.000 войскомъ въ династическихъ смутахъ, происходившихъ въ Крыму.

Въ началѣ III-го вѣка начинаются вторженія галловъ во Ѳракію; кельтское племя Скордисковъ пришло въ столкновеніе съ гетами, потомъ разбивъ ихъ, спустилось къ Трибаллямъ, большому и дикому племени, жившему отъ Ниша до Дуная; разбивъ и ихъ, скордиски усѣлись на Моравѣ, продолжая такъ давить трибалловъ, что тѣ бѣжали къ гетамъ. По рр. Моравѣ и Нишавѣ извѣстны нѣкоторыя кельтскія имена, въ родѣ Singidunum, Taliatu, Gerulata [2]). На югѣ мы находимъ поселенія Галатовъ и даже въ III в. царство Τύλη или Τύλις, названіе котораго думаютъ видѣть въ болг. селѣ Тулово на *„Туловскомъ полѣ“* (въ долинѣ рѣки Тунджы). Кромѣ галловъ во Ѳракію рано уже вторгаются Бастарны, имя которыхъ уцѣлѣло въ названіи Βαστέρναι (у Прокопія), крѣпости около Никополя. Вторженіе сарматскихъ языговъ въ долину Тисы оттѣснило ѳракійцевъ (даковъ) болѣе къ востоку; прежде—же они занимали всю страну между Ваагомъ и Марошемъ, будучи сосѣдями германцевъ [3]).

Переходимъ теперь къ изложенію историческихъ судебъ и географическаго положенія сѣверно-ѳракійскихъ племенъ, изъ которыхъ главными являются даки и геты. Они выступаютъ въ исторіи не одновременно: въ то время, какъ гетовъ мы находимъ уже въ войскѣ первыхъ одризскихъ царей, даки упоминаются впервые, но только мимоходомъ въ IV-мъ вѣкѣ. Въ комедіяхъ Менандра Даку и Гету (Δος и Γέτης=Davus и Geta) были отведены роли рабовъ, какъ передъ этимъ той же участи въ комедіи Аристофана подвергся Трибаллъ, представитель другого ѳракійскаго племени, страшно искажавшій благородный греческій языкъ. Но съ той поры самое имя Давовъ исчезаетъ изъ исторіи, пока не выплываетъ вновь незадолго передъ Р. Хр., уже въ формѣ Dâcus, которая относится къ формѣ Δᾶοι, какъ Graeci къ Γραῖοι [4]). Этимъ первымъ извѣстіемъ мы обязаны Цезарю [5]), который опредѣляетъ границы Герциніи [6]) слѣдующимъ образомъ: Hercynia silva—rectaque fluminis Danuvii regi-

[1]) Müllenhoff. 140.
[2]) Tomaschek. B. 128, S. 90.
[3]) Roesler. 314 и 325.
[4]) Kretschmer. 214.
[5]) Roesler. 316.
[6]) B. д. 6, 25.

one pertinet ad fines Dacorumet Anartium. Ниже мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ даки заявили всему тогдашнему міру о своемъ существованіи, а теперь намъ надо обратить вниманіе на странное незнакомство Геродота съ даками. О гетахъ онъ знаетъ хорошо, но даки жили сѣвернѣе и западнѣе ихъ и, стало быть, выходили изъ его района зрѣнія. Онъ могъ знать о нихъ только по наслышкѣ, изъ вторыхъ рукъ. Такимъ образомъ онъ отдѣляетъ агаѳирсовъ отъ прочихъ ѳракійцевъ и передаетъ о нихъ самымъ серьезнымъ тономъ подробности, сообщенныя ему, очевидно, людьми, иронически относившимися къ быту агаѳирсовъ. Именно, вотъ что онъ говоритъ объ этомъ племени: „агаѳирсы напротивъ отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носятъ золотыя украшенія; женщинами агаѳирсы пользуются сообща съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ быть братьями между собою и родными и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды". Такъ была понята извѣстная ѳракійская свобода нравовъ или какой-нибудь обрядъ, въ родѣ вакхананій. Далѣе Геродотъ прибавляетъ: „Въ остальномъ по образу жизни они походятъ на ѳракіянъ" [1]).

И дѣйствительно, мы можемъ думать, что агаѳирсы, жившіе по рѣкѣ Марису (Марошу [2]), принадлежали къ числу ѳракійцевъ. Трудно было бы допустить „при невѣроятности смѣны цѣлаго населенія въ такой горной мѣстности", какъ выражается Кипертъ [3]), что эта область, впослѣдствіи населяемая ѳракійскими даками, не была занята ими уже при Геродотѣ. На этомъ основаніи большинство историковъ (Мюлленгофъ, Кипертъ, Кречмеръ) отожествляютъ даковъ съ агаѳирсами. Противъ этого предположенія говоритъ однако прямое указаніе Плинія [4]) на то, что ранѣе даки жили западнѣе и только позже были подвинуты на востокъ [5]), Слѣдовательно, нѣтъ надобности прямо отожествлять даковъ съ агаѳирсами, да это и не важно, потому что такое отожествленіе ничего не прибавитъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о дакахъ; это та же погоня за именами, которую мы видимъ въ вопросѣ о нескиѳскихъ народахъ у Геродота [6]). Мало-вѣроятнымъ представляется также предположеніе Томашека [7]) о томъ, что маленькое родоиское племя Траусовъ переселилось съ Карпатъ и было только оторвавшейся частью большого племени, оставшагося на родинѣ, т. е. агаѳирсовъ. Правда, это мнѣніе

[1]) IV, 104.

[2]) Гер. IV, 49.

[3]) Lehrb. d. alt. Geogr. 333.

[4]) Plin. Hist. Nat. IV, 12. Campos et plana Sazyges Sarmatae, montes vero et saltus pulsi ab his Daci ad Pathissum amnem a Maro.

[5]) См. Roesler 314.

[6]) Можетъ быть интереснымъ только заявленіе Аристотеля, что законы агаѳирсами сложены въ видѣ пѣсенъ.

[7]) T. 128, стр. 70–71 и 99—100.

опирается на прямое свидѣтельство лексикографа V или VI в. Стефана Византійскаго (Ἀγάθυρσοι· ἔθνος ἐνδοτέρω τοῦ Ἴστρου и Τραυσοί· ἔθνος οὗτοι Ἕλληνες ὀνομάζουσι Ἀγαθύρσους), но дѣло въ томъ, что позволительно усумниться въ истинѣ этого показанія. Вѣдь отожествляетъ же Схоліастъ XII в., Іоаннъ Цецесъ, колховъ съ лазами, а авасговъ съ массагетами.

Что касается гетовъ, то къ счастію, мы имѣемъ довольно много данныхъ объ этой народности. Извѣстія о гетахъ и ихъ бытѣ не прекращаются съ Геродота до конца I вѣка до Р. Хр., когда при Веспасіанѣ было подавлено послѣднее возстаніе ихъ. Геты важны для насъ уже потому, что въ значительной степени ихъ бытъ напоминаетъ скиѳскій. По выраженію Ѳукидида, „εἰσὶ δ'οἱ Γέται καὶ οἱ ταύτῃ, ὅμοροί τε τοῖς Σκύθαις καὶ ὁμόσκευοι πάντες ἱπποτοξόται“ (т. е. геты и тамошнія племена, пограничныя со скиѳами и подобно имъ вооруженныя, являются всѣ конными стрѣлками). Далѣе, у гетовъ, какъ у всѣхъ, впрочемъ, ѳракійцевъ, существовалъ обычай закланія вдовы: Ѳеопомпъ (у Стеф. Виз.) прямо утверждаетъ, что этотъ обычай является у гетовъ чѣмъ-то закономѣрнымъ νόμος δὲ Γετῶν τὸ ἐπισφάζειν τὴν γυναῖκα τῷ ἀνδρί). Съ другой стороны, геты находились въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ греческими городами, расположенными по западному берегу Чернаго моря. „Между ними не рѣдко возникали брачныя связи. Торговцы доставляли внутреннимъ странамъ издѣлія разнаго рода, масло, вино и необходимую соль; взамѣнъ они получали хлѣбъ, дрова, а прежде всего рабовъ“ [1]). Впервые о гетахъ упоминаетъ Геродотъ по поводу Даріева нашествія на скиѳовъ. „Прежде чѣмъ дойти до Истра, Дарій покорилъ во-первыхъ гетовъ, вѣрующихъ въ безсмертіе души. Геты, изъ ѳракіянъ наиболѣе мужественные и справедливые, оказали сопротивленіе, но быстро были покорены“ [2]). По мнѣнію Мюлленгофа [3]), это сопротивленіе было оказано ими въ проходахъ Антосѣ или Шумлѣ. Геты были покорены и послѣдовали за войскомъ Дарія [4]). Въ это время районъ гетовъ еще не заходилъ по ту сторону Дуная, какъ это можно заключить изъ замѣчанія Геродота, что „передъ Скиѳіей лежитъ Ѳракія, простирающаяся до моря. Скиѳія начинается съ залива, образуемаго Ѳракіей. Здѣсь же входитъ въ Скиѳію Истръ, поворачивая на востокъ къ устью“ [5]). Этимъ можно объяснить, почему нѣтъ греческихъ словъ въ славянскомъ языкѣ, хотя славяне должны были бы сосѣдить съ ѳракійскими племенами. Дѣло въ томъ, что изъ этихъ послѣднихъ славяне могли приходить въ соприкосновеніе съ

[1]) Tomaschek. B. 128, s. 96.
[2]) IV, 93.
[3]) Ш. 126.
[4]) VI, 97.
[5]) IV, 99.

даками и агаѳирсами, а эти-то племена и были наименѣе подвержены греческому вліянію.

Мы уже видѣли, что свѣдѣнія Геродота по этой части были настолько скудны, что даже племя Агаѳирсовъ, жившее по рѣкѣ Марошу, онъ не зналъ, куда отнести, а о дакахъ такъ и просто онъ ничего не слыхалъ. Весьма возможно, что геты уже и тогда спорадически заходили за Дунай, но это прямо не отмѣчено Геродотомъ, который имѣетъ въ виду только гетовъ къ югу отъ Истра. Западную границу гетской области опредѣлить также невозможно, такъ какъ единственнымъ средствомъ является въ этомъ случаѣ, кажется, упоминаніе Геродота же [1] о рѣкѣ Аѳрисѣ (Ἄθρυς), которая течетъ чрезъ страну Кробизовъ (διὰ δὲ Θρηίκης καὶ Θρηίκων τῶν Κροβύζων ῥέοντες Ἄθρυς καὶ Νόης καὶ Ἀρτάνης ἐκδιδοῦσι ἐς τὸν Ἴστρον). Рѣка Янтра одинъ изъ ближайшихъ къ морю правыхъ притоковъ Дуная, такъ что на собственно гетскую область придется отвести очень немного мѣста; а потому будетъ, пожалуй, вѣрнѣе думать, что кробизы принадлежали къ гетскому племени. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что во времена несомнѣннаго появленія гетовъ по ту сторону Дуная мы тамъ же находимъ и Кробизовъ: Crobigni Плинія живутъ къ сѣверу отъ устья Дуная. Птолемей также помѣщаетъ ихъ въ гетской области между Одессомъ (Варной) и Каллатисомъ (Мангаліей). Наконецъ уже Гекатей приписываетъ какъ Кробизамъ, такъ и другому племени. Теризамъ, также оказывающемуся въ гетской странѣ, чисто гетскую религію Залмоксиса.

Такимъ образомъ въ древнѣйшую пору греческой исторіи мы должны отказаться отъ опредѣленія гетскихъ границъ; достовѣрно только то, что геты занимали значительную часть теперешней Болгаріи и Добруджу. Въ пятомъ вѣкѣ мы находимъ гетовъ въ войскѣ одризскихъ царей. Позже, въ 4-омъ вѣкѣ, въ разгарѣ завоеваній Филиппа Македонскаго къ этому царю является гетскій царь Коцелъ (Котелъ) (Κοθήλας), предлагаетъ ему руку своей дочери Меды и заключаетъ съ нимъ мирный договоръ. Немного спустя, Филиппъ двинулся противъ скиѳскаго царя Атеаса, распространившаго свою власть по обѣ стороны устья Дуная. Къ этому же времени появляются по ту сторону Дуная и Трибаллы, которые относятся одинаково враждебно и къ Атеасу, и къ Филиппу [2]. Въ 339 г. Атеасъ палъ въ битвѣ съ Филиппомъ, такъ что геты избавились отъ сильнаго сѣвернаго врага; теперь имъ было уже легко завладѣть наслѣдствомъ скиѳскаго царя, да и вообще они могли теперь легче распространяться къ сѣверу, такъ какъ со времени паденія Атеаса скиѳы все болѣе теряютъ свое политическое значеніе [3]. И дѣйствительно, во времена Александра, четыре года спустя (335 г.), мы находимъ гетовъ уже по ту сторону

---

[1] IV, 49.

[2] Tomaschek. 128, стр. 89.

[3] Müllenhoff III, 134.

Истра (Γέται οἱ πέραν τοῦ Ἴστρου ᾠκισμένοι [1]): собравъ большое войско, 4.000 конницы и 10.000 пѣхоты, они мѣшали Александру перейти Дунай, но онъ переправился ночью, и этой переправой такъ напугалъ гетовъ, что они бросились въ свой плохо укрѣпленный городъ, лежавшій неподалеку отъ рѣки, захватили женъ и дѣтей и бѣжали въ степь къ сѣверу отъ устья, въ такъ называемую Γετία ἡ ἔρημος [2]). Какъ объяснить неупоминаніе о враждебныхъ отношеніяхъ гетовъ къ Александру до этого мѣста. Не тѣмъ ли, что къ этому времени Гетія уже сложилась въ царство и организовала защиту своей столицы? Во всякомъ случаѣ, при преемникахъ Александра мы уже знаемъ подробнѣе о гетскихъ царяхъ. Правда, Томашекъ нашелъ уже у Софокла замѣчаніе: „καὶ Χαρναβῶντος, ὃς Γετῶν ἄρχει τὰ νῦν", но все же подробныя извѣстія о гетскомъ царствѣ начинаются только съ эпохи діадоховъ. При раздѣлѣ царства Александра въ 323 г. Ѳракія досталась Лизимаху, но его власть надъ ней и надъ западными черноморскими греческими городами была чисто номинальной. Павзаній сообщаетъ [3]), что послѣ войнъ съ Одризами этотъ царь устремился на гетовъ, царемъ которыхъ былъ Дромихетъ. Встрѣтившись здѣсь съ людьми, опытными въ военномъ дѣлѣ и вдобавокъ превосходившими его своею численностью, Лизимахъ оказался въ самомъ критическомъ положеніи, а сынъ его, Агаѳоклъ, попалъ даже въ плѣнъ къ гетамъ. Лизимаху не везло счастье и въ послѣдующихъ битвахъ; кромѣ того, онъ тревожился за участь своего сына; поэтому онъ заключилъ съ Дромихетомъ миръ, предоставивъ гетамъ задунайскія области и отдавъ замужъ за ихъ царя свою дочь. Страбонъ разсказываетъ, что самъ Лизимахъ попалъ въ плѣнъ къ гетамъ, но царь Дромихетъ принялъ его съ большимъ почетомъ, роскошно угостилъ и потомъ отпустилъ на волю, давъ ему совѣтъ не водить свое войско въ такія страны, гдѣ подъ открытымъ небомъ долго не выдержитъ никакое войско. Вскорѣ послѣ этого начинаются вторженія галловъ во Ѳракію; мы слышимъ о цѣломъ рядѣ такихъ походовъ, и по свидѣтельству Юстина [4]), галлы разбили трибалловъ и гетовъ. По мнѣнію Мюлленгофа [5]), основаніе гальскаго царства (Tyle у подножія Гема) привело къ паденію задунайскаго гетскаго; это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что и послѣ того, какъ около 213 г. галлы были побиты возставшими ѳракійцами, о гетскомъ задунайскомъ царствѣ нѣтъ уже ни слуха, ни духа, тогда какъ одризское опять выплываетъ на время. Впрочемъ, это можетъ объясняться и иначе, простымъ незнакомствомъ грековъ съ дальнимъ сѣверомъ. За то не разъ упоминается о гетскихъ царяхъ на Гемѣ: такъ, когда около 180 г. во Ѳракію вторгаются Бастарны, геты оказываютъ имъ сильное сопротивленіе въ проходахъ

[1]) Arrian. Anab. I, 3, 5.
[2]) Эта степь простиралась до Днѣстра.
[3]) I, 9, 7.
[4]) 25, 1.
[5]) III, 144.

Гема. [1]) Въ эту эпоху галаты бастарны считаются единственными господами странъ, лежащихъ къ западу отъ Днѣстра; значитъ, если бы гетское царство даже уцѣлѣло до тѣхъ поръ, теперь оно должно было бы пасть. Такое заключеніе Мюлленгофъ [2]) выводитъ изъ Ольвійскаго постановленія и изъ извѣстій о Бастарнахъ; однако ему противорѣчитъ Страбонъ, который еще знаетъ гетскую степь, тирагетовъ и толкуетъ о смѣшеніи ѳракійскихъ и скиѳскихъ элементовъ, и певтингерова таблица, помѣщающая гетовъ на устьѣ Дуная и въ Добруджѣ: кромѣ того, Плиній знаетъ около нихъ Кровизовъ. Поэтому, намъ кажется, что Мюлленгофъ здѣсь слишкомъ просто разрѣшаетъ гетскій вопросъ Что касается гетовъ на Гемѣ, то у Скимна (стр. 738) мы находимъ извѣстіе, что городъ Месембрія у подножья Гема граничитъ съ ѳракійской и гетской областями. Но вмѣсто гетовъ, онъ упоминаетъ тотчасъ же о кровитахъ, причемъ районъ ихъ респространенія совпадаетъ съ прежнимъ гетскимъ. По словамъ его, Гемъ простирается отъ Кровизовъ и берега Понта до Адріатическаго моря; въ окрестностяхъ Одессы живутъ ѳракійскіе геты; у Діонисополя кровизы граничатъ со скиѳами; на устьѣ Дуная живутъ ѳракійцы и бастарны, а выше раскидывается Скиѳія до неизвѣстной и не населенной земли т. е. славянской территоріи. Можно и иначе доказать, что въ пониманіи древнихъ географовъ территоріи кровизовъ и гетовъ сливаются. Такъ, Страбонъ и Птоломей знаютъ надъ Гемомъ у Понта только кровизовъ и троглодитовъ (скиѳовъ), а Плиній—гетовъ и троглодитовъ. Отсюда слѣдуетъ, что кровизы были только наиболѣе виднымъ изъ гетскихъ племенъ. Немного позже мы находимъ другое смѣшеніе именъ: когда Лукуллъ въ войнѣ съ Митридатомъ въ 70-хъ годахъ I-го вѣка до Р. Хр. разбилъ цѣлый рядъ греческихъ западно-черноморскихъ городовъ, онъ долженъ былъ встрѣтиться и съ гетами. Комментаторъ „Энеиды“, Сервій, замѣчаетъ: „Getarum fera gens etiam apud maiores fuit; nam ipsi sunt Mysi, quos Sallustius a Lucullo dicit esse superatos“ [3]) (дикое племя гетовъ существовало и въ прежнее время; это—мизы, которые, по словамъ Саллюстія, были побѣждены Лукулломъ). И дѣйствительно, только Лукуллъ познакомилъ образованный міръ съ этимъ маленькимъ племенемъ, занимавшимъ незначительное пространство по Дунаю въ нынѣшней Сербіи; при Лукуллѣ въ рукахъ этого племени сосредоточилось главенство надъ всѣми ѳракійцами къ сѣверу отъ Гема, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что римляне, подчинивъ себѣ Ѳракію, окрестили всю область къ югу отъ Дуная и къ востоку отъ Саввы то Понта Мизіей. Въ это время выступаютъ впервые даки, близкіе родственники гетовъ; Страбонъ заявляетъ, что даки говорятъ на томъ же языкѣ, что и геты, а геты имѣютъ одинъ языкъ съ ѳракій-

[1]) Лив. 40, 58.
[2]) Ib. 145.
[3]) Къ стиху Sive Getis inferre manu lacrimabile bellum.

цами Какъ къ югу отъ Дуная геты сливаются съ мизами, такъ къ сѣверу отъ него они все болѣе отожествляются съ даками. Однако, нельзя думать, что гетовъ уже нѣтъ, на самомъ дѣлѣ. Діонъ Кассій, самъ управлявшій въ концѣ II-го или началѣ III-го столѣтія провинціей Панноніей, еще знаетъ гетовъ и отличаетъ ихъ отъ даковъ, утверждая, что геты живутъ къ сѣверу отъ Гема около Дуная. Римскіе поэты временъ Августа также знаютъ гетовъ около Томъ (теперь Кюстенджи [1]): о нихъ говорятъ Горацій, Виргилій, Проперцій, подробно и безъ всякой идеализаціи разсказываетъ Овидій.

Однако политическаго значенія геты уже не имѣютъ.

Въ то время, когда геты уже пережили свои лучшія времена, даки только что выступили на арену исторіи. Принадлежали ли и они къ числу ѳракійскихъ племенъ? Мюлленгофъ какъ бы сомнѣвается въ этомъ, указывая [2]) на несходство ѳракійскихъ личныхъ и географическихъ названій съ дакійскими. Увлекаясь своимъ предположеніемъ о томъ, что между гетами и даками нѣтъ племенной связи, онъ отрицаетъ и самую политическую связь между задунайскими даками и балканскими гетами. Но не говоря уже о томъ, что смѣшеніе гетовъ съ даками чѣмъ нибудь да было вызвано (иначе почему бы дакамъ не называться мизами или какъ либо иначе), мы находимъ много общаго и въ самыхъ именахъ, выдающихъ ѳракійское происхожденіе даковъ. Утвержденію Мюлленгофа, что слово—dava во второй части географическихъ названій принадлежитъ только дакійскому словарю, слѣдуетъ противопоставить тотъ фактъ, что на рѣкѣ Аксіи былъ городъ Desudava [3]), а Стефанъ Византійскій упоминаетъ о ѳракійскомъ городѣ Δαύιοντεῖχος [4]). Далѣе, дакійскія личныя имена имѣютъ во второй части сложенія довольно часто слово—por (Natoporus, Petoporus, Pieporus), обычное во ѳракійскихъ именахъ [5]).

Первымъ дакійскимъ царемъ, извѣстнымъ въ исторіи, является [6]) Oroles, имя котораго встрѣчается и во Ѳракіи въ формѣ Ὄλορος, а легче всего объясняется изъ армянскихъ словъ oror, urur, ulûr (соколъ, ястребъ)—слав. орь-лъ, [7]). Этотъ Oroles долго и неудачно боролся съ бастарнами, которые въ серединѣ II-го вѣка до Р. Хр. стояли на вершинѣ своего могущества. Наконецъ, даки собрались съ духомъ и прогнали бастарновъ. Въ войнѣ съ римлянами въ 110 г. даки были приверженцами скордисковъ. Скоро послѣ этого мы уже

---

[1]) Томы были расположены около холма Анатоль-кіой, гдѣ сохранились даже остатки стѣнъ; онѣ доходили до тепер. Кюстенджи, такъ, что оба города могли быть окружены одной стѣной. Kalopathakes. стр. 70.

[2]) III, 151.

[3]) Tomaschek. 128, стр. 102.

[4]) Kalopathakes. 75.

[5]) Tomaschek. B. 131, стр. 21.

[6]) Исторію даковъ мы излагаемъ по Tomaschek'y. 128 B., s. 102 ff., по Мюлленгофу и по Рёслеру.

[7]) Tomaschek. B. 131, s. 10.

слышимъ о великомъ дакійскомъ реформаторѣ Буривистѣ, имя котораго дошло до насъ во множествѣ характерныхъ варіантовъ (гдѣ, между прочимъ, и по закону ѳракійскаго языка переходитъ въ oi), а объясняется изъ иранскаго языка (bhuri—много, vista—имѣющій). Этотъ дакскій царь, войдя въ соглашеніе со жрецами и и главою ихъ Δεκαίνεος'омъ, задумалъ совершить нравственную реформу своего народа, которая состояла въ томъ, чтобы народъ отказался отъ вина. Пьянство и отсутствіе дисциплины сильно ослабили даковъ; теперь они быстро поправили свои дѣла и даже подчинили себѣ многія сосѣднія племена; наконецъ они взяли Ольвію. Этотъ послѣдній фактъ историки дружно относятъ къ дакамъ, хотя единственный источникъ въ данномъ вопросѣ, панегиристъ I в. по Р. Хр. Діонъ Хризостомъ, относитъ его къ гетамъ (εἴλον τὴν Ὀλβίαν Γέται καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐν τοῖς ἀριστεροῖς τοῦ Πόντου πόλεις μέχρι Ἀπολλωνίας). И дѣйствительно, Діонъ можетъ быть правъ: даки, двинувшись на югъ въ Македонію, должны были потѣснить и гетовъ, которые могли броситься на сосѣдніе города. При Буривистѣ даки обладали 200-тысячнымъ войскомъ, сильно притѣсняли своихъ кельтскихъ сосѣдей и даже пугали римлянъ. Но ихъ красные дни продолжались недолго: послѣ смерти могучаго царя Дакія распалась на четыре части. Въ союзѣ съ сарматами даки продолжаютъ переходить черезъ Дунай и грабить римскія провинціи. Съ большимъ трудомъ войску императора Августа удается смирить буйныхъ даковъ, и при Тиверіи все спокойно; въ это время вторгаются сюда языги, еще болѣе ослабляютъ даковъ, и римское вліяніе все усиливается въ подчиненной странѣ. Только смуты послѣ смерти Нерона опять вызываютъ на сцену дружныя возстанія сарматовъ и даковъ; лишь при Веспасіанѣ дакамъ приходится опять плохо: 100 тысячъ человѣкъ съ дѣтьми и женами, царями и князьями было переселено въ Мизію. Скоро дакамъ опять стало легче; воспользовавшись династическими неурядицами, ослаблявшими имперію, царь Дурасъ отрекся отъ власти въ пользу хитраго и умнаго Децебала. Въ Римѣ въ то время правилъ лѣнивый Домиціанъ, который, завидуя успѣхамъ своего полководца Юлія Агриколы, послалъ на войну другого, менѣе искуснаго вождя. Децебалъ въ полной мѣрѣ воспользовался этимъ: въ 86 г. онъ совершилъ первый большой набѣгъ на Мизію; тогда римляне собрали большое войско и двинули его на Децебала, но тотъ, желая отдѣлаться отъ врага, заключилъ съ нимъ миръ, а при первомъ удобномъ случаѣ опять переступилъ границу. Но тутъ римскій полководецъ Юліанъ двинулся въ самую Дакію и разбилъ даковъ; но далѣе онъ не пошелъ, обманутый военной хитростью Децебала, который велѣлъ срубить лѣсъ въ человѣческій ростъ, а на пни надѣлъ вооруженіе. Наконецъ, императоръ заключилъ съ Децебаломъ довольно позорный міръ, въ которомъ подъ именемъ подарковъ обязался уплачивать ежегодную подать. Кромѣ того, онъ послалъ къ нему много искусныхъ мастеровъ

военныхъ и мирныхъ дѣлъ, и этимъ далъ въ руки сѣвернымъ варварамъ хорошее средство усвоить себѣ римскую цивилизацію. Впрочемъ, въ Римѣ былъ отпразднованъ въ 90 г. тріумфъ надъ даками, а Домиціанъ даже приводилъ сочиненное на этотъ случай письмо мнимо побѣжденнаго Децебала. Послѣдніе годы Домиціана и время Нервы прошли на Дунаѣ тихо; но въ 101 г. началась та война Трояна съ даками, котороя въ скоромъ времени привела ихъ къ паденію. Искуснымн маневрами Троянъ раздробилъ силы врага. Перейдя Дунай по двумъ понтоннымъ мостамъ, римское войско, во главѣ котораго стоялъ самъ императоръ, проникло въ Седмиградію и здѣсь разбило даковъ. Съ другой стороны надвигалось войско Лузія; тогда Децебалъ палъ духомъ и послалъ къ императору пословъ съ просьбами о мирѣ, который онъ получилъ не сразу и на очень тяжелыхъ условіяхъ, и все же на завоеванной римлянами территоріи прочно утвердились римскіе гарнизоны. Сопротивленіе становилось все болѣе труднымъ. Въ 106 г. Децебалъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, его страна была окончательно покорена римлянами. Троянъ, вернувшись въ Римъ, отпраздновалъ великолѣпный тріумфъ, устроилъ игры, на которыхъ боролось 10.000 гладіаторовъ и 11,000 звѣрей и воздвигъ колонну съ изображеніемъ сценъ изъ военной и мирной жизни даковъ. На этомъ и окончилась политическая жизнь ѳракійскаго племени. Обратимся къ его культурѣ.

Въ бытѣ гетовъ историковъ особенно поражаетъ ихъ вѣра въ безсмертіе души. Эта черта представляется имъ настолько характерной, что они выдвигаютъ ее на первый планъ, говоря о гетахъ. Геродотъ называетъ ихъ οἱ ἀθανατίζοντες; Платонъ говоритъ о ѳракійскихъ врачахъ, οἳ λέγονται καὶ ἀποθανατίζειν, Діодоръ, Арріанъ, Юліанъ и Оригенъ повторяютъ слова Геродота, называя гетовъ οἱ ἀποθανατίζοντες, а императоръ Юліанъ изъ религіи гетовъ выводитъ ихъ отчаянную смѣлость. Это ученіе сводилось къ убѣжденію гетовъ, что со смертью они не умираютъ, но удаляются къ божеству Салмокису (у другихъ историковъ онъ называется такъ же или Залмоксисомъ); нѣкоторые изъ нихъ называютъ то же самое божество Γεβελέϊζις [1]). Гетскія племена теризовъ и кровизовъ, сосѣдившихъ съ греческими черноморскими городами, также знали Салмоксиса, и ихъ умершіе также отправлялись къ нему. Грековъ не могло не поразить это чуждое имъ вѣрованіе, и они связали его съ Пиѳагоромъ, который также училъ о безсмертіи души. Въ разсказѣ Геродота мы находимъ версію, въ которой трудно раздѣлить туземные и мѣстные элементы. Нашъ историкъ передаетъ ее въ IV, 94—96 гл. Культъ Салмоксиса былъ извѣстенъ и у даковъ; мы можемъ заключать объ этомъ уже потому, что Декайней, съ помощью котораго царь Буривистъ совершилъ свою нравственную реформу, жилъ въ недоступномъ замкѣ, считавшемся резиденціей бога, и признавался за его преемника. Такимъ образомъ

[1]) Herod. IV, 94.

у сѣверныхъ ѳракійцевъ этотъ богъ имѣетъ такое же значеніе, какое у южныхъ имѣлъ Діонисій, святилище котораго находилось въ области Бессовъ. Было бы очень любопытно изслѣдовать, насколько въ религіи Діониса былъ силенъ элементъ безсмертія души; но это изслѣдованіе нуждается въ детальной разработкѣ земныхъ мистерій греческаго Діониса; только тогда будетъ возможно указать на ѳракійскіе элементы, а въ нихъ отмѣтить присутствіе вѣры въ безсмертіе души.

На основаніи того, что на горѣ Пангеонъ находился, по словамъ Еврипида, главный культъ Орфея, какъ думаетъ Maass [1]), а здѣсь же какъ разъ было баснословное святилище Діониса, состоявшее подъ охраной и въ вѣдѣніи бессовъ, на основаніи этого Maass приходитъ къ выводу [2]), что эллинскій Орфей встрѣчалъ совершенное соотвѣтствіе себѣ въ сонмѣ боговъ ѳракійской религіи. Орфическія преданія представляютъ кое-какія общія черты съ миѳологическими воззрѣніями ѳракійцевъ-гетовъ. Именно, греческіе орфики полагали, что умершіе отправляются къ Орфею и давали ему для передачи Орфею таблицы съ ихъ желаніями отъ орфиковъ. Этотъ обычай перешелъ къ кельтамъ, которые, судя по описанію Юлія Цезаря [3]), охотно заимствовали эллинскія культурныя формы, въ томъ числѣ и религіозныя. Однако въ своей основѣ обычай отправленія пословъ къ богу, вѣроятно, не эллинскій, а ѳракійскій, такъ какъ въ болѣе грубой и, видимо, болѣе ранней формѣ онъ засвидѣтельствованъ Геродотомъ въ религіи Залмоксиса къ которому черезъ каждые четыре года отправляли посла съ порученіями, котораго они выбирали изъ своей среды и потомъ убивали. Отожествивъ Орфея съ Залмоксисомъ, Maass утверждаетъ, что въ массѣ раздробленныхъ племенъ ѳракійскаго народа можно замѣтить противоположныя религіи Діонисія и Залмоксиса. Но, какъ мнѣ кажется, это слишкомъ поспѣшное умозаключеніе: по словамъ того же ученаго, культъ Діонисія заключалъ элементы, по внѣшности совершенно отличные отъ религіи Орфея, но въ сущности вполнѣ съ нею тожественные. Поэтому, когда высококультурные минійцы занесли на Ѳракійскій берегъ орфическую религію, она быстро связалась съ культомъ Діониса, и результатомъ такого сліянія было новое ученіе, діонисоорфическое, особенность котораго заключалась въ соединеніи эллинскаго элемента съ не-эллинскимъ и которое совершило тріумфальное шествіе по греческимъ, а потомъ италійскимъ и восточнымъ странамъ. Въ этомъ я не могу согласиться съ Маассомъ: если была возможна сплавка двухъ религій, въ основѣ тожественныхъ, и если Залмоксисъ-ѳракійскій Орфей, какъ предполагаетъ онъ самъ, то говоритъ о противоположности культовъ Діониса и Залмоксиса невозможно; другими словами, если A = B, а B = C, то и A = C. Такимъ образомъ, я думаю, что будетъ справедливѣе говорить объ един-

[1]) Стр. 68.
[2]) Стр. 158.
[3]) De bello gallico VI, 14.

ствѣ ѳракійской религіи, какъ это единогласно утверждаютъ и античные писатели. Продолжая въ томъ же направленіи, я выскажу предположеніе, что религія ѳракійцевъ носитъ отпечатокъ глубокой старины, можетъ быть, древности обще-индо-европейской. Изслѣдованія Лейста [1]) въ достаточной мѣрѣ выяснили этическую сторону этой „а р і й с к о й“ религіи и намѣтили ея орфическій характеръ. Показаніе Аристотеля объ агаѳирсахъ, въ которыхъ я склоненъ видѣть ѳракійцевъ, указываетъ также на орфическій строй ихъ жизни. Въ мистеріяхъ Орфея сохранились черты индо-европейской религіи: жертвенная солома на засѣданіяхъ аѳинскихъ і о б а к х о в ъ, эта эллинская параллель къ славянскому обычаю обѣдать (= угощать боговъ) на соломѣ въ сочельникъ, восходитъ уже къ индо-европейскому ритуалу угощенія боговъ или „т е о к с е н і й“ [2]).

Есть основаніе думать, что орфическая религія грековъ, культъ Залмоксиса у ѳракійцевъ восходятъ къ одинаково-древней основѣ. Вотъ почему ѳракійцы, эти хранители религіозной старины, заслуживаютъ особеннаго вниманія русскихъ и вообще славянскихъ изслѣдователей.

Въ религіяхъ Діониса Залмоксиса было кое-что общаго, напр. та преобладающая роль, которая отводилась женщинѣ въ обрядахъ. Относительно значенія женщины въ культѣ Діониса, нечего и говорить, но тоже можно замѣтить и въ культахъ сѣв. ѳракійцевъ. Страбонъ разсказываетъ, что во всякомъ богослуженіи у нихъ главное значеніе принадлежитъ женщинѣ [3]).

Переходя къ описанію наружности ѳракійцевъ, мы должны прежде всего замѣтить, что они принадлежали къ числу бѣлокурыхъ народовъ, похожихъ въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству греческихъ врачей и физіогномиковъ, на скиѳовъ и кельтовъ. Что касается ихъ головного убора, то ѳракійцы или не обращали на него никакого вниманія, или заплетали волосы въ косу, или зачесывали ихъ назадъ. По свойствамъ кожи (ψυχρὸν καὶ ὑγρὸν τὸ δέρμα καὶ διὰ τοῦτο μαλακόν τε καὶ λευκὸν καὶ φιλὸν τριχῶν [4]) нѣжной, бѣлой и влажной, лишенной растительности, Галенъ относитъ ѳракійцевъ (всѣхъ) къ той группѣ народовъ, къ которой принадлежали скиѳы, кельты и германцы. Далѣе, въ опредѣленіи физическихъ свойствъ ѳрак. племени мы наталкиваемся на тотъ же загадочный терминъ π υ ρ ρ ὸ ς κ α ὶ γ λ α υ κ ὸ ς, который уже отмѣтили въ вопросѣ о народности будиновъ. Древній философъ Ксенофанъ говоритъ, что эѳіопы черны и тупоносы, а ѳрак. голубоглазы и красны ἰ(Αἰθιοπές τε μέλανας σιμούς τε, Θρᾷκες τε πυῤῥοὺς καὶ γλαυκούς).

[1]) Alt-Arisches Jus Gentum и Alt-Arisches Jus civile.

[2]) Maass стр. 53.

[3]) Strab. 297. ἅπαντες τῆς δεισιδαιμονίας ἀρχηγοὺς οἴονται τὰς γυναῖκας, αὐταὶ δὲ καὶ τοὺς ἄνδρας προκαλοῦνται πρὸς τὰς ἐπὶ πλέον θεραπειάς τῶν θεῶν καὶ ἑορτὰς καὶ ποτνιασμούς. Относительно южныхъ ѳракійцахъ то же замѣчаетъ Плутархъ. Alex. II; другія цитаты см. у Рёслера стр. 365, прм. 23.

[4]) Galenus I, 627.

Этотъ загадочный терминъ πυῤῥός былъ, кажется, непонятенъ самимъ древнимъ писателямъ.

Такъ, писатель IV вѣка по Р. Хр., Юлій Фирмикъ, пользуясь, очевидно, вышеприведеннымъ замѣчаніемъ Ксенофона, задаетъ такой вопросъ: cur omnes in Aethiopia nigri, in Thracia rubri procreantur? Здѣсь онъ имѣетъ въ виду цвѣтъ кожи, но въ формулѣ πυῤῥὸς καὶ γλαυκὸς скорѣе подразумѣвается цвѣтъ волосъ. Такимъ образомъ можно думать, что ѳрак. были голубоглазы и бѣлокуры, т. е. дѣйствительно принадлежали къ сѣверно-европейскому типу.

Одежда ѳрак. приготовлялась изъ конопли, что очень поражало Геродота; полотно раскрашивалось въ разные цвѣта (οἱ Θρᾷκες ποικίλαις ἐσθήσεσι χρῶνται. Hesych.); тѣла украшались татуировкой, костюмъ состоялъ изъ подпоясанной рубашки, плаща, который на плечахъ закалывался пряжками, широкихъ штановъ (laxae braccae); на ногахъ ѳракійцы носили сапоги, на головы надѣвали шапки [1]); бессы и геты закутывались въ зловонныя овчины, почему и называются pelliti. Фракійцы имѣли хорошее вооруженіе, которое состояло изъ лука доставившаго славу хорошихъ стрѣлковъ одризамъ, гетамъ и дакамъ, меча, ѳракійское названіе котораго дошло до насъ (σκάλμη др. сѣв. skalmr), и въ изготовленіи котораго прославились уже во времена Ѳукидида Діи на Родопѣ (μαχαροφόρος), и кривой сабли, считавшейся изобрѣтеніемъ ѳракійцевъ (ἅρπη·μάχαιρα καμπύλη Θρακῶν εὕρεσις. Клим. Александр. stromata I, 307). Кромѣ того, мы знаемъ, что ѳракійцы употребляли копье и дротикъ, кинжалы (о виѳинцахъ) шлемъ, щитъ и панцырь. Однимъ словомъ, вооруженіе ѳракійцевъ вполнѣ соотвѣтствовало ихъ воинственнымъ наклонностямъ. У даковъ извѣстны намъ еще знамена съ изображеніемъ дракона, которыя, развиваясь, своимъ свистомъ очень пугали лошадей.

Жилища ѳракійцевъ были самыя разнообразныя: между прочимъ, Геродотъ разсказываетъ объ озерныхъ постройкахъ, и одна изъ этихъ послѣднихъ изображена на траяновой колоннѣ; это круглая хижина съ острой крышей. Ксенофонъ [2]) описываетъ жилище тиновъ: къ хижинѣ (καλύβη) примыкаетъ скотный дворъ, а все это окружено тыномъ (σταυροῖς). Пища ѳракійцевъ состояла изъ рыбы, гдѣ это позволяло мѣстоположеніе, изъ хлѣбныхъ злаковъ (пшеницы, проса и ржи), при чемъ хлѣбъ сохранялся въ ямахъ (σιρός). Томашекъ видитъ въ названіи племени Pyro-geri на среднемъ теченіи Гебра указаніе на знакомство ѳракійцевъ съ растеніемъ, которое по славянски называется пыро; тинское племя Μελινοφάγοι питалось по преимуществу просомъ, бывшимъ главнымъ элементомъ и въ пищѣ сарматовъ и паннонцевъ; кромѣ того, всѣ ѳракійцы очень любили чеснокъ (σκοροδοφάγουσιν οἱ Θρᾷκες. Hesych.). Соль была дорогимъ и многоцѣннымъ

[1]) У даковъ высокія шапки были принадлежностью высокихъ классовъ, на изображеніяхъ на головѣ у ѳрак. что то вродѣ колпака, Геродотъ говоритъ (VII, 75) о лисьихъ шапкахъ у виѳинцевъ, бывшихъ въ войскѣ Ксеркса.

[2]) Anab. VII, 4, 14.

продуктомъ; только у даковъ была своя соль, какъ думаетъ Томашекъ, а большинство ѳракійцевъ получало соль въ обмѣнъ на рабовъ, въ число которыхъ попадали иной разъ даже дѣти знатныхъ лицъ. Наконецъ, большую роль играла животная пища; даже грудным дѣтямъ давали иногда сырого мяса. Всѣ ѳракійцы въ глазахъ грековъ были любителями молока, масла (γαλακτοπόται, βουτυροφάγοι) и сыра; овощи, медъ и плоскій хлѣбъ составляли ихъ лакомство. Всѣ ѳрак. племена отличались, какъ настоящіе дикари, пристрастіемъ къ злоупотребленію спиртными напитками. Виноградная лоза была у нихъ въ большомъ почетѣ, и Буровисту стоило большого труда уговорить даковъ вырвать ее изъ своей земли; ѳрак. пили вино несмѣшанное, и въ бой отправлялись, обыкновенно, пьяными. По ѳрак. вино называлось ζεῖλα или ζίλα [1]); но они знали также ячменное пиво, названіе котораго произведено отъ того индо-европейскаго же корня, что βρῦτος или βροῦτος, лат. de-frutum, ирл. bruthe, англ. broth, тепер. нѣм. brauen, qebräu.

Въ своемъ быту ѳрак. стояли еще очень низко. Всѣ мирныя ремесла и земледѣлія были въ ихъ глазахъ дѣломъ позорнымъ; земледѣліе стояло низко: почва, повидимому, не удобрялась, а каждый годъ мѣнялась [2]). Ѳрак., по свидѣтельству Геродота [2]), считаетъ самымъ пріятнымъ для себя жить „грабежомъ и охотой“; вмѣстѣ съ тѣмъ ѳрак. отличались жестокостію; изъ нихъ по преимуществу набирались палачи и гладіаторы. Какъ и можно ожидать, ѳрак. были очень распущены въ половомъ отношеніи, дѣвушки пользовались неограниченной свободой, за то женщины должны были хранить вѣрность своимъ мужьямъ, которые, конечно, не были связаны никакими стѣсненіями, покупали себѣ сколько угодно женъ и сами себя не признавали образцами нравственности. Имѣли ли геты общину? Мюлленговъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно на основаніи словъ Горація.

(rigidi getae),
immetata quibus iugera liberas
fruges et Cererem ferunt,
nec cultura placet longior annua
defunctumqe laboribus
aequali recreat sorte vicarius (од. 3. 24).

Теперь мы должны упомянуть о ѳрак. погребальныхъ обычаяхъ. Если умиралъ знатный человѣкъ, то его тѣло оставалось непогребеннымъ три дня, а его родные закалали въ это время разныхъ животныхъ; оплакавъ достаточно покойника, они устраивали пиръ; потомъ они устраивали погребеніе, сжигая или закапывая трупъ; во всякомъ случаѣ они насыпали холмъ, куда ставили урну или клали самый

[1]) Также извѣстна форма ὁ ξελάς, которая напрашивается на сравненіе со слав. зелье.

[2]) Респеръ, 370.

[3]) V, 6.

трупъ; наконецъ, они устраивали воинскія игры, при чемъ для единоборцевъ назначились высокія награды. При этомъ описаніи Геродота [1]) невольно вспоминаешь о нашей тризнѣ, хотя нужно сказать, что таковы же были погребальные обряды и у другихъ сѣверныхъ народовъ (напр., у литовцевъ, какъ ихъ описываетъ Стрыйковскій). На гробѣ мужа закалали его любимую жену о чемъ разсказываютъ Геродотъ [2]) и Ѳеопомпъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ почти все, что мы знаемъ о культурѣ ѳракійцевъ. Теперь намъ нужно остановиться на ѳрак. яз., который извѣстенъ намъ въ очень незначительной степени изъ небольшого числа глоссъ, собранныхъ въ послѣднее время Томашекомъ, а ранѣе собиравшихся Делагардомъ и другими учеными, изъ дакскихъ названій растеній, сохранившихся въ рукописяхъ сочиненія греч. врача I в. по Р. Хр., Діоскорида; наконецъ, пособіемъ для изученія ѳрак. языка служатъ многочисленныя личныя и географическія имена, собранныя въ недавнее время опять-таки Томашекомъ. Въ изученіи фригійскаго языка мы можемъ пользоваться надписями написанными греческими буквами и представляющими въ своемъ языкѣ множество грецизмовъ. Ученые (напр. Зольмсенъ), которые въ послѣднее время разрабатывали фригійскій и ѳрак. языки, приходятъ къ убѣжденію относительно тожественности этихъ языковъ и говорятъ прямо о фригійско-ѳракійскомъ языкѣ, въ которомъ они находятъ много общаго съ армянскимъ. Такъ, Зольмсенъ и Кречмеръ указываютъ на то, что во фригійскомъ яз., какъ въ армянскомъ, долгое *o* переходитъ въ долгое *u* (фр. δοῦμος— дума, гот. dôms, англ. dôm—судъ; арм. tur—даръ=греч. δῶρον и т. д.); тотъ же переходъ найденъ и во ѳракійскомъ языкѣ (Кречмеръ 225); далѣе, въ армянскомъ, фригійскомъ и ѳрак. языкахъ *i* краткое передъ гласными часто смѣняется *e*; Кречмеръ думаетъ, что во фриг-ѳрак. языкѣ, какъ и въ армян., *ou* (или *u*) переходило въ *oi* [3]); наконецъ, Зольмсенъ отмѣчаетъ, что во фригійскомъ языкѣ (а также въ виѳинскомъ) сочетаніе nt переходитъ въ nd, какъ и въ армянскомъ языкѣ [4]). Что касается положенія фриг.-ѳрак. языка въ семьѣ родственныхъ языковъ, то въ однихъ отношеніяхъ онъ стоитъ ближе къ сѣверной (слав. и литовской) группѣ, а въ другихъ къ греческому языку. Такъ, въ отношеніи гласныхъ ѳрак.-фриг. языкъ знаетъ различіе краткихъ *a*, *e* и *o*, какъ и греческій, но съ согласными онъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ литослав. языкъ; и это средство доходитъ до того, что онъ знаетъ даже вставку t въ сочетаніи sr, какъ лит., слав. и герман. языки (др. нѣм. stroum, лит. srtovė, слав. струя, ѳрак-фриг. Στρυμών, Στρυδαι и др. [5]); въ склоненіи, которое извѣстно очень мало, найдена одна форма, совершенно сходная со слав: σεμοῦ=семоу; въ

[1]) V, 8.
[2]) V, 5.
[3]) Kretschmer 227;
[4]) Solmsen 59—60.
[5]) Kretschmer. 235.

спряженіи фриг. языкъ сближается съ греческимъ и иранскимъ тѣмъ, что знаетъ приращеніе въ образованіи прошедшихъ временъ. Что касается лексическаго состава ѳрак. языка, то онъ извѣстенъ очень мало, а объясненія которыя даетъ ему Томашекъ, страдаютъ въ большинствѣ случаевъ неопредѣленностью. Нѣкоторыя слова поддаются хорошему объясненію: такъ, ѳрак. племя Σάτροι, единственное, не знавшее, по Геродоту, никогда чужого ига, значитъ собств. враги (санскр., çatru—врагъ. Solmsen. 69): ѳрак. skalm сопоставляется съ др.—сѣв. skalmr; фриг. βέδυ (вода) интересно для насъ въ томъ отношеніи, что ту же форму слова мы находимъ въ арм. get (рѣка); фин. vesi, veden заимствовано, по всей вѣроятности, изъ подобной формы, но неизвѣстно, отъ какого народа; ѳрак. πῖνον или πῖνος (ячменное вино) имѣетъ тотъ же корень, что и слав. п и в о и алб. pine (напитокъ) и т. д. Но во всякомъ случаѣ, ѳрак. именъ и словъ съ ясной этимологіей очень немного, да и вообще мы знаемъ такъ мало ѳрак. словъ, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можемъ говорить о сношеніяхъ ѳрак. съ ихъ сосѣдями, сношеніяхъ, оставившихъ свой слѣдъ въ языкѣ. Дѣйствительно, все заставляетъ думать, что бытъ народовъ, живущихъ на одной широтѣ и въ однихъ приблизительно историческихъ условіяхъ, бываетъ зачастую сходенъ до мелочей; я думаю, что можно принять за аксіому, что всякое культурное пріобрѣтеніе, сдѣланное однимъ народомъ, передается другимъ, сосѣднимъ съ нимъ. Но вопросъ въ томъ, всегда ли оно распространяется съ тѣмъ именемъ, какое получило на своей родинѣ, или же оно получаетъ названіе стараго, знакомаго предмета. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи можно было бы сдѣлать нѣсколько интересныхъ наблюденій. Во всякомъ случаѣ, безъ заимствованнаго слова мы не имѣемъ права утверждать смѣло и безапелляціонно о сношеніи народовъ. Это правило намъ приходится примѣнить въ вопросѣ о связяхъ ѳрак. со славянами. Многое говоритъ за то, что ѳрак. испытывали на себѣ культурное вліяніе скиѳовъ. Такъ, ѳрак. имя Βαρσάβας, которое носитъ, кажется, царь сапаевъ, слѣдовавшихъ за войскомъ персовъ [1]), объясняется изъ иранск. varçavant (волосатый [2]); ѳрак. рѣка Ῥήβας (gen Ῥήβαντος)=скр. revant, зд. raevant, иранскій же отпечатокъ носятъ имена Μαισάδης, Μηδοσάδης и др. [3]) Томашекъ думаетъ найти скиѳское вліяніе и въ бытѣ ѳракійцевъ: отъ скиѳовъ геты заимствовали клинообразный строй въ битвѣ [4]); отъ скиѳовъ велъ свое происхожденіе ѳрак. обычай одурманиванія дымомъ конопляного сѣмени, брошеннаго на раскаленные камни.

Переходимъ къ вопросу о вліяніи ѳрак. на славянъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что слово вино знаютъ всѣ славяне; я былъ бы склоненъ считать его заимствованіемъ изъ ѳрак. (арм. gini—

---

[1]) Tomaschek. B. 128. s. 69,
[2]) Tomaschek. B. 131, s. 12.
[3]) Kretschmer. 215—216.
[4]) Tomaschek. 128, s. 115.

прилагательное образованіе въ сущ. *gen, т. е. *vein [1]). Далѣе, мы находимъ во ѳрак. языкѣ названіе дакскихъ дворянъ низшаго ранга κομῆται, которое народно-этимологическимъ образомъ (къ греч. κόμη, κομήτης) переводится на латинскій языкъ словомъ capillati; это слово очень напоминаетъ др.—прус. cumetis слав. кметь (свободный крестьянинъ, мелкій собственникъ и др.). Далѣе, мы находимъ въ дакскомъ языкѣ названіе растенія di-(v)esema, которое Томашекъ [2]) сопоставляетъ со слав. (долмат.). diwizma; наконецъ, послѣ христіанскіе писатели упоминаютъ о животномъ ζόμβρος (τραγέλαφος ἀπὸ Θρᾴκης ἐλθών). которое уже первые толкователи признали за слав. зѫбръ. Но вотъ и все. Мы знаемъ, кромѣ того, что въ слав. языкѣ есть много именъ, тожественныхъ съ ѳрак. [3]), но все это имена не общеслав. или отожествленіе ихъ сомнительно: такъ мы находимъ въ южно-славянск языкѣ имя Мане, Манъ=ѳрак. Manius; въ болг. Роле=ѳрак. Ρώλης, Дине=ѳрак. Δίνης; Доле=ѳрак. Δόλης; болг. Виша=ѳрак. Βίσα; болг. Мино=виѳин. Μίνος; болг. Дапко=дак. Δάπης. Далѣе мы можемъ сопоставить слав. Венило (чеш. 777 г.)=Βενίλος ὁ Θρᾷξ [4]); влах.-болг. Волъ=ѳрак. Βάλας (изъ Салоникъ); чеш. Wecel (1173 г.)=дак. Βίκελις, ἑταῖρος τις Δεκεβάλου; чеш. Buz=ѳрак. Βούζης (Βούζης καὶ Κοῦτζης=пол. рус. Куцъ—ἀδελφῶ ἐκ Θρᾴκης ὄντες Procop.); рус. Бружко=Βράγγας (олиѳскій герой; сопоставленіе очень сомнительное); серб. Медак=одриз. Μήδοκος; чеш. Roz'=Ρόδος (τὸ γένος Θρᾷξ); серб.-болг. Дечанъ=Δεκαίνεος (дак.); серб. Десо=Δίσων (ѳрак.); морав. Долянъ=ѳрак. Dolanus; серб. Тарза=ѳрак. Τάρσας; чешск. Sysel=Susalla (сарм. Σουσούλων) чеш. Скопекъ=Σκόπας Θρᾷξ; чеш. Гокъ=ѳрак. Γόκων.

Далѣе, въ числѣ ѳрак. географическихъ названій мы находимъ много такихъ, которыя очень напоминаютъ слав. и литовскія слова. Такъ, въ Дакіи былъ городъ Bersovia (до сихъ поръ въ Венгріи есть рѣка Бе́рзава въ 150 килом. длиною, притокъ Темеша): Прокопій упоминаетъ о мѣстечкѣ Βρέδαι (ср. слав. броды), о мѣстечкѣ Πουσινόν въ долинѣ р. Гебра (ср. лит. pusynas „Fichtenwald"), въ долинѣ рѣки Наисса (Нишавы) Прокопій упоминаетъ о мѣстечкѣ Μιλλάρεκα (похоже на слав. Мила рѣка); далѣе, Томашекъ сопоставляетъ мѣст. Μόδρα [5]), Μοδρηνοι съ слав. словами модръ (голубой), модренъ (лиственница); мѣстечко Zervae въ нижнемъ теченіи р. Гебра своимъ именемъ напоминаетъ лит. gerve; слав. жеравь (журавль); мѣст. Sostra (у подножья Гема)—слав. сестра; Στῶλος (Τρι-στωλος)—слав. столъ; Σκελαβρίη κώμη въ долинѣ Гебра значитъ, вѣроятно, деревня у скалы (σκελα=скала); мѣст. Γόνδραι=

[1]) Tomaschek. B. 130 s. 39).

[2]) B. 130, s. 32..

[3]) Слав. имена мы черпаемъ изъ книги Морошкина. Славянскій именословъ. Спб. 1867.

[4]) Procop. b. Got. IV, 9.

[5]) Ср. болото Modrza въ Галиціи.

лит. gandras (аистъ), этимологія котораго до сихъ поръ не открыта; назв. рѣки Ἄπος очень близко къ прус. ape, apu (рѣка), санскр. âpas (вода); рѣка Οἴσχος=лит. aiskus (ясный) и т. д. Мы отмѣтили только самыя бросающіяся въ глаза совпаденія ѳрак. названій съ лит. и слав. что касается ѳрак. именъ, близкихъ къ санскр. и армянскимъ яз., мы ихъ не приводили, хотя ихъ не мало (напр. рѣка Ζούρας или Ζύρας=арм. dzur—вода; мѣстечко Coila, Cuila, Culla= арм. χiuł, xuł хижина; гор. Κιστίδι-ζος—арм. xist- крѣпкій, твердый или гор. Ζαργι-δαύα=осет. zärgh свинья, крѣпость Δυesure (теп. Никополь)—скр. divyaçura и т. д.). Намъ остается упомянуть о названіи трояновой колоніи Dierna на лѣвомъ берегу Дуная въ Дакіи; ея имя передается различно: Dierna, Tierna, Zerna, Tierna, сомнительно, чтобы такъ передавалось слово черна; по мнѣнію Киперта [1]) это „единственный старый слѣдъ слав. языка въ этой мѣстности".

Есть ли въ слав. обычаяхъ какіе-нибудь слѣды ихъ знакомства съ ѳрак. Мы уже говорили, что строить заключенія объ этомъ надо очень осторожно. Во всякомъ случаѣ, стоитъ упомянуть, что слав. погребальный обрядъ очень близокъ къ ѳрак.: славяне знали сожженіе трупа на кострѣ, добровольное самоубійство вдовъ и собираніе пепла въ урну. Также мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ слав. обрядахъ главенствуютъ женщины, какъ это мы видимъ въ обрядѣ опахиванья, гдѣ всѣ женщины раздѣваются донага, запрягаются въ плугъ и опахиваютъ деревню, чтобы прогнать какую либо эпидемическую болѣзнь; прежде этотъ обычай могъ связываться съ началомъ земледѣльческихъ работъ; впрочемъ, это не болѣе, какъ предположеніе.

[1]) Стр. 337, прим. 2.

IX.

Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени [1]).

Послѣ того, какъ въ началѣ нашего столѣтія выступила на сцену новая наука, сравнительное языкознаніе, доказавшее близкое родство между языками и народами почти всей Европы и значительной части Азіи, естественнымъ образомъ возникла мысль о возможности возстановлять и тотъ пра-языкъ, потомками котораго оказались родственные языки. Разъ это было сдѣлано, уже не трудно было судить и о культурномъ развитіи народа, говорившаго на этомъ гипотетическомъ языкѣ, того пра-народа, изъ котораго вышли родственные по своимъ языкамъ народы. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ исторію изученія этой культуры, но за то я позволю себѣ отмѣтить особенную важность лингвистическихъ данныхъ въ смыслѣ матеріала для изученія культуры народа. Въ то время, какъ факты матеріальной археологіи при всей своей видимой несомнѣнности ничего не говорятъ намъ о народности племени, которому принадлежали выкопанные предметы, и развѣ въ очень незначительной степени опредѣляютъ время, когда они сдѣланы или зарыты, или выброшены прочь; въ то время, какъ данныя этнологіи такъ противорѣчатъ другъ другу, что до сихъ поръ не установился даже критеріумъ для опредѣленія этническихъ признаковъ расы;— въ то же время лингвистическій матеріалъ указываетъ прямо и положительно на народъ, владѣвшій этимъ матеріаломъ, и на сравнительную отдаленность времени, когда записаны слова одного и того же языка. Правда, оборотная сторона медали по отношенію къ лингвистикѣ заключается въ методологической трудности использованія ея данныхъ. И вотъ—одна школа на основаніи совпаденія словъ въ двухъ индо-германскихъ языкахъ, принадлежащихъ народамъ, искони не сосѣдившимъ другъ съ другомъ, заключаетъ о существованіи этого слова и въ нераздѣльномъ пра-языкѣ, а отсюда—и о знакометвѣ пра-народа съ предметомъ, названіемъ котораго служило это слово. Подобнымъ же образомъ строются заключенія о характерѣ индо-германскихъ звуковъ, причемъ эти заключенія обладаютъ, по мнѣнію приверженцевъ догматическаго языкознанія, настолько безспорнымъ характеромъ, что между двумя серьезнѣйшими учеными существуетъ настоящій разладъ

[1]) Вступительная лекція, прочитанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 23 сентября 1897 г.

по вопросу о произношеніи древнѣйшаго гласнаго *a*. Съ другой стороны, критическое направленіе языкознанія, сильнѣйшимъ выразителемъ котораго я позволю себѣ назвать Кречмера, автора недавно вышедшей книги „Einleitung in die Ceschichte der griechischen Sprache“ [1]), прямо отказывается отъ надежды возстановлять древнѣйшее произношеніе того или другого звука. Не менѣе скептически оно относится и къ вопросу объ индо-германской культурѣ. „Кто измѣритъ всѣ трудности, которыя препятствуютъ опредѣлить прародину даже отдѣльнаго народа“, говоритъ Кречмеръ, „тотъ, навѣрное, не захочетъ опредѣлять родину гипотетическаго пра-народа“. Какъ бы далеко вглубь вѣковъ мы ни заглянули, повсюду мы найдемъ слова, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного человѣка къ другому, отъ одной народности къ другой. Процессъ созданія новыхъ словъ и звуковыхъ измѣненій идетъ непрерывно, но такъ же безостановочно совершается и ихъ распространіе, а потому совершенно невозможно говорить объ единомъ пра-народѣ, не знающемъ діалектическихъ подраздѣленій. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ (хотя это бываетъ крайнѣ рѣдко), то мы можемъ заключать отсюда вовсе не то, что это слово принадлежало уже пра-народу, но только то, что оно вышло изъ одного центра и распространилось отъ одного народа къ другому еще въ эпоху близкаго сосѣдства индо-германскихъ народовъ. Исторія должна начинать съ совмѣстной жизни цѣлой группы индо-германскихъ народовъ, а не съ воображаемаго „пра-народа“. Возьмемъ, для примѣра, слово соль. Оно является общимъ для западныхъ индо-германскихъ народовъ, но отсутствуетъ у восточныхъ, а между тѣмъ эти послѣдніе не могли не знать соли, которою покрыты ихъ степи. По мнѣнію Кречмера, это объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, а восточные добывали ее на самомъ мѣстѣ ея рожденія; вмѣстѣ съ различіемъ источниковъ добычи соли явилось и различіе въ названіяхъ ея. На мой взглядъ, это мнѣніе находитъ себѣ весьма важное подтвержденіе въ томъ фактѣ, что обще-финское названіе соли тожественно съ индо-германскимъ; это — фин. suola, морд. sal и др. Вообще, въ финскихъ и индо-германскихъ языкахъ найдется не мало весьма древнихъ словарныхъ, фонетическихъ и морфологическихъ совпаденій, а это указываетъ на древнее сосѣдство двухъ этнически, можетъ быть, и неродственныхъ племенъ. Будущему предстоитъ разсмотрѣть съ этой цѣлью, но безъ предубѣжденій, драгоцѣнный матеріалъ, собранный гг. Андерсеномъ и Кипгеномъ. Такимъ образомъ, первый фактъ, который даетъ намъ лингвистическая археологія, заключается въ признаніи сосѣдства индо-германскаго и финскаго племенъ. Переходя на почву литовскаго и славянскаго языкознанія, мы находимъ другой почти несомнѣнный фактъ: именно, необходомость до-

[1]) Cöttingen. 1896.

пустить существовавшее когда-то славяно-литовское языковое единство. Въ чемъ же оно состояло?

Литовскій языкъ, извѣстный намъ съ XVI вѣка въ нарѣчіяхъ трехъ народовъ: собственно литовскаго, латышскаго и прусскаго, представляетъ паразительное сходство со славянскими языками въ области грамматики и словаря. Чѣмъ болѣе изучаются славянскіе языки, съ одной стороны, и литовскіе, съ другой, тѣмъ разительнѣе дѣлается это сходство. Кажется, можно сказать, что всякое древнее славянское слово найдется въ какомъ-нибудь живомъ говорѣ или древнемъ памятникѣ одного изъ литовскихъ языковъ, и притомъ фонетическая сторона этого литовскаго слова нерѣдко служитъ подтвержденіемъ возстановляемой пра-славянской формы его. Такъ, слав. слово зѣлъ восходитъ къ формѣ gailus, которая и существуетъ въ литовскомъ языкѣ, слово цѣна въ его древнѣйшей формѣ kaina было найдено покойнымъ лингвистомъ В. Ив. Юшкевичемъ въ одномъ изъ литовскихъ говоровъ. Подобнымъ образомъ формы съ полногласіемъ и перестановкой плавнаго, вродѣ береза—брѣза, сторожь—стражь, находятъ себѣ объясненіе изъ литовскихъ формъ—bержas (береза), sargas (сторожъ) и др. Это сходство идетъ и дальше: различіе формъ вóронъ и корóва въ смыслѣ ударенія сказывается и въ литовскомъ языкѣ въ различіи вида ударенія. Перестановкѣ плавнаго, можно думать, предшествовало удлиненіе предыдущаго гласнаго. Такое удлиненіе мы находимъ и въ латышскомъ языкѣ, который, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ (напр. въ отраженіи индо-германскихъ мягкихъ гортанныхъ, въ смягченіи гортанныхъ и т. под.) является переходнымъ говоромъ отъ собственно-литовскаго къ славянскимъ языкамъ. Въ системѣ склоненія и спряженія мы видимъ новое доказательство въ пользу существованія славяно-литовскаго языкового единства. Въ этой области довольно много данныхъ собрано польскимъ ученымъ, Jan'омъ Hanusz'емъ [1]), а я позволю себѣ привести всего нѣсколько образцовъ этого сходства. Такъ, мы видимъ лит. akimì рядомъ со славян. пѧть мь, akimìs—пѧть ми, akimus—пѧть мъ, sunaus рядомъ съ сыноу; далѣе, новообразованія въ области суффиксивъ: ратай и artojis, гдѣ старый суффиксъ to(r) перешелъ въ систему склоненія словъ на jo. Въ области синтаксиса передъ нами такія совпаденія, какъ два отрицанія при глаголѣ, замѣна винит. падежа родительнымъ при отрицаніи, творительный падежъ въ сочетаніяхъ, вродѣ нашихъ избрать королемъ и т. п., родительный раздѣлительный, какъ у насъ, въ выраженіяхъ: принеси мнѣ воды и т. д.

Всѣ эти данныя позволяютъ заключить о томъ, что было время, когда литовское племя жило въ ближайшемъ сосѣдствѣ со славянскимъ, хотя нельзя на основаніи только этого думать, что эти два

---

[1]) Въ Rozprawy... wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom. XI. Krakow. 1886.

племени составляли когда нибудь одно цѣлое въ этническомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, факты лингвистики не принуждаютъ насъ къ такому выводу. Подобнымъ образомъ, если вы позволите мнѣ коснуться германистики, нѣкоторыя обще-германскія звуковыя явленія развились уже въ ту пору, когда объ этнологическомъ единствѣ германскихъ племенъ не можетъ быть и рѣчи, т. н., во II—III-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. [1]).

Въ настоящее время еще совершенно невозможно создавать какую бы то ни было хронологію славяно-литовскаго языкового единства; въ нашихъ рукахъ нѣтъ, кажется, ровно никакихъ данныхъ для самаго приблизительнаго опредѣленія его времени и мѣста. Другое дѣло обще-литовское единство. Здѣсь мы стоимъ уже на сравнительно прочной почвѣ. Именно, мы можемъ думать, что литовцы держались близко отъ латышей еще очень долго, хотя при изученіи древнѣйшихъ культурныхъ отношеній литовскаго племени къ его иноплеменнымъ сосѣдямъ, отношеній, отразившихся на словарѣ, мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ литовскимъ, а не съ латышскимъ языкомъ. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго датскаго ученаго, проф. Томсена [2]), финны нѣкогда должны были жить гдѣ-то въ средней Россіи, причемъ въ это время западные финны находились еще въ непосредственной связи съ восточными, такъ что слова, имѣющіяся въ эстонскомъ или финляндскомъ и въ мордовскомъ языкахъ, могутъ восходить къ этому періоду сожитія финскихъ племенъ. И вотъ въ этомъ обще-финскомъ языкѣ мы находимъ уже нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ литовскаго языка. Къ числу такихъ словъ послѣдніе изслѣдователи, гг. Пазоненъ и Сетала [3]), относятъ названія ремня (лит. siksnà), проса (лит. suras), ножа, (лит. peilis=морд. эрз. peel, мокш. pejel). Въ то же время обще-финскій языкъ принялъ въ себя довольно значительное количество индо-иранскихъ словъ для обозначенія домашнихъ животныхъ (борова, теленка), орудій и оружія (молота, песта) цвѣта (синій), счета (сто) и др. Однако въ восточно-финскихъ языкахъ, напр. въ мордовскомъ яз., такихъ иранскихъ заимствованій гораздо больше, чѣмъ въ обще-финскомъ языкѣ, и заимствованія носятъ болѣе цѣльный характеръ, служа для наименованія бога (pazbahas) господина (azora=зенд. ahura), вообще человѣка. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла мы могли бы ожидать присутствія иранскаго элемента и въ литовскомъ языкѣ. Считаю лишнимъ упоминать, что въ носителяхъ иранскаго элемента я вижу, согласно съ Мюлленгофомъ и Миллеромъ, съ одной стороны скиѳовъ, съ другой, родственныя имъ иранскія племена, напр. сарматовъ и аланъ, предковъ современныхъ осетинъ. Однако въ литовскома языкѣ развѣ одно слово balandis (дикій голубь) можно считать пока заимствованіемъ

[1]) Kluge въ Grundriss d. germ. Philol. I, стр. 362.

[2]) Въ его сочиненіи Berøringer mellem de finske og de baltiske Sprog. 1890.

[3]) Мой переводъ ихъ статей см. въ журн. Мин. Народ. Просв. 1897 г. іюнь

изъ иранскаго языка и сравнивать съ осетинскими формами множ чис. bäläd ti, bälon ti (голуби), которыя и здѣсь не имѣютъ этимологіи. Съ другой стороны, славянскіе языки имѣютъ несомнѣнные иранскіе элементы въ словахъ, означающихъ собаку. Это, во-первыхъ рус. собака, предполагающее, какъ свой оригиналъ, существующую иранскую форму sabaka; далѣе, хорв. kuja (canis femina) въ сравненіи съ осет. khug (собака), отъ котораго, можетъ быть, произведены и словинскія слова съ тѣмъ же значеніемъ: kuzel, kużelj, kuzek, kuzlak и др. [1]). Однако какъ эти слова, такъ и другія (пенька, невѣста, которое въ осетинскомъ языкѣ уцѣлѣло въ формѣ nvostä и др.) неизвѣстны въ обще-славянскомъ языкѣ, а стало быть, мы въ правѣ заключить, что въ эпоху ирано-финскихъ сношеній славяне жили въ отдаленіи и отъ иранцевъ, кочевавшихъ на юго-востокѣ Россіи, и отъ финновъ, жившихъ въ средней Россіи. Отъ этихъ послѣднихъ они были, по всей вѣроятности, отдѣлены литовскими племенами причемъ ближе всего къ восточнымъ финнамъ и къ принцамъ жилъ собственно литовскій народъ, а славяне сосѣдили съ предкомъ латышскаго и древне прусскаго нарѣчія и вмѣстѣ съ нимъ остались въ сторонѣ отъ области, хоть сколько нибудь извѣстной греческимъ историкамъ. Весьма важно, что названіе рѣки Нѣмана тожественно въ литовскомъ и славянскомъ языкахъ, но указываетъ ли это на какой-нибудь фактъ изъ географіи славяно-литовскаго единства, сказать трудно. Скорѣе нѣтъ, потому что названіе Нѣмана (Niemen, Нѣмонъ) знаютъ только русскій и польскій языки. Притомъ на поселеніе литовцевъ въ центральной Россіи указываютъ до сихъ поръ географическое названіе Упа (upe рѣка) и существованіе на рѣкѣ Протвѣ литовскаго народа Голяди[2]), покореннаго въ XII вѣкѣ русскими князьями. Географъ II стол. по Р. Хр. Птоломей знаетъ нѣсколько литовскихъ племенъ, изъ которыхъ два: Галинды (Голядъ) и Судины (Судавія) уцѣлѣли до позднаго времени. Эти племена жили къ востоку отъ венедовъ (славянъ), занимавшихъ все побережье Венедскаго залива и сосѣдившихъ съ гютонами, т. е. готами.

Слѣдующій фактъ въ исторіи литовскаго племени приводитъ насъ опять въ столкновеніе съ финнами, но картина уже совершенно перемѣняется. Мѣсто дѣйствія передвигается на западъ по направленію къ Балтійскому морю. Литовскія племена придвигаются къ самому морю и подъ именемъ Айстовъ становятся извѣстны римлянамъ, главнымъ образомъ благодаря своему янтарю. Съ юга съ ними граничатъ славяне, вѣроятно, уже раздѣлившіеся на племена, съ востока— западные финны. Съ юга, съ Вислы, на всѣ эти народы, кажется, едва-ли не одновременно оказали сильное вліяніе германцы въ лицѣ

[1]) Matzenauer. List. fil. a ped. IX, 34 и 41.

[2]) Объ этой Голяди и объ интересныхъ пережиткахъ этого этническаго имени въ преданіяхъ калужскихъ крестьянъ о Голядѣ см. статью В. М. Кошкарова въ „Калужской старинѣ“ (ст. I, кн. 2. Калуга. 1901).

готовъ; цѣлый рядъ словъ перешелъ изъ германскаго языка въ
товскій, славянскій и финскій, это лит. katiłas, фин. kattila, с
котьлъ, гот. katils; кънѧзь=лит. kuningas, фин.
ningas, др.-в.-нѣм. chuning; гот. runa (рѣчь, совѣтъ), лат
runa, фин. runo (пѣснь); др.-в.-нѣм. stuba, лит. stubá, с
истъба, фин. tupa и др. Томсенъ предполагаетъ, что финскія с
взяты изъ германскаго языка не непосредственно, а черезъ литовц
которые были издавна сосѣдями финновъ. По крайней мѣрѣ, древн
шій слой финскихъ заимствованныхъ словъ принадлежитъ литовск
языку, а германскія заимствованія представляютъ уже новыя звуко
соотношенія. Въ пору готскаго вліянія, которое надо относить къ п
вымъ вѣкамъ нашей эры, славяне были уже значительно отдѣле
отъ литовцевъ, такъ какъ цѣлый рядъ словъ взятъ изъ германск
языка отдѣльно славянами и отдѣльно литовцами. Къ числу первы
относятся слова, вродѣ црькы, цѧта и др., къ числу вторыхъ та
слова, какъ лит. kaimas, прус. caymis, лат. cēms (дворъ), ко
рыхъ не знаетъ славянскій языкъ со своимъ правильнымъ соотв
ствіемъ гот. haims—семья. Финны восточные и западные то
жили уже порознь. Однако въ эпоху готскаго владычества въ средн
Россіи, относящагося къ серединѣ IV вѣка, ко временамъ царя Эрм
нариха, готы распространили свое вліяніе и на мордву, которую Іо
нандъ знаетъ подъ именемъ Mordens.

Вотъ нашъ второй шагъ въ древнѣйшей исторіи литовскаго пл
мени. Еще черезъ нѣсколько вѣковъ медленнаго роста и распростр
ненія племенъ, мы находимъ приблизительно то же распредѣленіе н
родовъ, что и теперь. Побережье Балтійскаго моря занято литовским
и финскими племенами съ одной стороны и скандинавскими съ другой
и между этими племенами начинается живой культурный обмѣн
Если я не ошибаюсь, этотъ обмѣнъ замѣченъ лишь недавно, но факт
настолько краснорѣчивы, такъ сами бросаются въ глаза, что обходит
ихъ молчаніемъ невозможно. Финскому ученому, г. Микколѣ, принад
лежитъ, кажется, честь впервые свести нѣсколько словъ, указываю
щихъ на сношенія литовцевъ со скандинавами. Не забудемъ, что в
это время литовцы уже раздѣлялись на литву и на латышей, а финн
на сумь и эстовъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ области миѳологіи, ко
торыя общи скандинавамъ и литовцамъ: лит. vėlės (душа умершихъ
vėlnias (чортъ) и др.-сѣв. valr (смерть), valtívar (=val+tivar
valkyrjur, норв. valdöger (schutsgeist) [1]); лит. perkuna
(богъ грома) —сканд. Fjorgyn (мать Тора); лит. ragana (вѣдьма) — др
сѣв. regin или rogn [2]) (то великанъ, то карликъ—миѳическое суще
ство) и др. Къ числу этихъ словъ слѣдуетъ присоединить названі
миѳическихъ существъ, вродѣ вазилисковъ (или змѣевъ, храните
лей дома, вылупляющихся изъ пѣтушьяго яйца), которое обще скан
динавамъ и англосаксамъ, какъ и названіе валькирій, далѣе — литов

[1]) Germanische Mythologie von Elard Hugo Meyer. Berlin. 1891, стр. 175. § 23
[2]) Ibd. § 246, стр. 183.

амъ, латышамъ и эстонцамъ: это слово pukis,—исланд. puki, эстон. -uuk [1]). Скандинавскій великанъ Ymir точно соотвѣтствуетъ латышскому миѳическому существу Iumis; наконецъ, можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣло сопоставлять лит. judas (чортъ), лат. jōds злой духъ), эст. judas, ф. juutas (чортъ) со скандинавскимъ jotr juti (великанъ). Если это сопоставленіе вѣрно, то мы пріобрѣтаемъ хронологическій пунктъ, послѣ котораго невозможно заимствованіе, именно переходъ d въ t въ германскихъ языкахъ совершился въ первыхъ вѣкахъ нашей эры. Къ тому же выводу приводитъ сопоставленіе др.-сѣв. tjara (=tervon), смола съ лит.-лат. derva и эстон. orw, венд. torw и др. Только изъ германскаго языка возможно заимствованіе лит. éras (овца) и эст. jähr (козелъ). Въ древне-сѣв. языкѣ мы находимъ слово aer (овца), форма котораго представляетъ i-Umlaut сравнительно съ латинскимъ areis и слав. ярьць. На основаніи звука *a e*, въ который переходитъ *a*, можно думать, что заимствованіе совершилось раньше 300 г. по Р. Хр., такъ какъ къ тому времени звукъ *a e* уже замѣняется черезъ простое *a* [2]). Далѣе, передъ нами слово, которое, вѣроятно, перешло къ сосѣдямъ изъ скандинавскаго языка: это названіе пива. У скандинавовъ и англосаксовъ оно имѣетъ значеніе не только пива, но и хмеля (похмелья, пирушки), что̀ указываетъ на исконность у нихъ этого слова. Въ формѣ alud, о которой можно заключать по англосаксон. ealod ealu и др. швед. ol (дат. мн. oldum), это слово перешло отдѣльно къ финнамъ, гдѣ сохранилось въ видѣ ф. olut, эст. olut, и отдѣльно къ литовцамъ, гдѣ мы видимъ лит. alus, прус. alu.

Я не стану злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, приводя и другія слова, которыя подтверждаютъ мою мысль о древнѣйшихъ сношеніяхъ литовцевъ сначала съ финнами, потомъ съ готами и наконецъ со скандинавами. Я позволю себѣ только замѣтить, что при тщательномъ пересмотрѣ словаря сѣверно-европейскихъ народовъ было бы возможно изучить ихъ древнѣйшую исторію въ извѣстной полнотѣ. Изслѣдованіе данныхъ матеріальной археологіи при томъ условіи, чтобы оно шло отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, углубилось бы въ глубь отъ сравнительно недавнихъ временъ и достаточно извѣстныхъ формъ предметовъ, это изслѣдованіе привело бы насъ къ такимъ результатамъ, о которыхъ мы теперь не можемъ и грезить. Матеріальная и лингвистическая археологія должны дѣйствовать сообща, и тогда историческая карта Европы освѣтится передъ нами. Изученіе куль-

---

[1]) См. статью Аунинга въ Magazin d. lett. — liffer. Gesel. 19 т. часть I, стр. 104—105.

[2]) Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle. 1892, S. 54. Шрадеръ отмѣчаетъ еще одно слово, распространенное среди скандинавовъ и славянъ для обозначенія лодки. Это др.-сѣв. ledja (ср. Ellidi, корабль въ сагѣ о Фритьофѣ), лит. eldija, др. сл. ладии, алъдии, мадьяр. ladik; происхожденіе этой группы словъ неизвѣстно. Schrader. Linguistische historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Iena. 1886, стр. 55.

турныхъ сношеній народовъ балтійскаго побережья подвело бы насъ ко времени призванія варяговъ и показало бы намъ, почему на литовской территоріи мы находимъ чисто скандинавскія мѣстныя названія. Я думаю, что при этой работѣ не слѣдовало бы пренебрегать и изслѣдованіемъ легендъ и преданій, связанныхъ съ извѣстными мѣстами: можетъ быть, подъ книжными наносами изслѣдователь натолкнулся бы на такія совпаденія въ преданіяхъ балтійскихъ народовъ, которыя восходятъ къ устной исторической традиціи древнѣйшихъ временъ. Но все это дѣло будущаго!

X.

Эпиграфическіе слѣды славянства.

Славяне появляются на аренѣ исторіи подъ именами антовъ, венедовъ и славовъ, или склановъ. Всѣ три имени были извѣстны еще въ VI в. по Р. Хр., но имя венедовъ является въ эту пору, повидимому, анахронизмомъ, поскольку оно примѣняется къ славянамъ не-германскимъ. Только въ устахъ нѣмцевъ оно пережило все средневѣковье и дошло въ формѣ Wenden до нашего времени. Зато подъ двумя другими именами, антовъ и славовъ, наши предки были извѣстны и у сосѣдей, незнакомыхъ съ книжной традиціей. Повидимому, это были живыя племенныя названія, при чемъ антами называлась та отрасль славянства, которая заняла побережье Чернаго моря и распространилась на востокъ къ Воронежу, тогда какъ собственное названіе славянъ или славовъ пріурочилось въ старую пору попреимуществу къ западной вѣтви, проникшей въ старыя римскія провинціи. Если массовое переселеніе антовъ на югъ и востокъ изъ своей родины, а славовъ на западъ совершилось, конечно, въ довольно позднюю пору, т. е. отъ IV до VI вѣковъ по Р. Хр., то все-таки трудно сомнѣваться, что отдѣльныя единицы антскаго и славянскаго племенъ могли проникнуть въ позднѣйшія мѣстожительства этихъ племенъ сравнительно рано. Когда будетъ произведенъ анализъ варварскихъ именъ на южно-русскихъ греческихъ надписяхъ, тогда выяснится, какъ широки были сношенія черноморскихъ колоній грековъ, особенно же Босфорскаго царства, съ восточно-европейскимъ культурнымъ міромъ, къ которому примыкали славяне, литовцы и финны, и представителями котораго служили кочевые пранцы, сарматы и скиѳы. Что касается запада, то на римскихъ надписяхъ изъ Норика, Паннонiи и Реціи много ѳракійскихъ именъ. При вѣроятности сношеній, связывавшихъ славянъ прикарпатскихъ съ ѳракійцами, не трудно допустить возможность появленія того или другого славянина на службѣ у римскихъ кесарей и сохраненія его имени среди списка римскихъ ветерановъ.

Этихъ вводныхъ замѣчаній, думаемъ, достаточно для того, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ дальнѣйшее. Обратимся къ изданію В. В. Латышева: „Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Pont Euxini“ (2 т.). На большой посвятительной таблицѣ, относящейся къ III в. по Р. Хр. (т. II, № 29) и найденной въ Керчи, мы встрѣчаемъ

среди массы варварскихъ именъ иранскаго, еврейскаго и даже мордовскаго (? Πάγας) происхожденія слѣдующее имя: Ἄντας Παπ(ου). Въ этомъ антѣ позволительно, кажется, признать славянина, уже обреченнаго, насколько это было возможно въ эту пору въ Керчи. Слѣдуетъ замѣтить, что и среди именъ въ Венгріи, представляющихъ огромный и интересный матеріалъ, никѣмъ еще, если не ошибаюсь, незатронутый, находимъ имена: Antus nomen. testis. 808 г. Antus libertinus, 1237 г. и Ont nomen viri. 1275 г. или Onthus nomen viri, 1222. Такъ какъ среди средневѣковыхъ именъ въ венгерскихъ документахъ извѣстно очень большое число такихъ, которыя сохранились на древнихъ греческихъ и римскихъ надписяхъ [1]), то и въ этомъ случаѣ связь между именами Ἄντας и Ont кажется несомнѣнной. Другое имя славянскаго происхожденія—Χορόαθος или Χορούαθος, извѣстное на Танаидской надписи II -III в. [2]) и на другой надписи оттуда же 220 г. [3]). Въ виду формъ Κοΐντου вм. Κουίντου (Quintus) [4]) или Ὀαραζβάλαχος [5]) рядомъ съ Ὀὐάρζβαλος [6]), или Χοαροφάδιος [7]) вм. Χουαροφάδιος [8]) (иран. hvar) и т. д., можно положительно утверждать, что это имя надо возстановить въ формѣ Χορούαθος, которое г. В. Миллеръ разлагаетъ на двѣ части: хор, что значитъ по осетински солнце, и ат постель, ложе на томъ же языкѣ. Сомнѣваясь въ возможности имени со значеніемъ солнечнаго ложа и принимая во вниманіе, что имя Ἄντας относится къ тому же III в., я считаю болѣе вѣроятнымъ отожествлять Χορούαθος съ славянскимъ именемъ Хърватъ. Область распространенія этого имени для меня до сихъ поръ неясна, но, кажется, достовѣрно, что и среди русскихъ славянъ оно было извѣстно; *о* на мѣстѣ *ъ* указываетъ также на русскую почву, гдѣ въ окончательномъ результатѣ *ъ* перешелъ въ этихъ случаяхъ въ *о*. Впрочемъ, въ виду тѣхъ колебаній, которыя наблюдаются при греческой и латинской транскрипціи славянскаго *ър*, нельзя придавать особеннаго значенія появленію *ор* на мѣстѣ *ър*. Меня болѣе смущаетъ греческое θ вмѣсто ожидаемаго τ, такъ какъ θ чаще соотвѣтствуетъ *ч* или *и* варварскихъ именъ, но здѣсь и сопоставленіе г. В. Миллера не разрѣшаетъ недоумѣнія.

---

[1]) Вотъ примѣры: Mocog 1237 Μάχαγος (Лат. Inscr. I. № 57); Moch 1237 или Mok (servus 1082)—Μοκκοῦς или Μόκκας (очень часто); Madoch (1236) или Modach (1250)--Μάδαχος (Inscr. II. № 451) или Bitou (1296), чисто ѳракійское имя, передаваемое черезъ Βείθυς и др. Ср. надпись изъ Pannonia Inferior (Corpus Inscript. latinarum. vol. III. Supplem. 1893 г. № 10360): admin(istrante) Aur(elio) Bito dec(urione). Такихъ примѣровъ совпаденія венгерскихъ именъ съ „варварскими" именами на надписяхъ можно бы указать больше сотни.

[2]) Inscr. II. № 445.

[3]) II. № 430.

[4]) II. № 48.

[5]) II. 442.

[6]) I. № 54.

[7]) II. № 446.

[8]) См. В. Миллеръ, Эпиграфическіе слѣды пранства на югѣ Россіи, стр. 258.

На Западѣ мы наталкиваемся на славянъ подъ другимъ національнымъ прозвищемъ ихъ. Въ Саваріи (теперь Szombathely) въ Верхней Панноніи среди куріаловъ на одной надписи [1]) упоминается Stlabon(ius) Fuscinus. Это—единичная форма, еще плохо приспособленная и оторванная отъ родной почвы.

Ко временамъ императора Гальбы (68 г.) относится списокъ ветерановъ, среди которыхъ встрѣчаемъ имя M. Slavi Putiolani [2]). Ему жалуется право гражданства. Нельзя ли видѣть въ этомъ загадочномъ носителѣ племенного имени славянъ одного изъ славянъ, попавшаго въ плѣнъ въ войнахъ римлянъ съ ѳракійцами или потомка славянина-военноплѣннаго.

Остается еще одинъ вопросъ: употреблялись-ли племенныя имена въ значеніи личныхъ? Примѣровъ такого употребленія много. Приведу нѣсколько: на латинской надгробной надписи изъ Херсонеса Таврическаго названа Valeria Bessa filia [3]), Δημήτριον Ἀπατουρίου [4]) Φαρνόξαρθος Ταυρέου [5]); очень часто въ смыслѣ личныхъ именъ встрѣчаются Скиѳъ, Сарматъ, Синдъ [6]); на одной сирійской надписи мы находимъ Ἀλάνης Μοντάνου [7]) и т. д.

[1]) C. I. L. III. № 4150.

[2]) Corp. I. L. Supplem. стр. 1958.

[3]) Матеріалы по археологіи Россіи. № 17, стр. 17.

[4]) Лат. Insc. II. № 443.

[5]) Ibid. № 451.

[6]) Объ этихъ именахъ см. замѣчанія В. В. Латышева въ Матеріалахъ по археологіи Россіи. № 23 (1899), стр. 74—75.

[7]) Jahreshefte des öster. Archäol. Inst. in Wien. 1900, стр. 19—36, № 52.

137ST2 53 005 BR 1 6602

GN 8 .P6 C.1
Sbornik statei po arkheologii
Stanford University Libraries
3 6105 040 987 187

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAY 2004
JUN 30 2004